

ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК

Spiegel der Geheimnisse

unabhängige russischsprachige
Zeitschrift für Kultur und Politik
mit ausgewählten Beiträgen in
deutscher Übersetzung

Berlin 1997 6,90 DM

6

Ю. Лотман. Сыграть Пушкина

Ф. Горенштейн. О духах и тенях немецкой истории

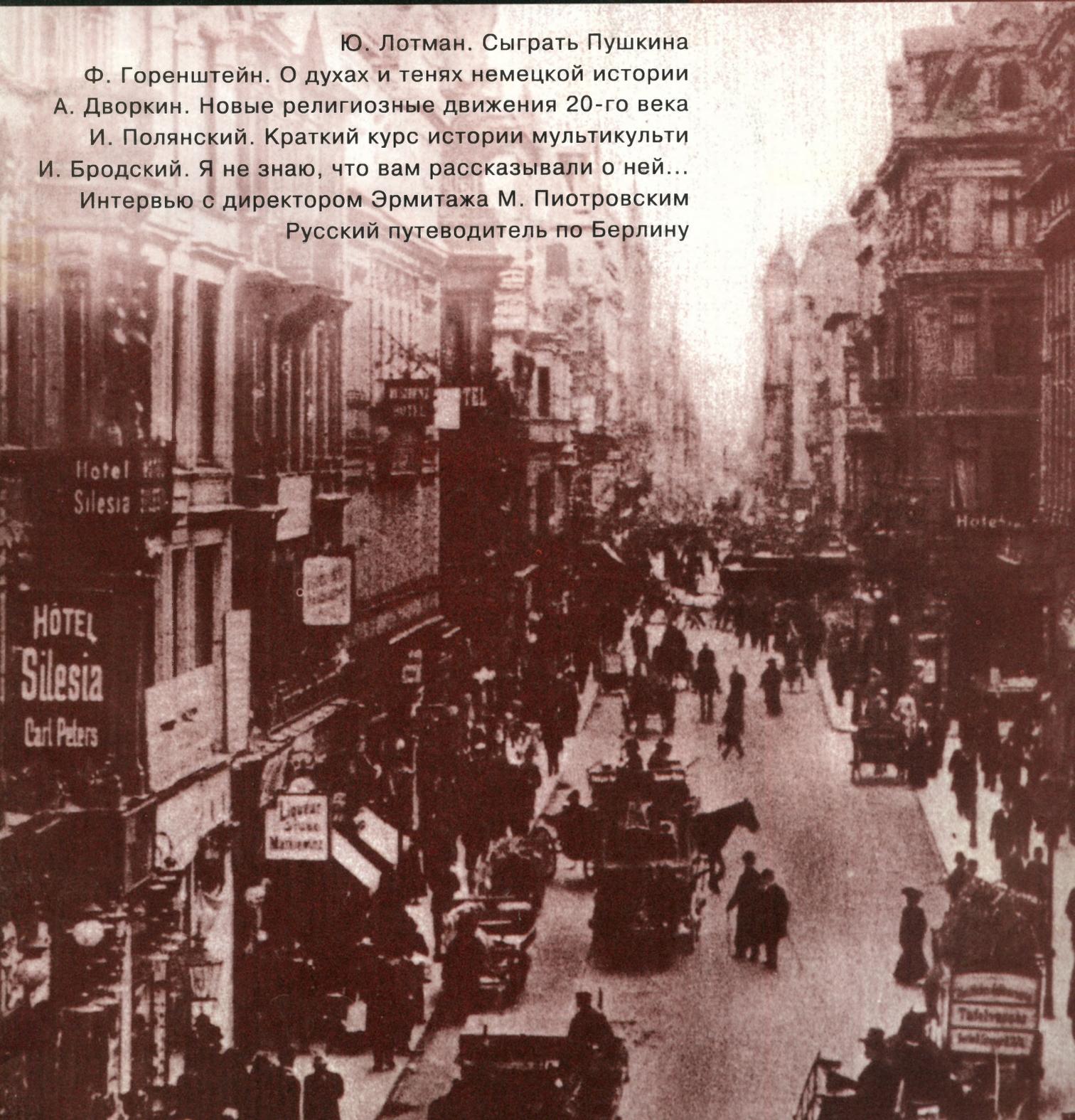
А. Дворкин. Новые религиозные движения 20-го века

И. Полянский. Краткий курс истории мультикульту

И. Бродский. Я не знаю, что вам рассказывали о ней...

Интервью с директором Эрмитажа М. Пиотровским

Русский путеводитель по Берлину

Зеркало Загадок

Выпуск 6, Берлин 1997

культурно-политический журнал

ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

- “Михель, где твой брат Каин?”**
Небольшое эссе о духах и тенях немецкой истории **Фридрих Горенштейн** 2
- “Смена парадигм”**
Новые религиозные движения 20-го века и христианская цивилизация **Александр Дворкин** 6
- Новый “призрак”**
Краткий курс истории мультикультуры **Игорь Полянский** 11
- Польская интрига и русское варварство** **Маттиас Шварц** 15
- Шедевры секретного хранения**
Интервью с директором Государственного Эрмитажа Михаилом Пиотровским **Александр Нинов** 17
- Из записок психолога** **Нелли Фрейнкман** 25

ПРОГУЛКИ ПО БЕРЛИНУ

- Русский путеводитель по Берлину** 31, 58
- История одной мемориальной доски** **Мина Полянская, Татьяна Чернова** 33
- Тургенев о Пергамском алтаре** **Лариса Бройтман** 36

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- “На крестцах”**
отрывок из нового романа-драмы **Фридрих Горенштейн** 37
- “И с первых слов влюбляюсь...”** **Александр Кушнер** 40
- “Но что я потерял в глухой Москве?”** **Александр Лайко** 41
- Об авторстве “Тихого Дона”** **Любовь Аксёнова** 42
Часть 1 **Евгений Вертель**

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- Улыбка Гейне**
Гейне “русский” и “советский”, к 200-летию поэта **Владимир Шубин** 45
- Генрих Гейне “постсоветский”, “Донна Клара”** **Виктор Шнейдер** 49

ИЗ РЕДАКЦИОННОГО АРХИВА

- “Я не знаю, что вам рассказывали о ней...”** **Иосиф Бродский** 50
- Сыграть Пушкина** **Юрий Лотман** 55

DEUTSCHE KURZFASSUNGEN

- Die Geister und Schatten der deutschen Geschichte** **Friedrich Gorenstein** 2
Meisterwerke in geheimer Verwahrung
- Gespräch mit dem Direktor der Staatlichen Eremitage Michael Piotrowski* **Alexander Ninov** 17
- Geschichte einer Gedenktafel** **Mina Poleanski, Tatjana Tschernova** 33
- “Ich weiß nicht, was sie euch über sie erzählt haben...”** **Josif Brodski** 50

Редакция:

главный редактор

Игорь Полянский

ответственный секретарь

Иосиф Малкиель

литературный редактор

Мина Полянская

технический редактор

Борис Антипов

администратор

Яна Кириллова

Корреспонденты:

Иерусалим: Соня Бабкова,

Митя Горошевский

Редакционная коллегия:

Надежда Брагинская (Нью-Йорк), Томас Габлер (Берлин), Леонид Кац (Берлин), Маттиас Шварц (Берлин).

Переводы на немецкий:

Маттиас Шварц

Zerkalo Zagadok

(Spiegel der Geheimnisse)

unabhängiges russischsprachiges

Magazin für Kultur & Politik,

Berlin, Juli 1997;

Redaktion:

Chefredakteur Igor Polianski, verantwortlicher Sekretär Iosif Malkiel, Literaturredakteurin Mina Polianski, Technischer Redakteur Boris Antipov, Werbung und Anzeigen Jana Kirillova;

Redaktionsbeirat:

Nadeschda Braginski, Thomas Gabler, Leonid Kaz, Matthias Schwartz;

Korrespondenten:

Jerusalem: Sonja Babkow, Mitja Goroschewski;

Übersetzungen ins Deutsch:

Matthias Schwartz

Дизайн/Design SupportAgentur Gabler & Lutz GbR, Типография/ Druck: INGRI, Tallin;

Адрес редакции/Redaktionsadresse:
Zerkalo Zagadok, Torstr. 7 B 2, 10119 Berlin;

Tel./Fax (030) 441 03 48 (59);
Im Verlag der SupportEdition,
Postfach 610378, 10926 Berlin.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов публикаций. Перепечатка только с указанием источника. / Bei namentlich gezeichneten Beiträgen liegt die Verantwortung bei den Autoren. Copyright bei “ZZ” und Autoren.

ISSN 0949 - 2089

"Михель, где твой брат Каин?"

*О духах
и тенях
немецкой истории*

Фридрих Горенштейн

В связи с последними событиями - насилиями против иностранцев и "вновь вспыхнувшим" огнем антисемитизма - мои ощущения Германии и мои представления об этой стране не изменились. Подобные ощущения не покидают меня вот уже более десяти лет, почти с самого начала моего приезда в Германию.

Однако, как ответить кратко на вопрос о причинах происходящего, о том, как видится мне подобное развитие в будущем и что еще может быть предпринято? Даже кратко ответить на вопросы о такой стране, как Германия, тем более о немецком насилии, какую бы форму оно ни принимало, будь то провинциальное хулиганство или военные "Drang", без углубления в немецкую национальную психологию и немецкую культуру невозможно.

Нужен Фауст, нужен анализ истеричного немецкого экспрессионизма, нужна кукольная романтика героев Гофмана и внимательное разглядывание таинственных толп на картинах Брейгеля, хоть Брейгель был по происхождению голландец.

Один хороший публицист в свое время заметил, что в России марксизм воспринял не только тоскливую широту русских степей и разгул гармошек, но даже гоголевские бубенцы тройки. Точно так же глубоко национален и немецкий гитлеризм. В нем присутствует вся немецкая многовековая великая философия и культура в своей оцененной форме. Тайна и кошмар, субъективный идеализм в сочетании с мистическим иррационализмом. Спокойная жестокость мясников и сентиментальная восторженность любителей музыки. Разве не картиной Брейгеля выглядит возвращение с кровавой экзекуции эсэсовской Sonderkomman-

de, которая хором поет в строю Volkslieder?

Когда говорят о нацистском изуверстве, в первую очередь вспоминают лагеря уничтожения: Auschwitz, Treblinka и т.д.

Конечно, если говорить о технологии уничтожения, то производство таких предприятий несравнимо с ремесленной работой расстрельных команд. Но если говорить о духе уничтожения, то немецкая ремесленная работа 1941-1942 годов как раз этому духу отвечает. Промышленная технология может быть изменена или отменена. Дух остается. От прадедушек и дедушек он переходит к внукам.

Считается, что послевоенная Боннская республика - образец преодоления своего прошлого и должна служить примером другим странам, в частности России в ее преодолении сталинизма. Нет ничего более далекого от истины. Боннская республика как раз может служить примером того, как это свое прошлое можно умело, даже талантливо, скрыть. То есть, что значит "скрыть"? Это значит разоблачать его по-своему, менять точку зрения, переставлять акценты. Например, в разговорах о лагерях уничтожения есть второй план. Лагеря были предприятиями закрытого типа, индустриализированными и механизированными по последнему слову тогдашней техники. Их обслуживало сравнительно небольшое количество трудящихся эсэсовцев со своими подручными. В рокоте громкого разоблачительного гнева чуткое ухо может уловить сопутствующий шепоток: немецкий народ, массовый Michel в солдатской шинели к этим лагерям никакого отношения не имеет. Иное дело - "ремесленный труд".

Die Geister und Schatten der deutschen Geschichte

Friedrich Gorenstein

Im Zusammenhang mit den letzten Ereignissen - den Gewalttaten gegen Ausländer und dem "von neuem ausgebrochenen" Feuer des Antisemitismus - haben sich meine Gefühle gegenüber Deutschland und meine Vorstellungen über dieses Land nicht geändert. Ähnliche Gefühle lassen mich schon mehr als zehn Jahre, fast seit Beginn meines Aufenthalts in Deutschland nicht los. Es heißt, die Bonner Nachkriegsrepublik sei ein Vorbild für die Bewältigung der eigenen Vergangenheit und sie solle als Beispiel für andere Länder genommen werden, insbesondere für Rußland und seine Bewältigung des Stalinismus. Nichts entspricht weniger der Wahrheit als das. Gerade die Bonner Republik kann als Beispiel dafür dienen, wie sich eben diese eigene Vergangenheit geschickt, ja talentiert verbergen läßt. Das heißt, was bedeutet „verbergen“? Das bedeutet, sie auf seine Weise aufzudecken, den Standpunkt zu wechseln, die Akzente anders zu setzen.

In Deutschland redet man viel über die Tragödie von Dresden. Natürlich, alle Opfer sind Opfer. Man muß jedoch in Erinnerung behalten, daß es in der Sowjetunion Hunderte von solchen Dresdens gegeben hat. Ich bin selbst nur wie durch ein Wunder nicht ein Opfer der deutschen Luftbanditen geworden, die ohne jegliche militärische Notwendigkeit, einzig zum eigenen Vergnügen, besonders im Sommer 1941, unbestraft alles vernichteten, was atmete.

An dieser Stelle kann man noch auf eine weitere Methode aufmerksam machen, seine Vergangenheit im eigenen Interesse aufzudecken, die in der Adenauerzeit angewendet worden ist: die Vereinigung der eigenen Opfer mit denen der anderen. Ein eigentümliches

Spiel auf Unentschieden. Und bei geschickter Akzentsetzung kann man hier sogar ein Übergewicht erzielen. In den Romanen „Psalm“ und „Weggefährten“ habe ich nicht nur über den Nazistaat geschrieben, sondern auch über die unzähligen individuellen Verbrechen der deutschen Soldateska. Das Thema der Brandschatzung durch deutsche Soldaten hat, soweit ich weiß, bei der Aufdeckung der eigenen Vergangenheit kein besonderes Interesse gefunden. Stattdessen greift man voller Eifer nach jedem beliebigen Fakt, der vom Brandschatzen durch sowjetische Soldaten handelt. Sicher, jegliche Brandschatzung ist widerlich, empörend jedoch ist es, wenn mit Hilfe der Akzentverschiebung versucht wird, individuelle Verbrechen von Soldaten dem staatlich organisierten Gemetzel, dem Genozid gegenüberzustellen und beide gleich zu gewichten.

Für den internationalen Nazismus bleibt Deutschland weiterhin das „heilige Land“ (das „braune Palästina“). Und die Deutschen müssen das verstehen. Und sie müssen damit leben, wie ein Mensch mit seinen chronischen Krankheiten lebt. Wenn Amerika sich im Namen der demokratischen Freiheiten ein Häuflein dumpfer Nazis erlauben kann, wenn Frankreich die Existenz der Nationalen Front verdauen kann, dann kann sich Deutschland solchen „Luxus“ noch längst nicht erlauben, gerade im Namen der Existenz demokratischer Freiheiten. Doch es hat sich solchen Luxus erlaubt und erlaubt ihn sich immer noch.

Wie soll man dagegen kämpfen? Mit Demonstrationen und Resolutionen? Demonstrationen und Resolutionen sind auch nötig, jedoch gegen wen? Wenn mich in einem Hotel die Wanzen beißen, werde ich nicht gegen die Wanzen demonstrieren. Ich werde gegen die nachlässige Hoteladministration protestieren. Denn Wanzen, Flöhe, Läuse nisten sich wegen Schmutz ein. So nisten sich auch die Nazi-Wanzen wegen dem moralischen Schmutz ein, der sich im Nachkriegsdeutschland zu Genüge angehäuft hat.

Nun hat man Deutschland vereinigt, und auch der Schmutz hat sich vereinigt. Diejenigen lügen bewußt oder - bestenfalls - irren sich, die den Grund für den sich verschärfenden Nazismus (den sie verschämt Rechtsradikalismus nennen) in sozialen Ursachen suchen: Arbeitslosigkeit, Wohnungsproblem usw. Das sind nur nebensächliche Faktoren.

„Die alten Jungfern“ beiderlei Geschlechts, die die herzergreifenden Gespräche mit den nazistischen Banditen lieben, möchte ich an einige psychologische Eigenschaften der Wanze erinnern. Sie liebt die Finsternis. Finsternis gab es in der deutschen Geschichte genug. Die Wanze liebt den Geruch des Bluts. Blut gab es ebenfalls genug. Wenn die Wanze keine Angst verspürt - trinkt sie Blut.

Во многих небольших украинских и белорусских местечках десятки тысяч людей расстреливались из пистолетов в затылок. Это противоречило даже инструкции Гимmlера, но начальство смотрело на подобные нарушения сквозь пальцы, как на своеобразный солдатский „Unterhaltung“. Впрочем, на бойнях более известного, например, в киевском Бабьем Яре, труд рационализировали - поставили пулеметы. Однако пулемет - все-таки не газовая камера. Даже при стрельбе в упор остается много ремесленного труда. Приходилось ходить по телам. Прачечные работали в усиленном режиме, стирали офицерские и солдатские мундиры, штаны, трусы, очищали от крови солдатскую и офицерскую обувь. Ну, чем не Брейгель?

Кстати, так же, как цеховой ремесленный труд, будучи одушевленным, отличался от труда бездушной машины, так же и немецкий ремесленный труд лета и осени 41-го года имел свое „творческое лицо“.

О своеобразии Бабьего Яра мне, как киевлянину, хочется сказать несколько слов. При отступлении советских войск в 41-м году почти все здания главной улицы Киева Крещатика были по приказу НКВД заминированы и взорваны вместе с поселившимися в них немцами. Погибло некоторое количество немецких оккупантов. Правда, одновременно навсегда исчезла, обратилась в руины прекрасная улица, после войны застроенная примитивными зданиями хрущевско-сталинской архитектуры. Это так, к слову сказано.

Но если вернуться к нашей теме, к Киеву 41-го года, то такие действия очень огорчили немецкого военного коменданта Киева Эбергарда. Эбергард проявил ужасную горячность и приказал немедленно наказать виновных во взрыве Крещатика и гибели высшего немецкого офицерства. НКВД было далеко, но виновных нашли: минеров, террористов, подрывников - еврейских стариков, женщин и детей. Пока в

Варшаве, Минске, Вильнюсе и пр. создавались гетто, Эбергард по собственной инициативе приказал киевского гетто не создавать, решить дело на месте. Конечно, так успешно, за несколько дней, 40 тысяч человек он бы уничтожить не смог, если бы не массовая помощь жителей украинского протектората. Правда, в Ростове добились большего. Когда в первый раз немецкие войска вошли в Ростов на три дня, они успели за это время убить всех евреев. Когда в 42-м году они пришли еще раз, работы уже не было. Конечно, там тоже местные старались, казаки, в том числе, пришлые, генерала Краснова, белого эмигранта. Однако, в Ростове действовали уже газовые камеры на колесах, так называемые "душегубки" - первые опытные образцы инженера Поля.

Где, кстати, Польша? И где Эбергард? Юнкерс, кажется, торгует сантехникой. Мессершмит тоже чем-то торгует. По-прежнему аэропланами? "Добрая старая Тетушка Ю", - услышал я умиленное высказывание о полете старого "Юнкерса". А ведь для меня и бесчисленного количества мне подобных имена "Тетушка Ю", "Дядюшка Мессер" звучали смертельно. Мессершмит стал для меня и для многих символом смерти гораздо раньше, чем Auschwitz.

В Германии много говорят о трагедии Дрездена. Конечно, всякие жертвы есть жертвы. Надо, однако, помнить, что таких дрезденов в Советском Союзе были сотни. Я сам чудом не стал жертвой немецких воздушных бандитов, которые без всякой военной необходимости, для одного лишь личного удовольствия, особенно летом 41-го года, уничтожали безнаказанно все, что дышало.

Тут можно обратить внимание на еще один метод разоблачения своего прошлого, применяемый с аденауэровских времен: объединение своих жертв с чужими. Своеобразная игра в ничью. А при умелой расстановке акцентов тут можно получить даже перевес.

В свое время в Германии была опубликована объемистая книга Л. Копелева "Хранить вечно". Не думаю, что этот труд получил бы такой широкий резонанс во всех слоях немецкого общества и даже народа, если бы не некоторое ко-

личество страниц, посвященных мародерству советских солдат в последние военные месяцы. Дело не в намерениях автора. Посмотрим, как эти намерения и замыслы оказались поняты и приняты в широком немецком обществе. Таким широком, что даже гитлеровская газета "Nationalzeitung" на последней странице, традиционно отданной рекомендованной литературе, рядом с "Achtung, Panzer!" Гудериана или дневниками Геббельса поместила и "Хранить вечно" Копелева. Я не хочу сказать, что автор несет за это ответственность. И, все-таки, отношение к моим книгам у этой публики иное.

Так, 07.11.92. в 18.30 я услышал по телефону краткую рецензию на мой роман "Псалом": "Твой роман "Псалом" - свино-еврейская книга. Ты - еврейская свинья. Убирайся в Израиль. Sieg Heil! Heil Hitler!"

Кстати, голос отвратительный, хриплый, тот самый, которым в примитивных пропагандистских советских фильмах гитлеровцы говорят. И такое впечатление, что даже по телефону воняет изо рта по-утробному, пивной отрыжкой, свиной "голяжкой" с горохом и кислой капустой. Об этой национальной вони гитлеровских оккупантов я, кстати, писал в "Псалме". Писал я также в "Псалме" и в другом своем романе - "Попутчики" - не только о преступлениях нацистского государства, но и о многочисленных личных преступлениях немецкой солдатни. Тема немецкого солдатского мародерства, насколько я знаю, особого значения в разоблачении своего прошлого не нашла. Зато за любые факты советского солдатского мародерства хватаются с пылом. Конечно, всякое мародерство гнусно, но возмутительно, когда путем перестановок акцентов пытаются противопоставить и уравновесить личный солдатский бандитизм государственной бойне, геноциду. Солдатское мародерство может быть противопоставлено только солдатскому мародерству. Попробуем это коротко сделать.

Во-первых, советское солдатское мародерство происходило в последние месяцы войны, тогда как немецкое продолжалось поч-

ти четыре года.

Во-вторых, из-за тяжелых потерь советская армия в конце войны комплектовалась из большого количества криминализованных войной мальчишек. У себя на родине они продолжали совершать те же уголовные преступления. Многие из них впоследствии оказались в тюрьме или даже были расстреляны. Кстати, уже в Германии советское командование за мародерство стало судить и расстреливать. Подобных судов - не говоря уже о расстрелах мародеров - с немецкой стороны не было, даже дисциплинарных взысканий за издевательство над местным славянским населением (про евреев мы уже не говорим) - не было.

А между тем, за спиной немецких солдат, шедших в 41-м году победным маршем, почти без потерь, лежал их сравнительно сытый, веселый, благополучный Vaterland, в то время, как за спиной советских солдат, пришедших в Германию с тяжелыми боями и потерями, повидавших множество смертей своих близких и друзей, лежали выжженная земля, разрушенные села и города, миллионы могил. Конечно, нельзя оправдать эксцессы. Однако надо быть ангелом, чтобы не поддаться чувству мести.

И вот эти-то эксцессы, это-то мародерство путем перестановки акцентов и прочими пропагандистскими манипуляциями, через "wenn" и "aber" ("если" и "но"), объединяют с геноцидом. Даже страдания изгнанных пытаются сопоставить с массовыми истреблениями. То, что в Германии делается иногда исподволь, французскими коллаборантами делается открыто, потому что для международного гитлеризма Германия по-прежнему остается "святой землей", "коричневой Палестиной". И немцы должны это понять. И немцы должны жить с этим, как человек живет со своими хроническими болезнями. Если Америка ради демократических свобод может себе позволить терпеть кучку тупых нацистов, если Франция может перевернуть существование Национального Фронта, то Германия себе такой "роскоши" позволить не может, даже ради существова-

ния демократических свобод. Однако позволяла и позволяет. Существование при Аденауэре на одной из высших государственных должностей гитлеровского расиста Globke общеизвестно. Но случай этот далеко не единственный.

Чего, например, стоит история Ёзефа и его братьев? Речь идет не о библейских сыновьях Якова, а о братьях Менгеле, владельца завода сельскохозяйственных машин, благодетелях и работодателях для Михелей, пусть небольшого, но все-таки целого немецкого города. Братья, откровенные гитлеровцы, кстати, и не скрывающие этого, поддерживали тесные связи со своим братом Ёзефом. А почему же немецкая прокуратура не спросила братьев: "Где же ваш брат Каин?" В этом вопросе - ответ на многое, что ныне происходит в Германии. Конечно, нынешнее обострение обусловлено подходом большой группы из ГДР-гадючника. Но суть происходящего в том, что Боннская республика с самого начала стала раем для бывших нацистов, если только нацисты могут быть бывшими. С самого начала братья Михель и Каин вместе строили Боннскую республику. Лишь "особо отметившиеся" из каинского семени залезли за обои, да и то не слишком далеко. Не тысячи, а сотни тысяч немецких бюргеров оказались достойны нюрнбергской веревки. Но как повесить столько единокровных братьев? Поистине, квадратура круга. Очевидно, потому, из-за чрезмерного переизбытка массовых убийц, было принято гуманное решение вовсе отменить смертную казнь. А

между тем, насилие гитлеровского типа можно преодолеть только насилием.

История доказывает, что даже малое, но своевременно предпринятое насилие может предотвратить большое насилие. Всего две минуты по приказу генерала Зеэкта стрелял Reichswehr во время Мюнхенского путча Гитлера. Этого было достаточно, чтобы приход Гитлера к власти был отодвинут на десять лет. И, может быть, если бы уроками этих двух минут не пренебрегли в последующие годы, Веймарская демократия, история Германии, история Европы, история мира были бы другими. Не все можно решить насилием, но есть ситуации, когда только насилие необходимо - открытое, прямое, без политиканской болтовни. Так было с "Kameraden", так обстоит дело и с их внучатами. Конечно, будем надеяться, что до ситуации, когда нужно будет стрелять даже две минуты, не дойдет. Но ситуация, при которой нацистских бандитов надо сажать на долгие сроки, уже созрела. Причем, сажать не в тюрьму, а в специально для них созданные трудовые лагеря, где они были бы заняты тяжелым трудом. Родителей же молодых оболтусов штрафовать на большие суммы.

Кстати, с родителями дело обстоит еще хуже, чем с их сынками. Михель радикализуется. Это показали последние выборы в Landtag (земельные парламенты). Причем, при авторитарном режиме это не так опасно, как при демократическом. Если, например, во времена Бисмарка Михелями овладевали погромные настроения, то посылали драгун, и

они нагайками разгоняли погромщиков. Но к чему приводит радикализированный Михель плюс демократия и всеобщее избирательное право, мы уже знаем по примеру 33-го года. И ныне, если процесс будет продолжаться, то на вопрос "Михель, где твой брат Каин?", последует ответ: "В Бундестаге". В одном из Ландтагов (в Шлезвиг-Гольштейне) уже сидит издатель "Nationalzeitung", гитлеровец Фрей.

Как же со всем этим бороться? Демонстрациями и резолюциями? Демонстрации и резолюции тоже нужны, но против кого? Если меня в гостинице покусали клопы, я не буду демонстрировать против клопов. Я буду протестовать против нерадивой администрации гостиницы. Чтобы избавиться от клопов, нужны не демонстрации, а дезинфекции. Ибо клопы, вши и блохи заводятся от грязи. Также и нацистские клопы заводятся от моральной грязи, которой в послевоенных Германиях накопилось достаточно.

Теперь Германию объединили, объединилась и грязь. Заведомо лгут или, в лучшем случае, ошибаются те, кто ищет причины обострившегося гитлеризма (который стыдливо именуют правым радикализмом) в социальных причинах: безработице, жилищном кризисе и т.д. Это только побочные факторы.

"Старым девам" обоего пола, которые любят душещипательные беседы с гитлеровскими бандитами, хочу напомнить психобиологические свойства клопа. Клоп любит тьму. Тьмы в немецкой истории хватало. Клоп любит запах крови. Крови тоже хватало. Если клоп не боится, он пьет кровь.

WEGE DES FINDENS - STRUKTUREN DES WISSENS

Schattenlinien

Herausgegeben vom Institut für Heuristik

Bezug: SupportEdition, Postfach 610378, 10926 Berlin, Tel. 6187034

СМЕНА ПАРАДИГМ

Александр Дворкин,
доктор философии,
кандидат богословия

НОВЫЕ
РЕЛИГИОЗНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ
20-го ВЕКА И
ХРИСТИАНСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

1

“Кто контролирует язык человека, контролирует его мысли”, - сказал человек, написавший лучшую, на мой взгляд, книгу о тоталитаризме - Джордж Оруэлл. Отечественные коммунисты, в 1917 году пришедшие к власти в нашей стране, прекрасно это понимали. Они осознали, что если они хотят “всерьез и надолго” воцариться в России, если они хотят, завладеть умами наших сограждан, то они должны будут вытравить из их сознания русский язык, язык, сформированный Православной верой, язык, который по природе своей является христианским. И они сразу же стали насаждать свой советский новояз, на котором через десятилетие заговорила большая часть страны.

Вспоминая стихотворение, кажется Маршака, в котором любознательный пионер спрашивал у седоусого дедушки значение таких неизвестных для него слов, как “городовой”, “слуга”, “чиновник”, “царь”, “Бог” (как же он пел “Интернационал”, бедняга?), и. т.п. А дедушка вспоминал, дескать, да, были такие гадкие слова в его молодости, и радовался, что внучок уже может их не знать. Действительно, поколение Павликов Морозовых никогда не слышало этих слов и вполне обходилось без них. Впрочем, не знали они и многих других слов. Помню, в книге о Зое Космодемьянской рассказывалось, что она, будучи ученицей 10 класса московской средней школы, никогда не слышала слово “омлет”. Зато все они знали другие слова: “рабкрин”, “примкамера”, “пролеткульт”, “рабфак”, “каналармеец”, “медсестра”, и “зарплата”. Русская классика изымалась из обращения - Пушкина и Достоевского быстро сбросили с корабля современности - а все новые пролетарские писатели пользовались только новым пролетарским языком, в котором напрочь отсутствовали “устаревшие” слова. А с изменением языка произошла и подмена понятий. Вместо христианской культуры, в стране, а затем и в умах людей воцарилась новая марксистско-ленинская идеология, основанная на религии, стремящейся уничтожить христианство.

2

Теперь уже никому не надо доказывать, что марксизм-ленинизм является религией со своим верованием, догматикой, катехизисом, нравственностью, обрядами и церемониями. Более того, уже обладая сегодняшним опытом, мы вполне можем его классифицировать как апокалиптическую тоталитарную

секту, сравнимую с такими известными нам сегодня сектами, как иеговизм, мунизм, “Аум Синрике” или кришнаизм. Причем, секту, несомненно имеющую христианские корни. Когда вглядываешься в марксистский катехизис - ту историософскую схему, которая всего десятилетие назад была единственно допустимой в нашей стране, замечаешь множество параллелей между ним и христианским взглядом на мир и историю. Только нужно сразу отметить, в этом внешне близком подобии христианства нет места Самому Христу.

Эта схема основана на уже упомянутой нами подмене понятий или, выражаясь модным ныне языком, смене парадигм. Бог заменяется исторической необходимостью, определяющей посредством классовой борьбы смену общественно-экономических формаций. Как ей и положено, история человечества начинается с рая, но с рая коллективного - с так называемого “примитивного коммунизма”, в котором живут пещерные люди. Врата рая закрываются для людей после грехопадения - и этим грехопадением является появление частной собственности. Как, помнится, было написано в одном школьном учебнике, падение произошло, когда первый человек сказал: “Это мое”. Рай был закрыт, коммунизм кончился, начались страдания, началась эксплуатация человека человеком.

Однако, как мы знаем, после падения должно быть дано обетование грядущего избавления. Оно является в учении и деяниях праотцев и пророков - философов-материалистов и вожаков народных восстаний. Головорез-гладиатор, грабитель, беглый каторжник - все они, возглавив очередной бунт, становились благороднейшими и самоотверженнейшими людьми, идеалистами-мечтателями, рыцарями без страха и упрека и обеспечивали себе место в советском пантеоне славы. Но грех частной собственности еще не был искуплен, и историческая необходимость, которая включилась в работу сразу же после грехопадения, не позволяла им прийти к власти. Их восстания, несмотря на невероятные начальные успехи, в конце концов каким-то образом подавлялись, и все возвращалось на круги своя.

Один из творцов нового языка - пролетарский поэт Маяковский в своей поэме “В. И. Ленин” замечательно выразил это поступательное движение истории. Вот он описывает нечеловеческие страдания и беспросветную жизнь трудового народа. Единственное, что помогает людям жить - это надежда на грядущее избавление и сопутствующую ему священную месть. «Приходи, заступник и расплатчик», - стонал несчастный замордованный народ. «Он придет», - отвечали пророки-материалисты. Правда, их собственное появление, так же, как и смена формаций, было предопределено той же самой неподкупной и неумолимой исторической необходимостью. Ибо каждой формации суждено пройти высшую точку своего развития и под напором классовой борьбы уступить место последующей - более прогрессивной, чем ее предшественница. Феодализм более прогрессивен, чем рабовладельческий строй, капитализм - чем феодализм, и так далее.

Дела и пророчества философов-материалистов и главарей восстаний кульминировались в личности и творчестве Карла Маркса, который, подобно Моисею, заключил Ветхий Завет и основал

ветхозаветную общину. “Время родило брата Карла”, - пишет классик Маяковский.

А неразлучный друг Маркса Фридрих Энгельс, так любивший порассуждать на темы религии, философии и естествознания, играет при нем роль первосвященника Аарона.

Первым среди всех живших на земле пророков Маркс назвал имя бога - исторической необходимости, ее инструмента - классовую борьбу и определил корень зла и страданий человечества. “Маркс открыл истории законы”, - формулирует его роль Маяковский. Носителем метафизического зла в истории и причиной всех несчастий, как и следовало ожидать, оказалась частная собственность. Маркс разрабатывает учение о передовом классе - читай, богоизбранном народе - пролетариате и основывает институт священства, состоящий (хотя бы теоретически) из передовых представителей пролетариата - первый Интернационал.

Были в нем и свои предатели и бунтари. Как в стане евреев Дафар и Авирон восстали против Моисея и Аарона и были извергнуты из земли живых, так и Бакунин восстал против Маркса с Энгельсом и был исключен из первого Интернационала.

Начал складываться канон марксистского священного писания. Но если в Заповедях Моисеевых первая фраза говорит о Боге: “Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской из дома рабства” (Исход 20:2), то заповеди нового Израиля - пролетариата - Манифест коммунистической партии - начинаются со слов о привидении: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”. Согласно учению советского катехизиса, Маркс, уходя, предсказал появление грядущего мессии-освободителя. “Он придет, придет великий практик”, - такие слова вкладывает в его уста тот же Маяковский

После смерти Маркса и Энгельса руководство рабочим движением постепенно переходит в руки оппортунистов-фарисеев. Оно нуждается в радикальном обновлении. Храм коммунизма должен быть очищен от мелкобуржуазных торговцев и менял. И, наконец, историческая необходимость дарует миру избавителя-мессию. Вот что об этом пишет тайновидец Маяковский: “Коммунизма призрак по Европе рыскал, уходил, и вновь маячил в отдалении. По всему поэтому, в глуши Симбирска родился обыкновенный мальчик Ленин”.

По всей видимости, Маяковский намекает, что Ленин был зачат от духа коммунизма. Историческая необходимость послала тот самый призрак, который вдохновлял Маркса и Энгельса и раздувал спасительный пожар классовой борьбы, воплотиться в теле провинциального мальчика Володи Ульянова. Итак, Ленин - мессианская фигура, призванная занять место Христа. Постольку, поскольку Владимир Ильич является живым воплощением духа коммунизма, в нем не может быть ничего инородного самому передовому учению. Право Ленина

изменять как угодно марксизм и при этом оставаться единственным до конца последовательным и истинным марксистом не может подвергаться сомнению: ведь Ленин был сам живым марксизмом и коммунизмом. Отсюда же вытекает некоторая недовольность его иконографического образа. Крайний аскетизм в быту, бездомность, отсутствие какой-либо личной жизни вне революционной деятельности и даже физическая бесплодность - все это знаки преобладания призрачно-коммунистического начала в его жизни над физическим. Отсюда же его духовное родство со всеми его последователями-ленинцами. Недаром, для всех коммунистов он является отцом, а для октябрят и пионеров - дедушкой Лениным.

После смерти Ленина была сделана попытка вселить дух коммунизма в плоть его верного ученика и последователя: “Сталин - это Ленин сегодня”. Когда дух, наконец, покинул тело Сталина, Хрущев постарался объявить себя его носителем. Однако, он стал последним претендентом на эту честь. После него, по крайней мере в СССР, таких попыток более не предпринималось. Ведь мессия, если он настоящий, может быть только один. Его приемники могут лишь претендовать на звание самого верного ленинца. Таким образом, идея реинкарнации на коммунистической практике показала себя ошибочной.

Уже с младенчества Володи Ульянова ярко проявляется его безгрешность и гениальность. С самых ранних лет он осознает свое особое призвание и свою великую историческую миссию. Второго такого ребенка никогда не было на земле. И не могло быть.

Он с детских лет мечтал о том, чтоб на родной земле жил человек своим трудом и не был в кабале”, - объясняет ребятишкам известный поэт Михалков. Ну и, конечно, нельзя не вспомнить хрестоматийное ленинское “Мы пойдем другим путем”. Интересно отметить, что семнадцатилетний подросток, еще не член никакой партии и никакого кружка уже не мыслит себя вне коллектива: “Мы пойдем...”. Михалков подчеркивает сверхчеловеческую природу симбирского подростка: “Семнадцать минуло ему, семнадцать лет всего. Но он борец - и потому боится царь его”. Так же как царь Ирод боялся младенца-Христа, так и царь громадной русской империи, оказывается, трепетал семнадцатилетнего

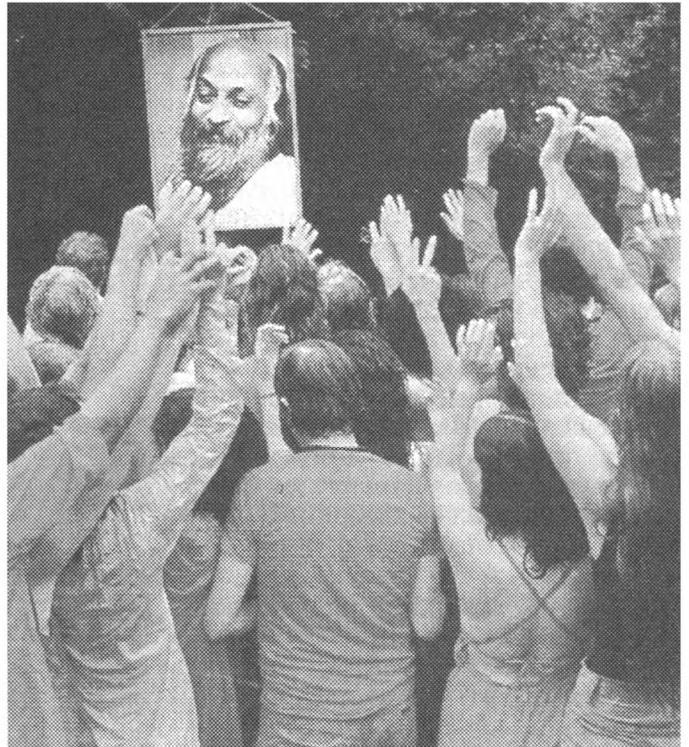
провинциального юноши! Credo, quia absurdum est!

Ленин приносит избавление рабочему классу в отдельно взятой стране и дает обетование избавления для всего человечества. Он заключает новый завет и скрепляет его кровью - правда не своей, а чужой. Он создает новозаветную церковь - партию нового типа. Краткие годы своего земного служения этот "самый человечный человек" живет аскетической жизнью, неустанно работает и отдает всего себя без остатка делу служения рабочему классу. По словам того же Маяковского: "Ежедневный подвиг на плечи себе взвалил Ильич". Смерть Ленина - понятие относительное. "Ленин умер, но дело его живет; Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить; Ленин всегда живой; Ленин и сейчас живет всех живых", да и сколько их еще этих лозунгов-заклинаний! И что может быть характернее факта, что труп мессии так и не был похоронен, и все новые вожди подтверждали свою легитимность, выстаивая во время массовых коммунистических ритуальных действий на крыше главного культового сооружения системы - мавзолея ее основателя!

Борьба с оппортунистами, которую Ленин вел всю свою жизнь, а так же развернувшаяся после его смерти борьба с троцкизмом, зиновьевизмом, левыми и правыми уклонами, весьма напоминает борьбу Церкви первых веков за чистоту православного учения. Как Церковь, компартия имеет своих мучеников, отдавших жизнь за дело рабочего класса и грядущего коммунизма, и своих святых, служивших ему. Вспомним тех представителей коммунистического мариолога и святцев, чьи жития мы изучали в детских садах и школах, которым нас с детства призывали подражать. Правда, их главные качества, за что они были занесены в святцы, совершенно не христианские - ну, например, палач Дзержинский, стукач Павлик Морозов, грабитель и убийца Камо - но зато их всех в личной жизни отличает скромность, честность, аскетизм и беззаветная преданность идее - самые похвальные свойства. И, как Церковь, коммунистическая партия провозглашается безгрешной, несмотря на отдельные ошибки ее отдельных руководителей.

Компартия является как бы частичкой грядущего царства в этом мире. Это грядущее царство - или, может быть, лучше сказать - грядущая всенародная советская социалистическая республика - Коммунизм. Коммунистическая эсхатология опять же построена по христианскому образцу. При коммунизме круг замкнется, история завершит течение свое и прекратится смена формаций. Люди будут счастливы и совершенны, наука полностью покорит природу и овладеет всеми ее процессами. Боли не будет, болезни не будет, жизнь будет во много раз длиннее, чем теперь, она будет продолжаться до полного пресыщения ею, и тогда, уставшие и счастливые, люди будут с радостью отходить в небытие, из которого все началось...

Таковы основные положения популярного катехизиса советского коммунизма, внешне смоделированного с христианского взгляда на мир и историю. Христианство без Христа... Но так как Христос есть Истина, Жизнь, Добро, Красота, Премудрость, Свобода и Любовь, то, избавившись от него, марксистско-ленинская утопия лишилась и всего этого и превратилась в убогий и жалкий

суррогат веры, основанный на ненависти, лжи, насилии и борьбе всех против вся. Это религия, заменившая живого личного Бога слепой исторической необходимостью, определяющей смену неких фиктивных общественно-экономических формаций. Это религия, объявляющая человеческую личность ничем и обращающая внимание лишь на абстрактные классы. Это религия, начавшаяся с погони за призраком и основанная на некролатрии - поклонении трупы. Это религия, чьи служители залили потоками крови и разорили до повальной нищеты богатейшую в мире страну. Это религия, требующая от своих адептов слепой, полной и безоговорочной веры, беспрекословного и бездумного повиновения, религия, основанная на железном предопределении, рабстве и несвободе. Это религия лжи, и мы, христиане, знаем, кого Спаситель называет отцом лжи - человекоубийцу дьявола.

Именно ее демоническим происхождением объясняется та беспощадная война, которую коммунистическая секта объявила любой иной религии, но в первую очередь, христианству. Именно этим объясняется вся диавольски хитрая изощренность методов, которую руководители секты использовали в борьбе против Церкви Христовой.

Нельзя не признать, что борьба эта во многом была успешной. Конечно, Церковь, которую не одолеют врата ада, выстояла, укрепилась и украсилась невиданным никогда во всей предыдущей истории сонмом мучеников и исповедников. Но в советском обществе она оказалась вытесненной на его периферию, став для большинства граждан, поверивших космонавту, который "никакого Бога там не видел", маргинальным явлением и пережитком прошлого. Церковь была вытеснена в своеобразное гетто, окруженное стеной непонимания, презрения, подозрительности и страха. Тем не менее, она выстояла, выжила и, более того, смогла пробить брешь в этой стене. Думается, это и предприняло конечное крушение коммунизма.

3

Но, естественно, и враг рода человеческого не прекратил свою борьбу, но лишь перестроился. Думается, он понял, что схема - вначале захватить власть, а потом навязывать владычество над умами - неэффективна. Надо вначале завоевать умы, а затем власть сама упадет в нужные руки. Не нужно подгонять всех под одну систему: лучше действовать через столь модные сегодня многообразие, плюрализм и терпимость. Материализм также выявил свою несостоятельность - значит, необходимо призывать всех к духовности, но такой, которая проявляется во множестве традиций и подходов.

Именно таковой в одночасье стала позиция всех образованных и культурных людей - элиты нашего общества. Именно к этому призывают все респектабельные средства массовой информации. Именно в этом направлении работают наши государственные органы. Христианство теперь подвергается критике со стороны мягких, культурных, терпимых людей, обвиняющих его в нетерпимости, догматизме, духовном эксклюзивизме. Думается, большая часть из них даже не отдает себе отчета, что на завоеванные ими плацдармы общественного мнения вступают уже другие люди и организации, эффективности тоталитарного контроля которых могли бы позавидовать Сталин и Гитлер, Пол Пот и Энвер Ходжа.

Новая глобальная атака на христианство теперь ведется со стороны новой духовности, новой ментальности, новой религии. Это - единое религиозно-окультурное движение. Конечно, феномен оккультизма сопровождал всей религиозной истории человечества. Однако, именно сегодня, во второй половине 20 века, впервые оккультизм вобрал в себя самые различные учения и группы, приспособил для своего использования самые разнообразные явления и традиции, явился во множестве самых различных модусов, поистине став глобальным явлением. Чаще всего это явление называют английским выражением "New Age". По моему глубокому убеждению, все новые религиозные движения и секты, с которыми мы сталкиваемся сегодня в нашей стране и в мире, являются ветвями единого оккультного древа, органическими частями этой единой антихристианской оккультной религии "Новой Эры". И эта новая религия также обладает своим новым словарем. Вот лишь некоторые из этих слов, взятые наугад из нью-эйджевской книги: смена парадигм; "Эра Водолея"; взаимозависимый или взаимозависимость; холистический (т.е. цельный, целостный - например, медицина); трансформация; посвящение и посвященные; древняя мудрость (которая была утрачена, ее все ищут и находят); космический корабль-земля; глобальная деревня; перенаселенная планета; трансцендентный или трансцендентальный; духовные наставники; небесная иерархия; новое сознание; планетарное видение; глобальное видение; паранормальные явления; космический разум; психические силы; глобальная связь; внутренние энергии и энергетика; новый мировой порядок; сценарий; трансперсональный (т.е. прямой отказ от христианского понимания личности и личностного Бога) и т.п.

Все это исподволь проникло в наше сознание уже давно. Нью-эйджевская литература в стиле "фэнтези" появилась в нашей стране задолго до перестройки. Гороскопы, различные восточные учения и книги

с реабилитацией язычества публиковались государственными издательствами уже с начала 80-х годов. И вспомним, что такое, несомненно принадлежащее к нью эйджу, псевдовосточное учение, как кришнаизм, было импортировано в наглухо задранный СССР еще в 1971 году. И когда началась перестройка, все эти заботливо посеянные семена пошли в буйный рост. Новые члены каждой секты с готовностью воспринимали ее специфический язык: "гербалайфовцы" говорят на русифицированном "пиджн инглиш", кришнаиты и тантристы - мыслят только в заимствованных из санскрита категориях, сайентологи выдалбливают многотомные словари составленного Хаббардом новояза, муниты переходят на англо-корейский волапюк. Но все эти сектантские жаргоны - лишь диалекты единой нью-эйджевской фени, общей для всех языков и народов.

Мы не успели забыть советский новояз, как, не заметив того, перешли на новый и опять нехристианский язык. Включаешь сегодня телевизор, и слышишь с голубого экрана размышления о реинкарнации, энергетике, ауре, космическом разуме, открытии чакр, третьем глазе, экстрасенсорике и пробуждении кундалин. Сегодня этот оккультно-языческий жаргон у всех на устах, и, следовательно, у всех на умах. Теперь наш народ уже мыслит в новых категориях.

Эта мутно-оккультная атмосфера и стала питательной средой для появления, роста и размножения всяческих чудовищных суеверий, сект и учений. Они говорят на понятном и приемлимом для всех языке, в отличие от Православной Церкви, говорящей и мыслящей в категориях, которые большая часть нашего народа так и не успела вспомнить: грех, ересь, догмат, ответственность, покаяние, благодать, таинство, спасение, святость. Смена парадигм уже произошла, и на космическом корабле земля, в лучах нового глобального видения этим "устаревшим" словам и понятиям уже более нет места..

Сейчас, накануне двухтысячной годовщины христианской эры, на наших глазах происходит всемирный процесс возрождения язычества. Не обошел он и нашу страну. Причем, нужно отметить, что он набирает темп семимильными шагами, увы, гораздо быстрее, чем возрождается Православие. Православная русская культура рискует умереть, так и не успев возродиться. И, в отличие от Церкви, современное неоязычество пользуется повсеместной и всемерной поддержкой всех ветвей власти, на всех уровнях и во всех партиях. В Думе на стене висит рериховский флаг. Антропософские вальдорфские школы финансируются государством. Бывший секретарь президентского Совета Безопасности Олег Лобов оказывает широкую поддержку "Аум Синрике", а затем, после ее бесславного конца, казалось бы, навеки скомпрометировав себя, не только не уходит в отставку, но получает новое ответственное поручение. Его заместитель Владимир Рубанов на официальном заседании заявляет, что в пост-православной России национальное сознание должно строиться на идеологии русского космизма. Консул РФ в Италии открыто заявляет о своей принадлежности к язычеству. Президент РФ Борис Ельцин перед выходом на трибуну для предвыборной речи открыто, перед телекамерой, получает благословение от Джуны. Бывший кандидат в президенты

от КПРФ Г. Зюганов в опубликованном интервью заявляет о своей вере в космический разум, в то, что земля вступает в Эру Водолея, что повлечет за собой глобальные изменения в цивилизации, и сознается, что его дочь регулярно составляет ему гороскопы. Жена другого кандидата в президенты - С. Федорова рассказывает о вере своего мужа, что он исцеляет людей при помощи космической энергии, струящейся через его руки. Третий кандидат в президенты на прошлых выборах - В. Жириновский еще несколько лет назад одалживал "Богородичному центру" своего личного адвоката для ведения тяжбы против представителя Русской Православной Церкви.

Появляются новые языческие политические партии. Некоторые из них откровенно языческие, другие до поры до времени могут использовать православную символику, правда, всегда в сочетании с языческими символами, придавая ей оккультную окраску. И это не только такие маргиналы, как различные группировки "Памяти", баркашовцы и другие неонацисты. Это и еще недавно представленная в Думе Республиканская партия. Это и некая общенародная партия "Российский союз", имеющая мощные материальные ресурсы и разветвленную сеть филиалов по всей стране. Она всячески подчеркивает свою русскость, преданность Православию и даже "неприятные иностранной духовной агрессии". Однако, в их программе, присланной в Отдел катехизации и религиозного образования, мы вновь столкнулись со сменой парадигм: это был чистый оккультизм, построенный на националистических сантиментах, заявляющий о преодолении христианства и о замене его новой, строго научной идеологией. Думается, к следующим выборам мы найдем "РС" в избирательном бюллетене, только выступят они получше, чем блок Джуны на выборах прошедших.

И, наконец, следует отметить еще одну организацию зонтичного типа. Это - "Всемирный Русский Собор" (не путать со Всемирным Русским Народным собором, в работе которого принимает участие наша Церковь). Среди его многочисленных учредителей самые различные секты и движения, в том числе и "Общество сознания Кришны", различные тантрические группировки, ряд новых религиозных движений и языческих объединений. Что же может быть общего между русскими националистическими группировками, индийскими сектами и оккультно-националистическими сообществами, да еще на декларируемой ими базе патриотизма, народности и государственности? Эту общую идею лучше всего выразил в разговоре со мной один из руководителей отечественного кришнаитского движения. Сказал он буквально следующее: "Зачем вы говорите о

христианской русской культуре? Ведь Россия стала христианской всего-навсего каких-то 1000 лет назад. А до этого в ней царил многотысячелетняя ведическая традиция".

Итак, круг замкнулся. Вместо прежнего неудавшегося объединения интернационалистов всех стран пошел процесс всемирного объединения националистов, обнаруживших между собой общую почву в виде древнего оккультного ведического знания. И неважно, в чем оно проявляется - в друидизме или шаманизме, в почитании махатм из Шамбалы, в поклонении богине смерти Кали, Перуну, Кришне, космическому разуму или открытому сатанизму - главное, что это древне-оккультное знание и неизбежно вытекающее из него отвержение иудео-христианской традиции (в их терминологии - жидо-масоно-христианство) - та основа, признав которую, новые властители умов обнаруживают свое родство.

Я не пророк, но похоже, это объединение будет куда прочнее первого, и новая грозная сила, наступающая на христианство, может добиться гораздо больших успехов. Не случайно, что всегда чувствующие силу коммунисты мгновенно среагировали на эту смену парадигм и восприняли новую языческо-националистическую риторику. Вспомним, что на пятачке возле бывшего музея Ленина постоянно идет совместная коммунистическая, неонацистская и неоязыческая тусовка, а на их книжных развалах мирно уживаются труды Ленина и Рериха, Гитлера и Блаватской, Алис Бейли и Алистера Кроули, Бхагвана Раджниша и Рона Хаббарда. Я не говорю уже о таких опусах как "Преодоление христианства" или "Трупные пятна назорейской угрозы" и т.п.

Поэтому, вряд ли случайно, что подавляющее большинство руководителей новых сект либо ставят себя на место Христа, либо открыто провозглашают себя Антихристом. Мы не знаем, станет ли новый мировой порядок царством Антихриста, или он лишь подготовит почву для его пришествия. Спаситель недвусмысленно сказал, что не наше дело знать времена и сроки. Но мы помним, что Его Царство - не от мира сего, и что никакие земные привязанности, даже такие, самые дорогие из них, как любовь к родному краю, к своему городу, к своей стране, не должны заслонять для нас Самого Христа и Его Церковь. В противном случае мы неизбежно скатываемся к обожествлению твари, т.е. к язычеству и к его основному методу - оккультизму. Мы знаем, что "мир во зле лежит", и мы знаем, что весь он, в том числе и самые дорогие и любимые для нас реалии, должны будут пройти через смерть и воскресение. Но мы также помним слова Спасителя: "В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир".

Зеркало
Загадок

принимает заказы
на подписку и рекламу

ЗАКАЗЫ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ:

"ZERKALO ZAGADOK"

Torstr. 7 B 2, 10119 Berlin,

Tel./Fax (030) 441 03 48 или (030) 441 03 59

НОВЫЙ “ПРИЗРАК”

краткий курс
истории
мультикультуры
Игорь Полянский

И смеется гость земли немецкой...

Слово о полку Игореве

На воротах одного из нацистских концлагерей было написано: “Jedem das seine” - каждому свое. Знаменательно, что именно эти слова стали лейтмотивом эпохи, в которую мы живем. “Все относительно”, “Все амбивалентно”, “Что естественно, то - не безобразно”, “Объективность - это общепринятое мнение большинства”, “Сколько людей - столько и мнений” - эти и подобные им банальности превратились в неопровержимые аргументы застольного, кухонного, а подчас и академического спора.

Студент в клетчатом платке Организации освобождения Палестины с плакатом: “Мы против расизма, антисемитизма, сексизма”, интеллигент, рассуждающий за кружкой пива об относительности бытия, шовинист, говорящий с искренностью, достойной доверия, о равенстве наций - таковы персонажи нашего времени, симптомы явления, называемого мультикультуры или - в научной терминологии - культурным релятивизмом.

Прежде всего, сделаем небольшой экскурс в историю культуры мультикультуры и попытаемся изложить сущность этого понятия. Культурный релятивизм как общественно-политическое явление имеет давнюю историю. Не раз он “уходил и вновь маячил в отдаленьи”, но незаметно, как бы исподволь, прочно вошел в моду, и вот уже несколько десятилетий его “призрак” победоносно бродит по Европе.

Однако изначально культурный релятивизм, являясь одним из направлений этнологии, вовсе не был достоянием широкой общественности, а научные споры релятивистов и их давних оппонентов - универсалистов - не покидали

стен университетских кафедр.

Отрицая объективность каких бы то ни было культурных ценностей и устоев, сторонники релятивизма утверждали, что культура и заключенный в ней “нравственный кодекс” - лишь способ самовыражения, “самопрезентации” того или иного народа. Являясь субъективными (“объективность - общепринятое мнение большинства”), культурные ценности одних народов не могут быть “хуже” или “лучше” других, более того, сами понятия “плох” и “хорош” бессмысленны вне конкретного национально-культурного контекста. В соответствии с принципом “каждому свое” каждый этнос выражает себя по-своему. Способ же самовыражения - естественный продукт исторического развития этноса, а, как мы знаем, “что естественно, то - не безобразно”. Таким образом, европейская демократия и, скажем, центральноафриканский каннибализм имеют равное право на существование.

Создание релятивистской школы нередко приписывают немецкому философу Хердеру, борвавшемуся в свое время с универсализмом французского просвещения. Впрочем, один из его последователей, философ и литературовед Исаак Берлин оспаривает эту точку зрения: “Мы призваны признать, что жизнь привносит множество ценностей, являющихся в равной степени истинными, окончательными и объективными. Учение это называется плюрализмом... Но из факта, что ценности одной культуры не совпадают с ценностями другой, не следует относительность самих ценностей... Релятивизм же исходит из того, что объективные ценности не существуют вовсе... Истинный релятивизм родился из ир-

рационализма немецкого романтизма”. Добавим, что немецкий романтизм конца 18-го - начала 19-го века, милый и беззаботный, стал источником многих, на первый взгляд, исключаящих друг друга идеологий. Так, некоторые историки утверждают, что и немецкий национализм родился из пастушеских идиллий романтики.

Возрождение культурного релятивизма в нашем веке началось по окончании Второй мировой войны, во-первых, как реакция на только что пережитую европейцами трагедию, а во-вторых - в связи с борьбой стран третьего мира против колониализма. Достижения европейской цивилизации, породившей фашизм, в который раз были подвергнуты пересмотру, а евроцентризм, апологу которого Редьярду Киплингу принадлежат знаменитые строки: “Несите бремя белых...”, сменился осознанием европейцами собственной вины перед народами бывших колоний.

Надо сказать, что вопросом о моральном праве на культурную экспансию европейцы задавались всегда. Так, например, историк Себастьян Хаффнер писал: “Колонизация - это всегда агрессия, насилие сильных цивилизаций и народов над слабыми. Но в то же время, колонизация - это и прогресс, поскольку остальные цивилизации тянутся за более развитыми. Таким образом, колонизация несёт с собой и добро, и зло, и судить о ней можно лишь в зависимости от того, что перевешивает, добро или зло”.

В послевоенные годы эта и подобные ей безнадежно универсалистские оценки колониализма рассматривались прогрессивной европейской общественностью как глубоко реакционные. Более того, с точки зрения новой идеологии суждения Хаффнера потеряли всякий смысл, поскольку опирались на постулат о существовании примитивных и развитых цивилизаций. Отныне даже само упоминание о различиях в культурных традициях народов разных стран попало в разряд политической некорректности. Что уж говорить о критике. Уклонисты, проявлявшие по недомыслию или малодушию непозволительные сантименты, признаки сочувствия, скажем, угнетенным женщинам ислама, тут же обвинялись в расизме:

“Сочувствуя, мы проявляем европейское высокомерие по отношению к непреходящим ценностям мусульманской цивилизации”.

Так первоначально плодотворное осознание вины бывшими колонизаторами сменилось комплексом вины, причем не только по отношению к бывшим колониям, но даже и к странам, которые никогда ими не были. При этом, европейцы, казалось бы, забыли о том, что борьба колоний за независимость вовсе не означала отрицания европейской культуры. Наоборот, именно такие, “навязанные” коло-

низаторами понятия, как “свобода”, “равенство”, и “суверенитет” стали лозунгами освободительного движения.

Известно, что комплексы приводят к оговоркам и подменам. Именно в то время вместо слов “нация” и “раса” начали говорить “менталитет” и “культура”, возникли или вновь вошли в моду такие понятия, как “черные немцы”, “загадочная русская душа”, “еврейский менталитет”.

В Европе наступил “культурный ренессанс”. О культуре можно говорить пространно и красиво,

так, чтобы, по выражению Салтыкова-Щедрина, никто ничего не понимал, но все облизывались. Указывать на национальное, расовое происхождение стало неприличным. Надо сказать, новая линия была быстро подхвачена европейским обывателем, в частности, немецким, и политически корректные ведущие замурлыкали с экранов телевизоров: “Наш великий немецкий ученый Айнштейн...” Кстати говоря, именно видных еврейских ученых и деятелей искусства повсеместно и с особым сладо-

страстием принялись “производить в немцы”.

Вышеупомянутые подтасовки привели к неизбежному следствию: замене старого лозунга о равенстве наций на лозунг о равенстве культур и признании за каждой из них права на самоопределение. Европейские умы разделились, таким образом, на два враждующих лагеря: на “злых” универсалистов-консерваторов и “добреньких” релятивистов при явном стратегическом преимуществе последних. Как в сказке: добро побеждает зло. Это положение привело уже, как во всей Европе, так, в частности, и в Германии к определенным изменениям на общественно-бытовом, внутривнутриполитическом и международном уровнях.

Поскольку мещанин по формулировке Набокова - это человек, “чьи взгляды определяются набором банальностей и идеалами, привычными для его времени и круга”, культурный релятивизм стал любимой игрушкой немецкого мещанства. Нынешний бюргер в отличие от набоковского, вооруженного до зубов предрассудками, настроен сугубо демократически, он толерантен, а предрассудков - упаси Боже! - лишен начисто. Ему, разумеется, “все равно, какой вы национальности”, “главное - чтоб человек был хороший”.

Когда-то видный советский литературовед Наум Берковский на лекции, посвященной новелле Проспера Мериме “Кармен”, заявил: “Вообще-то, цыгане - не самый симпатичный народ. Это романтики вывели цыган в люди!” (Релятивизм, как мы упомянули, исторически связан с романтизмом.) Вышеприведенные слова для мещанина звучат кощунственно. Потому он с особым возмущением узнает о том, что Еврейская Община Берлина осудила идею строительства совместного памятника пострадавшим от нацизма евреям и цыганам.

На наш же иноплеменный взгляд устроители памятника страдают очевидной непоследовательностью. Нацисты уничтожали также душевнобольных и гомосексуалистов. Посему логично было бы пересмотреть художественное решение будущего монументального комплекса, включив в

него, кроме бронзовых изваяний иудея и цыгана (если таковые будут), дополнительные фигуры.

Еще, современный обыватель свято верит в науку и любит повторять: “Наука доказала...” Наука этнология доказала ему, что люди равны независимо от цвета кожи, но вот менталитеты у них очень разные, и каждый по-своему хорош. Политические репрессии в Иране и Китае более не вызывают его справедливого негодования, поскольку, как опять же доказал “великий немецкий ученый Айнштайн” “все относительно”, а поэтому не следует подходить к политическим проблемам этих народов “с нашими европейскими мерками”. Конечно же, достоин сочувствия писатель Салман Рушиди, приговоренный Ираном за его антиисламистскую книгу к смертной казни. Однако не стоит забывать и о праве мусульманской цивилизации защищать свои непреходящие, самобытные, имеющие глубокие исторические корни, национальные традиции.

Уважение чужих культур - это и лучшее средство для здорового аппетита при чтении утренних газет за завтраком, ибо, если хорошенько поразмыслить, раскинуть мозгами, то голод в Центральной Африке явно преувеличен “нашим обществом всеобщего консума”. Между тем, чернокожие, издавна живущие в полном единении с природой, сыты солнцем, воздухом и маковой росинкой. И счастливы.

“Пошлость пошлого человека”, достойная пера Чехова или Набокова, отнюдь не является темой настоящей статьи. Она не стоила бы упоминания, если бы обыватель, будучи существом примитивным, не являл собою идеальной модельной системы. В перечисленных нами тенденциях с особой отчетливостью отразились политические приоритеты во внутренней и внешней политике Германии и других европейских стран.

Политика ФРГ по отношению к иностранцам отражает хитросплетение противоречий, заложенных в идеологии толерантности. Пестрые идеи мультикультурного общества на территории Германии, в котором мирно, как львы и антилопы из сказки Корнея Чуковского, сосуществу-

ют культуры разных народов, более того “взаимно обогащают друг друга”, не могут не вызвать сочувствия.

Но случается, время от времени, льется кровь. Так произошло, например, в Мекленбург-Форпомерне, когда более тысячи политических беженцев из самых отдаленных уголков нашей многоликой планеты поместили в общежитие, находившееся в немецкой деревне в 200-300 душ. Восточнонемецкий крестьянин, ещё не охваченный мультикультурпросветом, пережил культурный шок, и взаимного обогащения не получилось. Общежитие, как известно, забросали бутылками с зажигательной смесью.

С другой стороны, логическим следствием идеологии культурного релятивизма является ограничение приема политических беженцев в Германии. Диктатура, нарушение прав человека рассматриваются все чаще как проявления автономного и самоценного пути развития того или иного народа. Соответственно, свобода, придуманная европейцами для внутреннего пользования, едва ли необходима китайцу. Вывод напрашивается сам собой: упомянутый китаец прибыл в Германию вовсе не за свободой, но, вероятнее всего, за немецкой социальной помощью, а, как известно, экономических беженцев ФРГ не принимает.

Вышеупомянутые тенденции можно было бы рассматривать в качестве характерного примера очередной подмены, когда “уважение чужих культур” при внимательном рассмотрении оборачивается национальным эгоизмом самого банального свойства. Однако разумным немецкий эгоизм назвать невозможно. Ниже мы попытаемся объяснить, почему.

В 1962 году известный философ Раймонд Арон писал: “Гетерогенность цивилизаций, включенных сегодня в одну и ту же политическую систему, в будущем приведет, возможно, к более тяжким последствиям, чем нынешнее враждебное противостояние двух режимов, двух учений...”

С окончанием эпохи холодной войны человечество постепенно идет к осознанию того, что многолетняя борьба двух политических систем лишь отодвинула во времени более глубокие противоречия. По мнению универсалистов, в

современном мире усиливается влияние исламских стран и Китая, а поскольку каждая из этих культур претендует на исключительность, они не могут не являться опасными соперниками Запада.

Сторонники культурного релятивизма оспаривают эту точку зрения. Именно с распадом Варшавского договора, - утверждают они - на Западе началось, подогреваемое прессой, создание нового "образа врага" для формирования нового баланса противоречий. Таким был избран ислам.

Необходимо заметить, что подобный взгляд на мировую политику разделяют и те, кого в толерантности обвинить едва ли возможно. Так, например, генеральный секретарь ливанской Хисб Аллы Хассан Насралла заявил в интервью журналу "Spiegel": "Христианский Запад формирует искаженное представление об исламе. Он стремится запугать собственное население, создавая образ врага. К чему стремимся мы - это исламское пробуждение... После долгих лет колониализма, тирании и потери самоидентификации мы находимся в фазе возрождения. Из-за грубого вмешательства Запада мы почти забыли собственную культуру".

В то же время, президент ФРГ Роман Герцог, как бы переключаясь с главным ливанским террористом, говорит о начале "...новой эпохи", в которой "культуры и

философии, ещё недавно угнетенные,... пробуждаются к новому самосознанию".

Однако "пробуждающиеся философии и культуры" претендуют на универсализм, а потому из упомянутой "переключки" можно сделать лишь один вывод: прав Хасан Насралла, руководитель Хисб Аллы, заявляя: "Мы преклоняемся перед нашими пророками. Запад - напротив - своих не уважает. В этом - разница между нашей культурой и вашей".

Сегодня Западу противостоит растущее число государств, давно объявивших его своим смертельным врагом: "Для нас Америка, конечно же, остается дьяволом, преступником, так же, как вором, лгуном и убийцей" (Х. Насралла). На последней конференции ООН по правам человека подавляющее число "незападных" стран продемонстрировало открытое неприятие даже самых элементарных прав и свобод, признанных в Европе.

Рассчитывать на мультикультурное содружество с таким "самобытным" и "самоценным" миром нелегко. Между тем, Европейский Союз не только не оказывает должного давления на упомянутые страны, но, наоборот, нередко оказывает им прямую или косвенную экономическую поддержку.

Теория конвергенции, которой с начала семидесятых годов руководствовались немецкие социал-

демократы, утверждает, что экономическая помощь Запада неизбежно приведет к демократизации стран третьего мира.

Полностью отрицать подобную точку зрения, разумеется, было бы неверным. Однако и утверждение, что политический режим государства находится в прямой зависимости от материального благосостояния общества, представляется нам чересчур поверхностным. Видимо, именно из концепции конвергенции исходил и президент ФРГ Роман Герцог, заявив в одном из интервью "Die Zeit": "Для голодных людей право на свободу слова имеет неизбежно меньшее значение, чем для сытых".

Эта фраза не могла не найти отклика и понимания в сердцах немецких левых и животах немецких бюргеров. Между тем, идея о том, что путь к сердцу диктатора лежит через желудок, имеет существенные политические последствия - это, во-первых, недостаточно жесткая политика по отношению к государствам, нарушающим права человека, а во-вторых - оказание им экономической помощи.

Не следует, однако, забывать, что экономическая поддержка зачастую, наоборот, ведет к укреплению диктаторских режимов, более того - к росту их военного потенциала.

Что же касается иных культур, то мирное сосуществование с ним

- нелегкая задача, если учесть и тот факт, что само понятие "мир" в европейском понимании означает "отсутствие войны", а, например, в мусульманском - всемирное распространение ислама. Об этом следовало бы помнить и европейским релятивистам, и левому правительству Израиля и определиться в понятиях, прежде чем начинать политику под безобидным названием "ближневосточный мирный процесс". На наш взгляд, для создания "мультикультурного общества", для мирного сосуществования разных национальных традиций необходимо выполнение именно этого непреложного требования из учебника по общей философии: "определимся в понятиях".

После того, как мы рассмотрели основные проявления культур-релятивистского духа в политике и общественной жизни, хотелось бы вернуться к началу этой статьи, где не случайно было указано на "странное сближение": нацистский лозунг "Jedem das seine" стал лейтмотивом эпохи постмодерна.

Давнишняя идея равенства наций утверждала равное право каждого, независимо от национальной принадлежности, на достойную жизнь и "а бисала глик" (немного счастья), как поется в одной еврейской песне. Поскольку "все мы - человеки", то и сами критерии "достойной жизни", разумеется, европейские, понимались как общечеловеческие, универсальные.

Культурный релятивизм отрицает существование таковых, делает их вторичными по отношению к той или иной культуре, а, следовательно, постулирует неравенство представителей разных народов перед ценностями, которые отныне из ранга общечеловеческих разжалованы в региональные, европейские.

Понимая локальную культуру как конечную, объективную, инстанцию, за рамками которой начинаются иные миры, иные объек-

тивности, релятивизм автоматически подчиняет ей человеческую индивидуальность. В этом контексте правозащитники в Китае или Иране не только не заслуживают поддержки, более того - должны рассматриваться как преступники, поскольку оценка их деятельности возможна лишь в рамках их же тоталитарных цивилизаций.

Замечу, что такой взгляд на мир весьма близок к идеологии нацизма. Так, например, планы порабощения славянских народов нацисты возводили в высшую "гуманность", утверждая, что свобода им попросту противопоказана. Разница заключается лишь в том, что идеологи нацизма постулировали неравенство по отношению к достижениям современной цивилизации по национальному признаку. Нынешние же "демократы", нацисты от культуры, видимо из этических соображений, подменили слово "нация" на волшебное слово "культура".

Иногда это приносит дивиденды. Так, например, весьма удобно заявить, что евреи, воспитанные в русской культуре, более еврейми не являются. Они - русские, следовательно и еврейскую эмиграцию в Германию пора прекращать и вину искупать не перед кем. "Выгодны" и ограничение приема беженцев в европейских странах, и уклонение Запада от "ненужных" конфликтов на международном уровне.

Мы привели лишь немногие примеры вполне "удобного" применения идеологии культурного релятивизма на практике. Указанные "выгоды", однако, сиюминутны и временны. Не стоит забывать, что не раз упомянутая в этой статье сентенция "каждому свое" принадлежит римской культуре. Осмелимся предположить, что если бы римляне вовремя поменили слова сентенции местами, провозгласив "свое - каждому", то вандалы не разрушили бы Рима.

ПОЛЬСКАЯ ИНТРИГА И РУССКОЕ ВАРВАРСТВО

Маммуас Шварму

*Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях или верный россия?*

А. Пушкин

В одном из районов Варшавы есть место, которое многие поляки предпочитают обходить стороной. Вот уже несколько лет бывший стадион 10-летия Республики Польша называют в Варшаве "русским базаром". Размеры этого крупнейшего в стране рынка грандиозны, а его годовой оборот составляет около трех миллиардов долларов. Находясь здесь, где отовсюду слышна русская речь, трудно себе представить, что по данным министерства Внутренних дел в Польше проживает всего 516 русских, 1138 украинцев, 348 белорусов и 124 литовца. Дело в том, что эта статистика учитывает лишь тех бывших советских граждан, кто въехал сюда после января 1991 года и ныне легально проживает в стране. Что же касается "нелегалов" и туристов, то их число достигает по приблизительным данным полумиллиона человек.

К русскому базару варшавяне относятся с недоверием, а в добропорядочных польских семьях стало привычным ежевечернее назидание детям: "Тылько не ходш до россиян на базаже".

Эта бытовая подробность из жизни польской семьи вполне соответствует данным статистики. В рамках недавнего опроса общественного мнения варшавяне спрашивали, с чем у них ассоциируется слово "Россия". Ассоциативный ряд среднестатистического поляка оказался не слишком разнообразным. "С мафией и преступностью", - ответили 37% опрошенных, "с пьянством", - ответили 25%. 33% варшавяне считают, что Россия представляет собой постоянную угрозу всему миру.

Причины столь негативных отзывов, вероятно, следует искать не столько на русском рынке, где, говорят, торгуют оружием и наркотиками, распространены воровство и мошенничество, сколько в многовековой истории русско-польских отношений. Польская поговорка 19-го века гласит: "Пока стоит мир, москаль поляку не брат". Впрочем, параллельно существовала и вторая версия этой

РУССКОЕ РАДИО

106.8 FM

с понедельника по пятницу с 16 часов
SFB 4 Multikulti, 106,8

польской народной мудрости, в которой вместо москвиты фигурировал немец. Это не случайно. В течение полутора веков Польша была разделена между Россией и Пруссией.

Многочисленные польские восстания послужили причиной формирования соответствующих стереотипов и в России. Если русские для поляков традиционно ассоциировались, прежде всего, с азиатским варварством, то "поляк" вошел в русскую классическую литературу как "коварный агент", "заговорщик", "жулик под маской иезуитского священника". Выражение "польская интрига" вошло в русский язык еще в 19 веке. Правда, со временем оно приобрело большую универсальность, усовершенствовавшись в интригу еврейскую.

Надо сказать, стереотипы подобного рода обладают поразительной гибкостью. Немецкие (немецкие ли?) анекдоты об ост-фризах в России рассказывают о чукчах, в Испании - о высокогорной народности леппе. После Первой мировой войны, когда Польша обрела независимость, набор антипольских клише сменил адресата. Недолго заставила себя ждать и "украинская интрига", поскольку Украина в тот период начала борьбу за свой суверенитет. Очередное возрождение антипольских настроений в России характерно и для кануна Второй мировой войны, после заключения пакта Молотова-Риббентропа.

Деятельность польской "Солидарности", распад СССР и Варшавского блока, основание 3-ей Польской республики в 1990 году не могли не привести к росту национализма и новому охлаждению отношений между двумя странами. Обстановка особенно обострилась сегодня в связи с планами расширения НАТО на Восток.

Строки, написанные А. Пушкиным в 1831 году, вполне соответствуют нынешним умонастроениям россиян:

Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли россы
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ли нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Недемократические взгляды великого русского поэта (которые, кстати говоря, и в пушкинские времена считались недемократическими, и послужили причиной размолвки Пушкина с Вяземским) разделяют сегодня многие граждане России, голосовавшие на последних президентских выборах за Зюганова и Жириновского. Поэтому стремление Польши вступить в Североатлантический блок, несомненно, ведет к усилению позиций правых сил в России.

В Польше, как того и следовало ожидать, наблюдаются аналогичные тенденции. В Варшаве на полках книжных магазинов появились издания с броскими заголовками типа:

"Русское варварство" и "Поляки и москали". Слухи о нападениях вооруженных польских банд на российские поезда и автобусы вызвали даже серьезное беспокойство обычно невозмутимого министра Иностранных дел России. Существует риск, что весь груз предубеждений по отношению к русским может стать благодатной почвой для националистического популизма и лозунгов "Польша для поляков".

Что же касается диалогов на высшем уровне, то они ведутся все еще по-старинке: "в теплой и дружественной атмосфере". Посещение польского президента Квашневского России и

Белоруссии в апреле 1996 года вселило ненадолго надежду на нормализацию отношений между соседями. Однако, в последнее время мирные диалоги все чаще и чаще касаются не мирных тем. Несмотря на заверения великого русского поэта "Мы не сожжем Варшавы их", президент Квашневский в недавнем интервью журналу "Шпигель" заявил: "Мы ожидаем, что в дальнейших переговорах с Россией будет решена проблема эксклава Калининград с его гигантской концентрацией вооружений. Это не только проблема Польши, но и проблема безопасности всего НАТО... Блок НАТО должен был бы еще раз основательно продумать, насколько далеко следует ему заходить в своих контактах с Россией".

Охлаждение отношений между Россией и Польшей, разумеется, не может не сказаться на русских, живущих здесь. Впрочем, по ту сторону политики и идеологии существует реальная жизнь постсоциалистической Польши, а русские играют в ее экономике существенную роль. Из 80 миллионов человек, въехавших в 1995 году в страну, почти четверть составили выходцы из стран СНГ. Это - огромный прирост, если учесть, что в 1991 году Польшу посетило всего 7,8 миллионов граждан СССР.

До сих пор проблема иммиграции играла в польской внутренней политике незначительную роль. Эта ситуация постепенно меняется. В связи

с изменением закона ФРГ о политических беженцах, в соответствии с которым "азиланты" высылаются из Германии в Польшу, эта страна оказалась вынужденной проявлять все большую жесткость по отношению к иммигрантам и ужесточать пограничный контроль. Эти изменения отражаются, конечно, и на положении граждан СНГ.

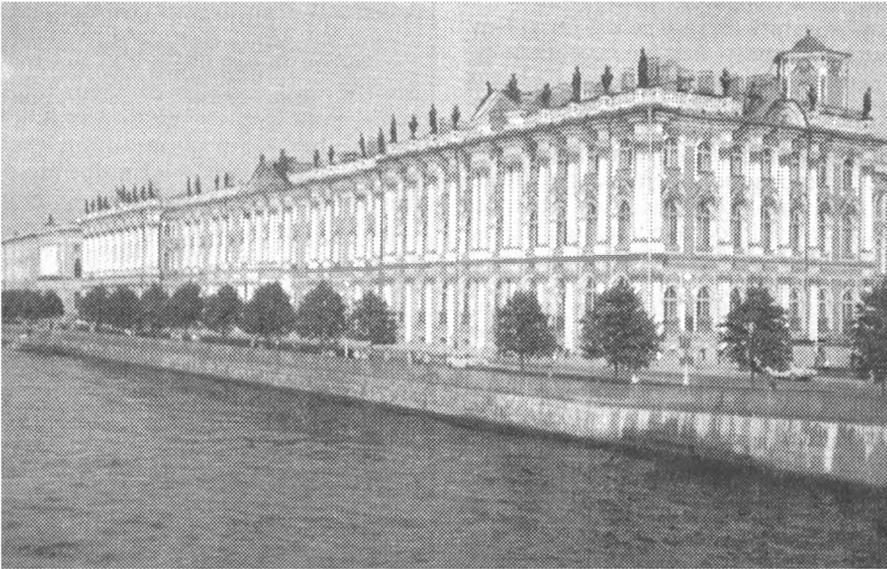
Большинство русских, так называемых "челночников", приезжает в Польшу по делам мелкого бизнеса. Что же касается русской культуры, то ее влияние здесь едва ли ощутимо. Конечно, в Варшаве существует еще, как водится, "Центр русской науки и культуры", изрядно обветшавший и опустевший. В последний раз он привлек внимание местной прессы летом 1996 года в связи с первой в Польше эротической ярмаркой. Теперь же лишь изредка проширит по гулкому коридору "Центра" тень ветерана из клуба "Бывших польских солдат Красной армии", да вспорхнет летучая мышь. Впрочем, не так давно покой ветеранов был ненадолго нарушен

топотом копыт и молодецким смехом. Во время очередного польского похода в "Русском Центре" разбили свой бивуак донские казаки. Еще, на вокзале "Варшава центральна" можно приобрести ежемесячную газету "Русский курьер Варшавы", с главным редактором которой я встретился в марте этого года. В. Кирьянов живет в Польше уже 9 лет. Газету он выпускает на деньги русских и местных спонсоров с 1991-го года.

Политика и культура играют на страницах "Курьера" лишь второстепенную роль, поскольку газета рассчитана прежде всего на читателя, нуждающегося в конкретной и оперативной помощи для ориентации в Варшаве. На мой вопрос об отношениях между поляками и русскими редактор "Курьера" ответил: "Несмотря на политику, в наших отношениях нет проблем. Политика - это совсем другое дело. Раньше была "польско-советская дружба". Теперь ее нет. Но это не имеет ничего общего с человеческими отношениями".

Не знаю, чего больше было в ответе редактора мне, немцу, правды или славянского прекраснотворения в духе пушкинских строк:

Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор,
уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Шедевры секретного хранения

*Директор
Государственного
Эрмитажа,
доктор
Михаил Пиотровский
отвечает на вопросы
главного редактора
журнала
"Всемирное слово"
Александра Нинова.*

В киосках петербургского Эрмитажа появилась тщательно подготовленная и прекрасно изданная книга: "Неведомые шедевры. Французская живопись 19-20 веков из частных собраний Германии". Это иллюстрированный каталог выставки особой группы картин, хранившихся в специальных кладовых Эрмитажа, вход в которые на протяжении полувека был закрыт даже для собственных сотрудников Музея. Лишь считанные лица из штата мастеров-реставраторов и хранителей, не считая дирекции, имели доступ к этим узникам спецхрана.

После общего введения, трактующего особую проблему "неведомых шедевров" Государственного Эрмитажа, автор, Альберт Костеневич, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа, описал историю создания и сложную коллекционную судьбу каждой из 74 картин знаменитых художников, по преимуществу французских импрессионистов и постимпрессионистов, составивших сенсационную выставку в Петербурге.

Имена создателей шедевров известны всему миру: Ван Гог, Вюйар, Гоген, Дега, Делакруа, Дерен, Домье, Коро, Курбе, Мане, Марке, Матисс, Моне, Пикассо, Писсарро, Ренуар, Руо, Сезанн, Сера, Синьяк, Сислей, Тулуз-Лотрек, Фантен-Латур.

А вот следы самих созданий, в большинстве своем первоклассных, давно исчезли из культурного обихода. Считалось, что эти картины погибли в пожарах и руинах Второй мировой войны.

Один из самых состоятельных коллекционеров предвоенной Германии Отто Кребс, философ по образованию и удачливый промышленник-бизнесмен по роду деятельности, помещал картины, приобретенные им в двадцатые годы, в своем имении, деревенском замке Хольцдорф под Веймаром, где их могли видеть лишь очень немногие люди - близкие родственники и друзья семьи. Великолепные полотна Ван Гога, Сезанна, Гогена, портреты Эдуарда Мане, картины Ренуара, поздние пейзажи Камилля Писсарро десятилетиями оставались в частном владении и не выставлялись. Часть коллекции Отто Кребса действительно погибла во время обстрела и бомбежек в 1945 году, но основная, лучшая часть, хранившаяся в помещении с бронированной дверью, уцелела и была вывезена из Германии в СССР после окончания Второй мировой войны.

Meisterwerke in geheimer Aufbewahrung

*Das Gespräch mit dem Direktor
der Staatlichen Eremitage,
Herrn Dr. Michael Piotrowski,
führte Alexander Ninow
(Gekürzt)*

Die Entschiedenheit der Direktion der Staatlichen Eremitage in St.-Petersburg und des Staatlichen Puschkin-Museums der darstellenden Künste in Moskau, die Geheimhaltung zu beenden, die nach dem Zweiten Weltkrieg konfiszierten Meisterwerke öffentlich auszustellen, erregte ein verständlicherweise großes Interesse in der Öffentlichkeit und in der Presse vieler Länder. Viele Fragen sind aufgetreten, haben sich auch uns gestellt, und so baten wir den Direktor der Eremitage, Michael Piotrowski, der seit dem Tod seines Vaters 1992 das Museum leitet, zumindest auf die wichtigsten Fragen zu antworten. Das Gespräch im Arbeitszimmer des Direktors der Eremitage hat ungefähr eine Stunde gedauert. Sein Inhalt wird nach der Tonaufnahme gedruckt.

Alexander Ninow: Wie ist kurz gefaßt die Geschichte der Gemäldegruppe, die nach Rußland überführt worden ist und seit den letzten Märztagen 1995 für jedermann zugänglich in der Eremitage ausgestellt wird?

Michael Piotrowski: Man muß sagen, daß diese Geschichte in den Details noch nicht ganz geklärt ist, auch die Einzelheiten kenne ich nicht, wenn man unberücksichtigt läßt, was in Eile und nicht immer nach glaubwürdigen Quellen die Journalisten berichten. Ich kann nur nach den sehr spärlichen Dokumenten urteilen, die wir haben. Und wir haben nur eine Liste über den Erhalt der Objekte, die in die Eremitage gebracht worden sind. Viele Bilder sind gleich nach dem Krieg angekommen, ein Teil im Laufe des Jahres 1945.

A. N. Als die Bilder aus der Sammlung Krebs und anderer Privatsammlungen in der Eremitage gelandet sind, wurde da auch ihr offizieller Status bestimmt?

M. P. Ihr juristischer Status wurde auf keine Weise bestimmt. Es fällt mir schwer, darüber zu reden, weil ich nicht weiß, wie man damals tatsächlich ihren Status aufgefaßt hat. Nach einiger Zeit wurde der Status insoweit bezeichnet, als daß die Bilder uns nur zur Aufbewahrung übergeben worden seien, zur speziellen staatlichen Aufbewahrung. Sie sind nicht in die Sammlung der Eremitage aufge-

Помещенные вместе с другими "трофейными" сокровищами в специальные запасники Эрмитажа, картины из частных коллекций Отто Кребса, Отто Герстенберга, Бернхарда Келлера, Карла Сименса и других как бы перестали существовать. Режим особого хранения, установленный инструкциями КГБ для всех художественных ценностей, перемещенных из побежденной страны на территорию СССР (главным образом, в Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве и Государственный Эрмитаж в Ленинграде), исключал не только музейное экспонирование, но также изучение, описание и даже случайные публичные упоминания о хранившихся в секрете шедеврах. Сведения о них перешли в разряд служебной государственной тайны, разглашение которой каралось по соответствующим статьям уголовного кодекса советского государства.

При этом следует, конечно, помнить, что изначальная проблема "перемещенных" художественных ценностей была создана не КГБ. Начало беспрецедентного в мировой истории разграбления чужих национальных сокровищ было положено гитлеровским рейхом. Вторжение немецких войск в страны Западной и Восточной, Центральной и Южной Европы сопровождалось не только огромными разрушениями в ходе военных действий, но и массовым изъятием музейных и художественных ценностей из оккупированных стран. На территории Польши, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Франции, Греции, Югославии, Белоруссии, Украины, России были похищены, конфискованы и вывезены в неизвестном направлении сотни тысяч предметов искусства, общую стоимость которых невозможно даже приблизительно оценить.

Для государственного музея Третьего рейха в Линце, по приказу Гитлера, специальными уполномоченными отбирались самые уникальные и ценные произведения классической живописи и скульптуры. Множество произведений, захваченных завоевателями, попало в частные руки, стало предметом спекуляции, перепродаж, а после войны осело в третьих странах, порой очень далеко от театра военных действий - в Северной и Южной Америке, Австралии и других местах. С переносом войны на территорию Германии в 1945 году колоссальный ущерб, в свою очередь, понесли немецкие земли и города. Разрушения, конфискации и мародерство опустошили крупнейшие музеи и частные собрания страны.

Решимость дирекции Государственного Эрмитажа в Петербурге и Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве покончить с секретностью, выставить на всеобщее обозрение конфискованные после войны шедевры возбудило понятный интерес во многих странах мира. Вопросов накопилось много, есть они и у нас, и мы попросили директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, принявшего управление музеем в 1992 году после смерти своего отца, ответить хотя бы на главные. Беседа в кабинете директора Эрмитажа продолжалась около часа. Этот просторный кабинет с большими окнами на Неву 26 лет занимал отец нынешнего директора, академик Борис Пиотровский.

Приняв руководство Эрмитажем в переломные и кризисные времена, когда граду Петра вернулось его изначальное историческое название, а с имперским прошлым петровской России поневоле приходится прощаться, Михаил Пиотровский взял курс на обновление прежних подходов и прежней музейной политики, оставаясь в то же время ревностным защитником главного дела своего отца. Эта позиция, как нам показалось, прозвучала и в ответах нового директора Эрмитажа на заданные вопросы. Содержание беседы печатается по имеющейся записи.

Александр Нинов

Александр Нинов. Какова вкратце история перемещения в Россию той группы картин, которые с последних дней марта 1995 года выставлены в Эрмитаже для свободного обозрения? Какая часть немецкой коллекции Отто Кребса попала в Эрмитаж и что есть на выставке из других частных собраний?

Михаил Пиотровский. Я об этой истории могу судить только по очень скупым документам, которые у нас есть, а у нас есть только списки получения тех предметов, которые направлялись в Эрмитаж.

Многие картины поступили сразу после войны, часть вещей поступала на протяжении 1945 года. Если говорить о той коллекции, которую мы выставляем, то это прежде всего картины из коллекции Отто Герстенберга. Его коллекция, одна из лучших в Германии, во время войны была там разделена. Картины, которые оста-

лись в старом хранилище страховой компании "Виктория", погибли во время бомбежки. Наиболее ценная часть коллекции хранилась вместе с картинами из Национальной галереи в особом здании-бункере в Зоологическом саду в Берлине. На крыше бункера были установлены зенитные батареи, а внутри здания под ними хранились вещи из музеев. Лучшие картины Герстенберга уцелели и были переданы нам.

Картины коллекции Отто Кребса поступили в 1949 году, они были направлены в Эрмитаж нашей военной администрацией из Тюрингии в порядке реституции, то есть частичного возмещения огромного ущерба, в том числе музейного, в сфере искусства и культуры, которые понесла Россия в результате агрессии. Специальных документов, с этим связанных, у нас нет, была общая формулировка, на-

nommen worden und sind kein Bestandteil von ihr. Man hat sie der Eremitage zur Aufbewahrung übergeben und nur das. Der Staat, und nicht die Eremitage, kontrollierte ihre Unversehrtheit. Die Listen befanden sich unter der Kontrolle des Staatssicherheitsdienstes, der für die Geheimhaltung im ganzen Land verantwortlich war, und damit auch für die Objekte, die sich im Fond zur speziellen Aufbewahrung befanden. Uns war die technische Seite anvertraut worden, zu überprüfen, ob sie sich in gutem Zustand befänden, doch sie wurden weder ausgestellt noch erforscht.

A. N. Heißt das, sie wurden zum vollständigen Eigentum des sowjetischen Staates oder behielten sie den Status unbestimmten Eigentums?

M. P. Damals war man der Auffassung: Wenn Kostbarkeiten dem Museum vom Staat übergeben worden sind, dann handelt es sich um Staatseigentum. Obwohl das nirgends geschrieben stand. Geschrieben stand, daß diese Kostbarkeiten der speziellen Geheimverwahrung unterliegen, was der Leitung und den Mitarbeitern der Eremitage eine zusätzliche Last aufbürdete, durchaus keine leichte. Dabei standen die Objekte der Eremitage nicht zur Verfügung und konnten nicht für die normalen Museumsziele genutzt werden. Die Eremitage war eher ein Aufbewahrungsort denn ein offenes Museum. Daraus läßt sich schließen, daß es eine vollständige Statusbestimmung des ausländischen Eigentums, das unmittelbar nach dem Krieg konfisziert worden war, für viele Jahre nicht gegeben hat.

A. N. Haben sich die Restauratoren denn mit den Bildern befaßt?

M. P. Die Restauratoren haben sich mit ihnen befaßt, - allerdings sehr vorsichtig und nur in den Fällen, in denen es wirklich notwendig war. Was diese Sammlung aus 74 Objekten anbelangt, so sind aus ihr zwei Bilder auf eine neue Leinwand aufgezogen worden, das war für ihre Erhaltung unerlässlich. Außerdem wurden regelmäßig rein kosmetische Arbeiten durchgeführt. Die Sache ist die, daß fast alle Bilder sich in sehr gutem Zustand befanden, als wir sie bekamen, und sie sind es auch jetzt noch, denn man hat sie sorgfältig betreut und viel schonender behandelt als viele Bilder der Hauptsammlung. Sie wurden nicht von einem Ort zum anderen geschleppt, ihre Aufhängung ist nicht geändert worden und sie haben weniger Staub abbekommen als die Bilder in den Hauptausstellungssälen, durch die sich jährlich Hunderttausende von Menschen bewegen. Erst jetzt, bei der Vorbereitung zur Ausstellung mußte das wunderbare Bild „Ruhende Frau“ von Courbet gründlich gereinigt werden. Das Bild verdarben Firnisstreifen von altem, schon lange

dunkel gewordenem schmutzigen Lack. Die Restauratoren brachten es in Ordnung, damit es in würdiger Weise gezeigt werden konnte. Auch Sisleys „Lastkähne in Bigancour“ mußten etwas gesäubert werden, dies wurde sehr vorsichtig ausgeführt. Alles Übrige war rein kosmetische Arbeit, etwas mußte befestigt werden, damit nichts abfiel, Staub mußte abgenommen werden oder die Rahmen waren zu überprüfen. Diese kaum merkbliche mühselige Kleinarbeit braucht viel Zeit. Zum Glück sind unsere Restauratoren sehr konservativ, so bewahren die Bilder im Allgemeinen ihr ursprüngliches Aussehen. Ausländische Besucher, die mit farbigen Reproduktionen und den erneuerten Bildern in den westeuropäischen Galerien erzogen worden sind, sagen womöglich über uns: „Die Bilder sind schmutzig“. Nein, sie sind nicht schmutzig, man hat sie nur nicht „übermäßig gereinigt“. So wie sie sollten Objekte aussehen, die vor hundert oder mehr Jahren gemalt worden sind.

A. N. Es stellt sich die Frage, ob sich Rußland als Staat (und die Staatliche Eremitage im besonderen) an die bestehenden internationalen Konventionen und Vereinbarungen hält, die besagen, daß Kunstwerke von globalem und nationalem Wert nicht als Reparation und Kontributionen beschlagnahmt werden können, um materielle Verluste zu ersetzen, die der einen oder anderen Seite durch einen Krieg entstanden sind?

M. P. Ich bin kein Jurist und kann mich nicht allzusehr in die Details internationaler Verträge und Übereinkünfte vertiefen, die in verschiedenen Zeiten anlässlich einer bestimmten historischen Situation und konkreter internationaler Probleme geschlossen worden sind. Es gibt zum Beispiel die Haager Konventionen von 1899 und 1907, die nach dem Ersten Weltkrieg noch ergänzt worden sind. Dies sind die bekanntesten internationalen Vereinbarungen, sie regeln das Kriegsrecht, Reparationsfragen, Rückgabeforderungen erbeuteter Kunstschätze usw. Die UdSSR hat die Konvention im schwersten Kriegsjahr 1942 unterzeichnet. Die USA und Großbritannien haben, soweit mir bekannt ist, die Haager Konvention nicht unterzeichnet und fühlen sich nicht an sie gebunden. Überdies beziehen sich die Paragraphen dieser Konvention auf frühere Kriege, Kriege „mit Regeln“, die die planmäßige Vernichtung der friedlichen Bevölkerung, Zerstörung der Kulturdenkmäler, ganzer Städte usw. ausschlossen.

Doch der von Hitler angezettelte Zweite Weltkrieg war eben ein Krieg ohne Regeln, keinerlei internationale Normen wurden beachtet, - absolut keine. Im Unterschied zu den besetzten Ländern Frankreich, Belgien, Dänemark und Holland, in denen sich die

Grundlagen der Kultur zerstört wurden, auf

основании которой создавались фонды особого хранения музейных ценностей, вывезенных из Германии. Как делились коллекции между Москвой и Ленинградом, я не знаю. Вещи в основном попадали в Москву, но поездки со специальными вагонами приходили и в Ленинград; Эрмитажу очевидно передавалось то, что считалось для нашего музея более профильным.

Хочу особо отметить, что все, что мы имеем сейчас, - это небольшой остаток того, что было привезено после войны и что затем в 50-е годы было отправлено обратно в Германию. Только из того, что хранилось в Эрмитаже, в 1956 - 1958 годах было возвращено в Германию 800 тысяч единиц хранения музейных предметов, в их числе знаменитый Пергамский алтарь. Один этот памятник античной культуры, по нашему мнению, более значим, чем любые картины импрессионистов, потому что это уникальная для истории человечества вещь.

Наши военные власти вывозили музейные и художественные ценности из восточной зоны оккупации Германии, в границах которой возникла и просуществовала сорок лет ГДР. Возврат большей части конфискованных ценностей именно в ГДР, откуда они поступили, и был реституцией в точном смысле слова - восстановлением первоначального положения, первоначального состояния вещей. По государственной линии в ГДР были возвращены огромные ценности, несопоставимые с тем, что получили обратно мы, что же касается картин из частных собраний, то тут процесс возврата был заторможен - надо еще было решить, кому отдавать, на каких условиях, нужно ли отдавать вообще, если компенсации по своим потерям мы так и не получили. Речь сегодня, повторяю, идет лишь об остатках тех перемещенных предметов искусства, которые во время войны, слава Богу, уцелели, и, хотя потом совершили далекие путешествия, оказались все же не в самом печальном разряде произведений уничтоженных, погибших, потерянных и для своей страны, и для человечества навсегда. В этом смысле картинам Кребса и Герстенберга, наверное, повезло больше, чем исчезнувшим без следа иконам Новгорода и Киева...

A. H. В „Фигаро“ появилось сообщение, что картины из коллекции Кребса в Хольддорфе после войны долго еще оставались в тайной комнате замка за бронированной дверью, и только в 1949 году, когда командующим Советской группы войск в Германии стал генерал Василий Чуйков, хранилище было обнаружено, дверь взломана, а картины исчезли...

M. П. Ну, об этом пишет и наша пресса, не знаю, насколько это достоверно. Тут, по-моему, получается та-

кое легонькое, нежное передергивание фактов. По рассказу получается: был дом, в доме жил генерал, значит генерал все это грабанул и увез, может быть, даже себе. То, что взял не себе - это факт, поскольку картины оказались в музее. А распоряжаться о конфискации в пользу государства Василий Чуйков как командующий, обладавший всей полнотой власти на этой территории, конечно мог. Он располагал для этого необходимыми полномочиями и действовал так, как тогда было принято, и не только в советской зоне оккупации на Востоке Германии...

A. H. Скажите, Михаил Борисович, из тех картин, которые выставлены, какие вы считаете самыми ценными?

M. П. На первом месте я бы поставил „Площадь Согласия“ Дега, это шедевр мирового класса абсолютно по всем качествам и, вероятно, самая лучшая картина, которую написал Дега. Из 74 картин, представленных на выставке, не менее тридцати, я думаю, являются шедеврами первого класса, это, конечно, оценки чисто личные, персональные, при том, что в Эрмитаже есть с чем сравнивать... Необыкновенно интересна так же картина Ван Гога „Белый дом ночью“. „Белый дом“ написан близко к смерти художника, это одна из последних его картин, она передает особое настроение, трагическое душевное состояние автора, которое, в свою очередь, передается человеку, внимательно рассматривающему последний приют Ван Гога. Контрастом к этой картине могут служить два других полотна Ван Гога из той же коллекции Кребса - „Пейзаж с домом и пахарем“ и „Утро. Отправление на работу“ - это вещи более умиротворенные и мажорные. К числу первоклассных шедевров я бы отнес также „Форт Сансон“ Жорж-Пьера Сера из коллекции Бернхарда Келлера.

Из четырех выставленных картин Гогена, почти неизвестных до настоящего времени, две совершенно изумительные. Обе относятся к сравнительно позднему, „таитянскому“ периоду его творчества - „Ранний вечер“ и „Две сестры“. Последнее полотно является настоящим открытием для науки, для истории живописи. „Две сестры“ лишь однажды, сто лет назад, были упомянуты в списке распродажи картин Гогена 1895 года, когда он собирал средства для своей второй поездки в Океанию. Это упоминание промелькнуло еще раз в парижском каталоге 1949 года. И все - никаких сведений о „Двух сестрах“ больше нигде не было. В полном каталоге Гогена, составленном Вильденштайном, эта картина пропущена. Автор нашего каталога Альберт Григорьевич Костеневич провел по этому поводу большое исследование. Он нашел в Лувре подготовительный рисунок Гогена 1892 года. Кстати, каталог Альберта Костеневича - это тоже событие в истории

изучения французской живописи 19-20 веков. Ни один исследователь импрессионистов и постимпрессионистов не пройдет теперь мимо выпущенного труда, написанного с полным знанием и большой любовью к предмету.

Чтобы закончить перечисление картин, достойных особого внимания, назову еще прекрасные натюрморты Сезанна, его "Автопортрет" и "Купальщиков", относящихся к лучшим образцам этих жанров в творчестве художника. Единственный Тулуз-Лотрек из собрания Кребса - "Женщина с зонтиком" - также принадлежит к числу шедевров первой величины. Это очень изысканная по исполнению гуашь, глубокий и тонкий женский портрет, оставляющий сильное впечатление...

А.Н. Больше всего на выставке, кажется, картин Ренуара, они представлены в большом подборе...

М.П. ...Ренуар в очень большом подборе, хотя я лично не слишком пылкий любитель его живописи. Ренуар оказался во всех трех частных собраниях, нами представленных, - Герстенберга, Кребса и Келлера. Из пятнадцати картин Ренуара на выставке есть несколько очень хороших, например, "Женщина на лестнице", изображающая хозяйку салона мадам Шарпантье, влиятельную парижанку, жену издателя и покровительницу художника, писавшего ее несколько раз. В пандак к этой картине есть и "Мужчина на лестнице", известный литературный издатель месье Шарпантье; обе картины когда-то украшали парадную лестницу его дома. Хороши, как всегда, натюрморты и цветы Ренуара, его "Букет роз" из коллекции Кребса превосходен.

Вообще выставка получилась очень интересная. Мы можем судить рядить о трех коллекционерах, крупных коллекционерах, приобретающих сейчас новую известность и славу. Во всем мире сейчас организуются выставки, посвященные коллекционерам, и они пользуются заслуженной популярностью. И Эрмитаж за последнее время провел несколько выставок такого плана. Начали мы с Екатерины II, выдающейся нашей собирательницы. В Дижоне прошла очень любопытная выставка: "Голландские картины из собрания Екатерины". В Москве, в Петербурге и в Германии с большим успехом была показана выставка, объединившая картины из двух знаменитых в начале века собраний - С. И. Щукина и И. А. Морозова. У нас в Эрмитаже была выставка памяти Н. А. Кушелева-Безбородко, коллекционера, который собирал французскую живопись 19 века.

И вот теперь, через полвека после самой разрушительной войны в истории человечества, выставка в Петербурге возвращает имена трех немецких коллекционеров, причем очень разных. Герстенберг - это абсолютный вкус, подбор исключительно шедевров, которые открывают большие художников с самых сильных или

характерных сторон. Очень интересный подход к живописи был у Кребса, его собрание дает возможность размышлять о его вкусах, характерных для первых десятилетий 20 века; он собирал не только французскую, но и немецкую живопись, которая на этой выставке в силу ее специального характера не представлена. Из собрания Бернарда Келлера на выставке показаны пять вещей, и все пять - шедевры. Его Сезанн, Сера и Курбе изумительны. Герстенберг и Келлер, известные в художественных кругах и прежде, после выставки в Эрмитаже получают дополнительную славу, а Кребс впервые становится знаменитым. Не будь всей этой истории, он, может быть, и не стал бы таким знаменитым. Нам в последнее время часто говорят: "Вы там держите у себя взаперти знаменитую коллекцию Кребса..." Полвека взаперти - это точно, что было то было, хотя теперь мы это положение меняем. А вот "знаменитой" коллекция Кребса никогда не была. Сам собиратель к этому не стремился, а при Гитлере в силу вкусов коллекционера это становилось не вполне безопасно. Когда при подготовке каталога начали выяснять детали о Кребсе и по просьбе специалистов осведомились у одного знатока истории коллекционирования, какие вы знаете подробности о Кребсе, он удивленно спросил: "А кто такой Кребс?"

А.Н. То есть это была достаточно частная коллекция?

М.П. Да, именно закрытая частная коллекция, он ее долго никому не показывал, кроме самых близких себе лиц, потом наступили 30-е годы с характерным для нацизма гонением на "вырожденческую" и "упадочную" новую французскую живопись, которой как раз увлекался Кребс. Я не знаю, был ли сам Кребс членом нацистской партии; по делам службы, возможно, и был, но по своим художественным вкусам он никак не относился к числу "правоверных", и такие картины, как у него, не очень хорошо было иметь и показывать. Он их и не показывал. И хотя в узком кругу его знали, отдельные вещи из его коллекции публиковались в некоторых специальных каталогах, имя его не было на слуху, и он совершенно не был таким известным коллекционером, как другие, как тот же Отто Герстенберг, начавший собирать свою коллекцию намного раньше, еще в 90-е годы прошлого века, и умерший в 1935-м.

А.Н. Значит, Отто Кребс, умерший в 1941 году, сейчас родился снова?

М.П. Да, сейчас он родился снова. В общем заслуженно, у него прекрасная коллекция, и история провела с нею эксперимент, достаточно суровый и необычный. После его смерти в 1941 году картины его оставались на своем месте в замке Хольцдорф, и их никто тогда не востребовал.

Deutschen noch an gewisse Rahmen hielten, haben sie im Osten gegen Polen, gegen die UdSSR den totalen Vernichtungskrieg geführt. Es wurde eine Schicht des Kulturerbes vernichtet, die Heiligtümer der Religion und der Kultur, ein Teil dessen, was das Selbstbewußtsein eines Volkes ausmacht, sein historisches Gedächtnis. Das muß man vor allem verstehen.

Die Hauptsache ist nicht, wieviel Objekte verschleppt worden sind. Gut, wenn sie noch irgendwo existieren. In Rußland geraubte Meisterwerke tauchen früher oder später wieder auf, soweit es sie noch gibt, und sei es auch in fremden Händen, - wir werden nach Möglichkeiten suchen, sie zurückzubekommen. Aber das, was vernichtet worden ist, ist unwiederbringlich verloren. Die Paläste von Pawlowsk, Peterhof und Zarskoje Selo sind bemerkenswert wieder aufgebaut worden, doch es sind - neue. Sie sind eher Denkmäler zeitgenössischer Restaurationskunst als Originale der russischen Kulturgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts. So schön sie auch sein mögen, dort wird es niemals mehr das geben, was es im Petersburger Winterpalast gibt, - sowohl das heutige Leben als auch das Empfinden des Geists echter Geschichte...

Deshalb scheint es mir, wenn man sagt: was vernichtet ist, das ist vernichtet, schade natürlich, aber vergessen wir das, doch dieses hier, was verschleppt wurde, konfisziert, das geben sie bitte zurück entsprechend dem und dem Punkt vorhandener internationaler Vereinbarungen, - so scheint mir solch eine Herangehensweise nicht ganz gerecht und konstruktiv zu sein. Was kommt dabei heraus, wenn man das Schicksal konfiszierter Museumsschätze nach heutigem Recht regelt, auf die vernichteten Schätze aber niemand Ansprüche stellen kann?

Internationale Vereinbarungen müssen eingehalten werden, das ist ein Axiom. Doch dafür müssen sie von allen eingehalten werden und nicht nur die Punkte, die für irgendeine Seite besonders günstig sind.

Die Schwierigkeit des langwierigen Streits um die überführten Kunstwerke liegt für unsere russische Seite darin, daß alle bei uns geraubten Objekte in der Regel nicht in offiziellen deutschen Institutionen untergebracht sind, mit denen man Verhandlungen führen kann, sondern in den Abgründen des illegalen Business versanken und in Drittländern verschwanden. Und von dort irgendein wertvolles Objekt auf gesetzlichem Wege zurückzubekommen, ist äußerst schwierig. Das betrifft nicht nur uns, auch Polen und Frankreich haben in den Jahren der Besatzung eine Menge an wertvollen Kunstwerken verloren.

In New York fand unlängst ein Prozeß um eine geraubtes Bild von Claude Monet statt. Die Herkunft des Bilds steht genau fest, es ist bekannt, aus welchem Schloß es stammt, auch wer die Erben der früheren, rechtmäßigen Eigentümer sind. Die jetzige Besitzerin hatte das Bild nicht geheimgehalten, es hing offen über ihrem Kamin, denn sie hatte es mit gutem Gewissen auf einer Auktion ersteigert. Doch auf diese Auktion war das Bild durch verschiedene Mittelsmänner gelangt, die niemand mehr ausfindig machen kann. Anfangs hatte das Gerichtsurteil gelautet, das geraubte Bild den wirklichen rechtmäßigen Erben der Eigentümer zurückzugeben, doch das Oberste Gericht der Vereinigten Staaten hob dieses Urteil auf und beließ das Bild bei der letzten rechtmäßigen Besitzerin. Das Bild zurückzugeben, ist nicht möglich, und an wen eine berechtigte Klage gerichtet werden kann, ist unklar.

Ähnliche Probleme auf zwischenstaatlicher Ebene zu lösen, ist noch schwerer, und dennoch muß man irgendeine gemeinsame Sprache und gerechte Lösungen finden.

А.Н. А есть ли у Кребса наследники?

М.П. Существует фонд, который он создал, по исследованию раковых болезней, который вроде и может претендовать на наследование (кстати, "кребе" по-немецки и есть "рак"). Замечу однако, что во время войны, после смерти владельца, о своих претензиях на наследство никто не заявлял. История перемещения части коллекции Кребса в Россию теперь известна. Глухая пора ее тайного хранения в Эрмитаже закончилась. И вот недавно я получил письмо от некоей дамы, которая пишет, что она внучка Кребса. Я пригласил ее на открытие выставки, как и других членов семей коллекционеров.

А.Н. Когда картины коллекции Кребса и других частных собраний попали в Эрмитаж, был ли определен их официальный статус?

М.П. Их юридический статус никак не был определен. Мне трудно говорить об этом, потому что я не знаю, как на самом деле тогда понимался этот статус. Через некоторое время он был обозначен тем, что картины передали на хранение, на специальное государственное хранение. Они не вошли в коллекцию и не являются составной частью коллекции Эрмитажа. Они были переданы

Государственному Эрмитажу на хранение и только. Государство, а не сам Эрмитаж, контролировало их сохранность; списки были под контролем службы государственной безопасности, которая отвечала за сохранение секретности вообще по стране, в том числе и по этим вещам, помещенным в фонды специального хранения. Нам было доверено технически их проверить, чтобы они оставались в хорошем состоянии, но они не выставлялись и не исследовались.

А.Н. Значит ли это, что они стали полной собственностью советского государства или у них оставался статус неопределенной собственности?

М.П. Тогда понимали так: если ценности переданы в музей государством, то это есть государственная собственность. Хотя это нигде не было записано. Записано было, что эти ценности подлежат особому секретному хранению, что налагало на администрацию и сотрудников Эрмитажа дополнительную служебную ношу, отнюдь не легкую. При том что в оперативное распоряжение Эрмитажа эти вещи не поступили и в обычных музейных целях не использовались. По отношению к этой части государственного имущества, переданного на специальное хранение, Эрмитаж скорее был депозитарием, чем открытым музеем. Отсюда можно заключить, что полного юридического определения статуса конфискованной сразу после войны иностранной собственности на протяжении многих лет не было.

А.Н. Каковы в таком случае были задачи Эрмитажа как государственного депозитария?

М.П. Прежде всего - сохранить. Сохранить в таком же безупречном порядке, как хранилась собственная коллекция. А для этого, разумеется, требовались и специально приспособленные помещения, и серьезные организационно-технические усилия, большой труд реставраторов, хранителей и т.п.

А.Н. А как бы вы сегодня оценили эту сторону дела? Стоимость хранения за полвека - можно ли ее определить, выразить в каких-то расчетах, суммах?

М.П. Трудно, я думаю, это сделать. Хотя, если постараться, можно конечно. Разумеется, это прежде всего труд, большой труд квалифицированных музейных работников, реставраторов, хранителей, знающих, как надо обращаться с картинами высокой ценности. Существуют способы, какими в мире исчисляется почасовая работа квалифицированных музейных сотрудников, часы умножаются на недели, недели на месяцы, месяцы на годы и т.д. Ну, и еще эксплуатационные расходы по содержанию специальных помещений - сейчас мы хорошо знаем, что это такое... Но я думаю, что при определении судьбы картин, это все проблемы третьего и даже четвертого плана.

Выставка "Выродившегося искусства" в Гамбурге, 1938 год.
(Фото: Frankfurter Hefte)

А.Н. А реставраторы Эрмитажа прикасались к картинам?

М.П. Реставраторы прикасались - очень осторожно и только в тех случаях, когда это было действительно нужно. Если говорить о данной коллекции из 74-х вещей, там две картины были переведены на новый холст, это было необходимо по их состоянию. Кроме того, регулярно проводилась чисто косметическая работа. Дело в том, что почти все картины были изначально в очень хорошем состоянии, они и сейчас в очень хорошем состоянии, хранились они надежно, в более щадящем режиме, чем многие картины основной коллекции, их не перетаскивали с места на место, не меняли расцветку, на них попадало меньше пыли, чем в главных выставочных залах, через которые ежегодно проходят сотни тысяч людей. Только сейчас, при подготовке выставки, пришлось основательно расчистить великолепную картину Курбе "Возлежащая женщина". Картину портили полосы старого, давно потемневшего грязного лака, и реставраторы привели ее в порядок, чтобы достойным образом показать. Немного почистили также Сислея, его "Баржи в Бийанкуре" из коллекции Кребса, сделали это очень осторожно. Остальное - просто косметическая работа, что-то надо было закрепить, чтобы ничего не упало, снять пыль, проверить рамы. Это отнимает много времени, такая незаметная, но кропотливая работа. Благо наши реставраторы очень консервативны, поэтому картины вообще сохраняют прежний первоначальный вид. Посетители-иностранцы, воспитанные на цветных репродукциях и на обновленных картинах в европейских галереях, могут сказать о нас: "Картины грязные". Нет, они не грязные, они не "перечисленные", как и должны выглядеть вещи, написанные по сто и более лет назад...

А.Н. Теперь прямой вопрос, относящийся не столько к искусству, сколько к политике. Как Вы лично оцениваете сегодня государственную политику СССР по отношению к конфискованным и перемещенным музейным ценностям из других стран? Какова, по Вашему мнению, была внутренняя логика и конечная цель этой политики? Оправдала ли она себя хоть в чем-нибудь? Изменилась ли радикально после 1991 года эта политика сегодня? И если изменилась, то в чем именно? Ведь с самого начала могли быть и другие решения. Уж если взяли, что представляется спорным до сих пор, то могли сделать это открыто, объявить конфискованное государственной собственностью, не держа картины в секрете и соответствующим образом ими распоряжаться. Такого решения как будто не было?

М.П. Не было.

А.Н. Значит, выбрали другой путь и решили поступить так, как поступили - конфискованное закрыть, перевести на секретное хранение,

картины не показывать и ждать, сколько получится. К чему же это в конце концов привело?

М.П. Я думаю, что правильнее был бы первый вариант. Открыто обозначить все конфискованное и обозначать наличие у нас таких-то музейных ценностей.

Во-первых, это было бы лучше с моральной точки зрения. При всех вариантах и межгосударственных спорах о собственности такие произведения не должны скрываться от людей. Их надо показывать, сохранять в постоянном культурном, научном и художественном обиходе. Такова мораль людей искусства, музейщиков - картины надо показывать.

Во-вторых, и с прагматической точки зрения, при решении имущественных вопросов, претензий по возмещению колоссального ущерба, причиненного нашей стране нападением и четырехлетней войной, проблемы можно было бы решать проще и быстрее. Это не значит, что все изъятые на чужой территории по праву победы навсегда должно оставаться у нас. Могли бы быть иски, переговоры, компенсации и уступки, по-иски справедливых решений, которые удовлетворили бы в конечном счете обе стороны. Общий баланс можно было бы искать на совершенно другой моральной и правовой основе. Тогда как сам факт сокрытия художественных ценностей свидетельствует против нас. Вот, мол, сами боялись, сами считали, что награбленное надо прятать. И сколько я ни пытаюсь понять, почему так поступили, не могу понять. Может быть, ждали общего мирного договора, в котором безоговорочная капитуляция Германии была бы расписана по полочкам, включая вопросы, касающиеся культурных ценностей, а также претензий, связанных с их перемещением или гибелью, которые есть и у нас. Такого договора, как известно, не дождалось. Потом в дело вмешалась психология "холодной войны", политика "двух Германий", ставка на особые отношения с ГДР - все это не способствовало общему послевоенному урегулированию, да и нашим собственным национальным интересам. Политика России, остающейся после 1991 года основным правопреемником СССР, конечно, во многом изменилась... Прежде всего, она стала более открытой. Сделано многое, хотя и не все, чтобы уйти от многолетнего военного и политического противостояния остальному миру. В русле этой изменившейся политики и стали возможны многие культурные инициативы, в частности, такие выставки, которые развернуты сейчас в Петербурге и в Москве. Я понимаю, что предпринятые нами шаги по демонстрации "неведомых шедевров", вывезенных из Германии, возбуждают много новых вопросов, но мы го-

товы, по крайней мере, эти вопросы открыто и откровенно обсуждать.

А.Н. Прежде всего, возникает вопрос - придерживается ли Россия как государство (и Государственный Эрмитаж, в частности) существующих международных конвенций и соглашений, согласно которым произведения искусства, представляющие мировую и национальную ценность, не могут рассматриваться и изыматься в качестве репараций и контрибуций, возмещающих общий материальный ущерб, понесенный той или другой стороной в результате военных действий?

М.П. Я не юрист и не могу слишком подробно углубляться в детали международных договоров и соглашений, заключенных в разные времена и имевших в виду определенную историческую ситуацию, конкретные межгосударственные проблемы. Существуют, например, Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов, дополненные затем после Первой мировой войны. Это самые известные международные соглашения, они регулируют правила войны, вопросы репараций, возврата захваченных культурных ценностей и т.д. СССР подписал эту конвенцию в самом тяжелом 1942 году. США и Великобритания, насколько мне известно, Гаагскую конвенцию не подписали и не считают себя ею связанной. Да и положения этой конвенции имеют в виду прежние войны "по правилам", исключаящие планомерное уничтожение мирного населения, разрушение памятников культуры, целых городов и т.п. А ведь Вторая мировая война, развязанная Гитлером, была войной без правил - никакие международные нормы не соблюдались - абсолютно. В отличие от оккупированной Франции, Бельгии, Дании, Голландии, где немцы во время войны еще держались каких-то рамок, на Востоке против Польши, СССР они вели тотальную войну на уничтожение. Сначала должны были быть уничтожены все евреи, а затем и славяне - их культурное пространство планировали превратить в пустыню. Как это происходило на практике, мы хорошо представляем себе по тому, что осталось от Новгорода, Пскова, Смоленска, Орла, какие груды развалин представляли собой пригородные дворцы и парки Ленинграда в Петергофе, Павловске, Пушкине, Гатчине. На международном процессе в Нюрнберге был представлен далеко не полный список наших культурных потерь. Главные претензии остаются по Новгороду, который был разграблен и уничтожен. На мой взгляд, это самый яркий пример. Уничтожен пласт культурного наследия, святыни религии и культуры, а это - часть того, что составляет самосознание народа, его историческую память. Вот это надо прежде всего понимать. Главное не то, сколько вещей увезли, хорошо, если

они еще где-то есть, шедевры, похищенные в России, рано или поздно они всплывут, если только существуют, пусть даже в чужих руках - будем искать возможности вернуть их обратно. А то, что уничтожено, то потеряно безвозвратно. Дворцы в Павловске, Петергофе, Царском Селе восстановлены замечательно, но они - новые. Это в большей мере памятники современного реставрационного искусства, чем подлинники памятники истории культуры России 18-19 веков. И как бы красивы они ни были, там никогда уже не будет того, что есть в Зимнем дворце Петербурга - и сегодняшняя жизнь, и ощущение духа настоящей истории...

Поэтому, когда нам говорят: что уничтожено, то уничтожено, жаль, конечно, но забудем об этом, а вот то, что было вывезено, конфисковано, извольте вернуть обратно согласно таким-то пунктам существующих международных соглашений, - то такой подход не представляется мне достаточно справедливым и конструктивным. Что же получается? Судьба конфискованных музейных ценностей регулируется современным правом, а по уничтоженным ценностям претензии предъявлять некому?

Правовой подход, на мой взгляд, должен дать ключ к решению проблемы в целом, в совокупности претензий обеих сторон, в определенном балансе, а не по отдельным ее частям, в которых заинтересована преимущественно одна сторона и которые технически легче решаются.

Международные соглашения надо соблюдать - это аксиома. Но при этом надо, чтобы их соблюдали все. И не только по тем пунктам, которые кому-то особенно выгодны. Осенью 1990 года Советский Союз и Германия заключили важный договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве. Особый вес этому договору придает то обстоятельство, что он заключен уже с объединенной Германией и подводит в определенном смысле черту под прошлым. Одной из статей этого договора предусмотрено, что пропавшие или незаконно вывезенные культурные ценности, находящиеся на территории сторон, должны возвращаться владельцам или их наследникам.

Как я уже сказал, основная часть культурных ценностей, конфискованных в свое время Советской военной администрацией в Германии, была возвращена немецкому народу через правительство ГДР. Это и картины из знаменитой Дрезденской галереи, и не менее знаменитый Пергамский алтарь, и многие другие вещи - сотни тысяч единиц хранения и, наверное, не меньше, чем девять десятых всего вывезенного. Эти вещи были возвращены в ГДР не потому, что их конфискацию после войны мы признали незаконной. До 1949 года включительно Советская военная

администрация в Германии действовала по законам переходного послевоенного времени на основе соглашений, заключенных с союзниками. Других законов на этой территории тогда не было. После 1949 года вступили в силу законы ГДР, по договоренности с которой и были возвращены многие изъятые ценности. Все, что осталось, может быть предметом новых переговоров между Германией и Россией, являющейся правопреемником СССР и признающей международные договоры, им подписанные. Давние решения Советской военной администрации по культурным ценностям Германии, остающимся на территории России, могут быть теперь пересмотрены в духе добрососедства, партнерства и сотрудничества. Для этого требуются, как минимум, взаимность, внимание к давним претензиям российской стороны по возмещению потерь в сфере культуры, которые на протяжении многих лет после войны оставались не удовлетворенными, готовность вместе искать справедливые решения по конкретным вопросам. Кроме музейщиков, в дело уже включились политики, дипломаты, юристы. Совместная российско-германская комиссия по реституции, созданная в 1993 году, и должна привести нас к такому сбалансированному итогу.

А.Н. Остаются ли в запасниках Эрмитажа, кроме шедевров, открытых для публики и описанных в каталоге Альберта Костенева, другие художественные ценности из соседних стран, о которых пока ничего не объявлено и которые все еще находятся в спецхране?

М.П. Да, конечно, такие ценности имеются. Мы их показывали нашим германским коллегам, секретов здесь мы не делаем. Мы намерены и дальше все выставлять, публиковать, готовить специальные выставочные каталоги, наподобие того, что издан сейчас, а не просто предоставлять списки - отдавать - не отдавать. Мы будем продолжать исследовательскую и популяризаторскую работу, естественную для Эрмитажа, это и будет нашей формой списков. Все в мире, кому это интересно, смогут ими воспользоваться.

У нас есть еще интересная живопись, правда, такой замечательной, как выставленная теперь, больше нету. Есть старые мастера из разных мест, самый большой комплекс - больше сотни картин - из пригородных дворцов Берлина. И отдельные вещи из разных мест. У нас хранятся витражи из Мариенкирхе Франкфурта на Одере, керамические и бронзовые предметы из раскопок Шлимана в Трое, золото Шлимана осталось в Москве. Все это очень интересные и для публики, и особенно для науки предметы. Их недавно смотрели археологи, которые копают сейчас в Трое, немцы, англичане и американцы. Все очень заинтересовались, и мы будем делать выставку, а возможно, прове-

дем и совместную научную конференцию.

На хранении в Эрмитаже остается большое количество вещей из Восточно-Азиатского музея в Берлине. Это всевозможные японские и китайские лаковые украшения, коробки и ларцы с лаковой росписью, китайская живопись - это уже отдельный раздел, он идентифицируется и будет выставлен. Мы располагаем большим количеством графики из тех же примерно коллекций.

Сразу после войны в Эрмитаж попали произведения скульптуры из замка Тегель в Западном Берлине. Он так и называется "замок", хотя это частный дом, гумбольдтовский дом, там жила знаменитая семья Гумбольдтов. Большая часть скульптур была возвращена в Берлин еще в пятидесятых годах, и они сейчас там стоят на своем месте. Но несколько скульптур остались у нас. Вопрос о том, будут ли они возвращены прежним хозяевам, это вопрос не к администрации Эрмитажа, которая не имеет полномочий такие вопросы решать. Это вопрос к совместной российско-германской государственной комиссии по реституции, основная задача которой как раз и заключается в том, чтобы выработать предложения, приемлемые для обеих сторон. Хозяева замка Тегель ищут еще картины, семейные портреты, которые висели там до последнего года войны. У нас этих портретов нет.

Из того, что у нас есть, назову еще древние персидские папирусы из Национальной библиотеки в Вене. С ними была длинная история. Еще в конце тридцатых годов они были посланы на изучение в Берлин, и там их застала война. Потом их привезли сюда. Мы их обследовали, их смотрели наши коллеги из австрийской Национальной библиотеки, мы договорились о совместном издании. Это, впрочем, красиво сказано - папирусы. Это такие ветхие обрывочки со среднеперсидским письмом, которое в мире могут читать человек десять, трое из них живут в Петербурге. Мы обратились в наше министерство с письмом, в котором сообщили свое мнение, что эта очень значительная в научном отношении, но не имеющая выставочной ценности коллекция, принадлежащая к тому же третьей стране, после совместного издания может быть беспрепятственно возвращена туда, откуда она попала в Германию, то есть уже не в Берлин, а в Вену. Это была первая акция Эрмитажа относительно перемещенных коллекций и возможно, один из примеров того, как могут решаться подобные вопросы.

А.Н. А из каких третьих стран, если не брать Германию, попадали в Эрмитаж вещи? Случались ли ценности из Польши, Венгрии?

М.П. В Польшу мы вернули очень многое из того, что было вывезено из Польши и оказалось в

гитлеровской Германии. Так же, как в свое время передавали в Польшу и в Эстонию культурные ценности по мирным договорам в двадцатые годы. Отдано то, что было идентифицировано, то есть твердо установлено, что такая-то вещь принадлежала именно этой третьей стране. Поэтому в принципе не исключено, что в запасах могут оказаться вещи, принадлежавшие Польше, Венгрии или какой-нибудь третьей стране, так или иначе испытавшей на себе "новый порядок", установленный Третьим рейхом в Европе. Более тщательные исследования, которые мы теперь проводим, выставки, публикации, совместные конференции с учеными других стран - все это, безусловно, отвечает интересам культуры всего европейского континента.

А.Н. Поиски потерянных культурных ценностей, о пропаже которых заявили разные страны, как например, знаменитой и бесценной "Янтарной комнаты" из Екатерининского дворца под Петербургом, - это огромное поле работы для историков искусства, исследователей тайн Второй мировой войны, международных детективов. Еще в конце 50-х годов была выпущена превосходная книга писателя Леонида Волынского "Семь дней" - об истории спасения картин Дрезденской галереи, рассредоточенных по тайникам в самых невероятных местах, на чердаках уединенных замков, в выработанных заброшенных штольнях, в помещении гостиницы пригородной дрезденской скотобойни, где обернутая в холсты и укрытая в высокий плоский ящик была обнаружена "Сикстинская мадонна" Рафаэля - не больше, не меньше. Леонид Волынский, офицер армии И. Конева, по образованию был художником, хорошо знал искусство. Именно он в мае 1945 года организовал специальную спасательную команду и благодаря ему, по загадочным точкам на кальке, совмещенной с картой юго-восточной Германии, тайники с картинами из разрушенного дрезденского Цвингера были обнаружены. Не сделай он этого вовремя, многие картины могли бы погибнуть от сырости, затеряться, стать объектом спекуляции и исчезнуть без следа. В свое время я подробно писал об этом авторе, имя которого сейчас редко вспоминают. А ведь проблема далеко не исчерпана, она только усложнилась, если иметь в виду каналы тайной или полулегальной частной торговли предметами искусства. В эту черную дыру ушло, наверно, немало и российских культурных ценностей?

М.П. Поиски потерянного, установление точного местонахождения многих тысяч предметов искусства, похищенных и вывезенных за годы войны, - это огромное поле деятельности сначала для журналистики, а потом и для историков, для юристов, которые занимаются этими вопро-

сами. Сейчас в США вышла замечательная книга Линн Николас "Насилие над Европой", в ней рассказывается о нацистских военных грабежах в оккупированных странах, как это было организовано, какая существовала система отбора ценностей, изъятых из европейских музеев, галерей, антикварных магазинов и частных собраний. В этой книге, между прочим, проводятся различия между некоторыми германскими организациями, которые собирали памятники искусства. Среди них были чисто грабительские, которые отбирали наиболее ценное для музея Гитлера в Линце, для коллекции Геринга, отличавшегося особой алчностью. Но были также части вермахта, которые имели задачу сохранять памятники культуры от войны, чтобы они меньше страдали от разрушений во время бомбежек и военных действий. Были среди офицеров люди чести, которые пытались что-то сделать, например, помешать людям Геббельса забирать себе картины из французских коллекций - многие из них потом сбывались через спекулянтов за большие деньги. Из этих попыток мало что получалось, но важно знать, как все было на самом деле.

Сложность положения нашей российской стороны в затянувшемся споре о перемещенном искусстве заключается в том, что все похищенное у нас, как правило, не задерживалось в официальных немецких учреждениях, с которыми можно было потом вести переговоры, а оседало на дно нелегального бизнеса, уходило в третьи страны, откуда достать любую ценную вещь законным путем чрезвычайно трудно. Это касается не только нас, но и Польши, Франции, потерявших за годы оккупации массу ценнейших произведений искусства.

В Нью-Йорке недавно состоялся суд по поводу похищенной картины Клода Моне, происхождение ее точно установлено, известно, из какого она замка, кто наследники ее прежних законных владельцев. Нынешняя хозяйка картины ее не прячет, открыто держит над камином, так как она совершенно добросовестно приобрела вещь на аукционе. А на аукцион картина попала через нескольких посредников, установить которых никто не может. Суд сначала присудил вернуть похищенную картину ее настоящим законным владельцам-наследникам, но Верховный суд Соединенных Штатов отменил это решение и оставил картину последней законной покупательнице. Вернуть картину назад - невозможно, а кому предъявлять обоснованный иск - неясно. Решать подобные проблемы на межгосударственном уровне еще сложнее, и тем не менее надо как-то находить общий язык с партнерами и приходиться к справедливым решениям.

А.Н. И, наконец, последний

вопрос - какие решения по судьбе выставленных картин и другим предметам искусства, остающимся в Эрмитаже на положении иностранных заложников, Вы лично считали бы предпочтительными?

М.П. Если говорить о моей личной точке зрения, которую не следует отождествлять с официальным мнением российской государственной комиссии по реституции, никакого единого и глобального решения по всем спорным вопросам нет и быть не может. А как сопредседатель совместной российско-германской музейно-экспертной комиссии, я придерживаюсь мнения, что сложную задачу предпочтительнее решать по частям. Такая-то коллекция - такое решение. Решение, прецедент и так далее. Наиболее проверенный и надежный путь в таких ситуациях - это путь разумного компромисса. По таким-то основаниям что-то возвращается, а что-то остается. Мы отдаем одно, а получаем взамен в качестве компенсации за свои потери другое. Так, например, после выставки коллекции уникальных рисунков в Бремене нам на уровне общественных встреч были сделаны предложения, что в случае возвращения этой коллекции в Бремен, часть рисунков может быть подарена российским музеям, а определенные, причем, немалые суммы с немецкой стороны будут выделены на реставрацию разрушенных памятников Новгорода. Такой рецепт нельзя назвать идеальным, но он возможен. Тут есть, что обсуждать.

Если же говорить о частных коллекциях, то решение по ним можно принять и быстрее, и легче, хотя бы потому, что с частными владельцами или их наследниками говорить обычно проще, чем с государством или муниципальными властями. Людям капиталистического мира хорошо известно, что когда они получают наследство, им приходится платить налог - огромный по нашим понятиям. Суммы налога по крупным коллекциям достигают 60 - 70% от их оценочной стоимости. Обычно при получении наследства после смерти владельца в государственные или городские музеи уходит не менее 60% коллекции, а оставшиеся 40% получают наследники. На таких же или сходных условиях могли бы вести переговоры и мы, учитывая к тому же полувекковые заботы музея по сохранению коллекции. И любой наследник-коллекционер хорошо понимает: если в условиях жестокой войны без правил вещи его коллекции не погибли, не сплавлены неведомо куда в чужие руки, не испорчены дурным или неумелым хранением, а, напротив, сохранены в целостности и сохранности и были выставлены в одном из лучших музеев мира, то ему крупно повезло и соответствующие уступки при получении открывшегося наследства законны и неизбежны.

Чаще всего за возврат коллекций предлагаются более или менее реальные финансовые компенсации; в некоторых случаях они возможны, но в принципе брать деньги за потери собственной национальной культуры нехорошо, к тому же деньги обладают свойством пропадать по дороге. Выплачивают их за одно, а тратятся они совсем на другое и далеко не всегда по делу. В немецкой прессе, между прочим, появились и такие варианты: некоторые предметы ценных коллекций, по соглашению, вновь становятся германской собственностью, но при этом передаются на долгосрочной основе для экспонирования в русские музеи и лишь затем, по истечении установленного срока, возвращаются обратно. Такой подход дает возможность провести и стационарные и передвижные выставки, осуществить совместные исследования, публикации. Компромисс может быть и другим, иным, чем предлагается в этом варианте, но так или иначе он должен быть. Мы должны принять взвешенные решения, которые удовлетворили бы и российскую, и немецкую сторону на много поколений вперед, а это возможно только на паритетной основе.

И последнее замечание. Мне бы все же хотелось, чтобы выставка шедевров французской живописи из частных собраний Германии, открытая Эрмитажем в 1995 году и уже привлекающая к себе огромное внимание прессы во всем мире, стала в большей мере событием в культуре, в художественной жизни, чем в политике. К людям вернулись замечательные картины. Жестокая история 20 века устроила эксперимент, на который по доброй воле никогда не следовало бы решаться. И мы, невольные участники такого эксперимента, сознаем это лучше, чем кто-либо. Это как случилось с Петербургом, где после революции последовательно уничтожали церкви и прежде всего искоренили в архитектуре почти весь конец 19 века, так называемый псевдорусский стиль. Остался более ран-

ний классический Петербург. И вот теперь когда смотришь, стараешься понять, что же вышло, каков результат? Так и в данном случае: из сферы культурной жизни, из истории искусства на целых полвека выпала большая группа первоклассных картин, связанных по преимуществу с импрессионизмом. И когда они разом вернулись, что в истории искусства бывает крайне редко, важно осознать культурно-историческое значение этого факта. Изменились или не изменились наши привычные точки зрения относительно того или другого художника? Чем обогатились наши представления, наша любовь к импрессионистам? Ведь даже не полвека, а почти сто лет целая группа изысканнейших картин не воспринималась публикой, не изучалась знатоками, их почти не трогали реставраторы, их не возили на выставки, их не касались взгляды людей - они почти так же свежи для нас, как вновь созданные картины. И в то же время, это история, великая история искусства и жестокая история человечества, оглядывающегося сегодня на полвека назад, в самые страшные свои времена, которые все еще не выветрились до конца, не отошли окончательно... Тут встает целый ряд важных культурно-философских, историко-культурных вопросов, которые мы и пытаемся возбудить своей выставкой. И книга Альберта Костеневица написана в этом духе, это каталог, который можно и рассматривать, и читать... Такой акцент на культурных и художественных проблемах и есть наш путь к решению межгосударственных, межнациональных вопросов. Эрмитаж во всяком случае выбрал такое решение. И здесь мы старались сохранять свои традиционные подходы, свой особый эрмитажный стиль, который бывает на всех выставках, во всех акциях нашего музея. Эрмитаж пронес свои традиции через самые трудные годы, через войну и блокаду, и лучшие из этих традиций мы хотим перенести в новые времена.

Из записок психолога

*Творческая
интеллигенция
в эмиграции*

Нелли Фрейнкман

Психология эмигранта все больше привлекает внимание специалистов. Возникает даже целая область в психологической науке - психология эмиграции, которая изучает при каких обстоятельствах (субъективных и объективных) одни эмигранты добиваются очень многого, вливаясь в группу "счастливых", другие - без взлетов и падений "держат" постоянный жизненный уровень, а третьи - теряют психическое здоровье, терпят массу лишений, пополняя ряды неудачников.

Одним из главных понятий в психологии эмиграции является понятие ностальгии. Феномен ностальгии детально, с глубокой эмоциональной и психологической проникновенностью "препарирован" на страницах художественной литературы, в мемуарах, воспоминаниях, письмах эмигрантов. О ностальгии - тоске по Родине - написано много эмигрантских песен и поэтических строк. О ностальгии сняты прекрасные фильмы, наполненные сложнейшими психологизмами и экзистенциальными переживаниями. Создается впечатление, что о ностальгии сказано все, изучены все ее, казалось бы, самые невероятные проявления.

И все-таки, этот психологический феномен, его причины, сила и длительность переживаний наукой почти не изучены.

Ностальгию, на наш взгляд, следует рассматривать как устойчивое психическое состояние, отражающее эмоциональное и социальное неблагополучие и дискомфорт человека в чужом для него обществе. Этот дискомфорт возникает из-за отсутствия родной языковой и социокультурной среды, из-за нарушения всей совокупности жизненных проявлений. Состояние ностальгии проявляется тогда, когда человек испытывает состояние утраты, разлуки со всем тем, что формировало его

общественно-политический и литературный журнал

ДВАДЦАТЬ ДВА

подписка по адресу:

"22", P.O.B. 44050,

Tel-Aviv 61440,

Tel. 03-394525

сознание. Ощущение утраты усиливается по мере того, как человек начинает полностью осознавать, что пути назад (даже временного) не существует. Совсем другое состояние наблюдается у человека, который, живя даже в другой части света, может в любой момент вернуться домой. Такой человек переживает качественно другое состояние: он может скучать по дому, стремиться в свой дом, но не испытывать ностальгии. Например, люди, пребывающие годами в зарубежных командировках, не ощущают какой-либо утраты, потери, надрыва. Но стоит им оказаться в положении эмигранта, как их психологическое состояние полностью меняется.

Ностальгия может быть вызвана разными причинами:

1. Разлука с привычными чувственными переживаниями (дефицит в новом обществе привычных для человека зрительных, звуковых, осязательных, обонятельных и вкусовых образов). Так, например, бурная реакция многих эмигрантов на "русские" продукты, рестораны, музыку, телевизионные передачи, театральные гастроли, на русские фильмы, иллюстрированные журналы еще раз подтверждает, что этих чувственных образов не хватает многим для счастливой жизни на чужбине.

2. Утрата чувства собственной значимости. Нарушение представлений о самом себе. Так, изменение социальных ролей и статуса, изменение социального окружения и образа жизни часто вызывает у людей чувство растерянности, паники, неуверенности в себе и стремление оказаться вновь там, где они были спокойны, устроены и защищены.

Например, эмигранты первой волны, будучи шоферами, официантами, мойщиками посуды, музыкантами в маленьких ресторанчиках, продолжали считать себя офицерами, чиновниками различных классов, артистами столичных театров. Они собирались на свои праздники, отмечали памятные российские годовщины, устраивали литературные и музыкальные вечера, надевали сохранившиеся мундиры и платья. Многие, несмотря на бедность, жили напряженной интеллектуальной жизнью, к которой привыкли в Москве и Петербурге. Такое раздвоение личности было не только источником тоски и неврозов, вызванных подлинной ностальгией, но и служило для

большинства из них опорой, придавало цель и смысл жизни.

Эмигранты последней, четвертой волны, тоже постоянно "возвращаются" на ранее пройденные этапы жизни, где они чувствовали себя спокойно и уверенно. Именно такое "возвращение" заставляет их постоянно вспоминать, говорить и рассказывать о "прежней жизни", где у них все было: и работа, и свой круг, и прекрасная квартира, дача, машина, соседи... Такое "возвращение" в уютные зоны прошлого является определенной формой психологической защиты и называется регрессией. Уход в мир иллюзий прежней жизни, идеализация этого прежнего мира, который остался на Родине, свойственны почти всем эмигрантам, переживающим шок от столкновения с другой культурой, языком, общественным укладом. Кроме того, ностальгические переживания часто связаны с воспоминаниями молодости, которые ассоциируются в сознании эмигрантов с тем местом, где она проходила, то есть с образом покинутой Родины.

3. Потеря корней, истоков исхода, путаница в самоидентификации: кто мы теперь, где наша история, история нашей семьи и могил?

Это достаточно сложные вопросы для тех, кто пытается вытеснить из своего сознания страну исхода и все, что с ней связано.

Так, многие наши эмигранты часто оказываются в состоянии "общественного небытия", так как не знают, кем себя считать: русскими, евреями, немцами, американцами и т.д. Некоторые эмигранты третьей и четвертой волны часто рассматривают свою принадлежность к России и к русскому языку как своего рода компрометирующий фактор в глазах западного общества. Стремление поскорее "откреститься" от своих корней и перейти в другую культурно-языковую группу порождает впоследствии массу внутренних конфликтов личности, которые лишают человека чувства самодостаточности. Вспомним строки Пушкина:

Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека, -
Залог величия его.

Первая и, частично, вторая волна русской эмиграции избежа-

ли отречения от своих корней. Они считали себя русскими, идентифицировали себя с русской культурой в ее классических образцах, позволяли себе ощущать свои истоки и корни, не стесняясь, а, наоборот, гордясь ими.

По законам науки "культурной антропологии" считается, что человек принадлежит, независимо от его национальности, к той культурной группе, в которой сформировались его сознание и язык. Так, Жуковский, мать которого была турчанкой, Пушкин, прадед которого был выходцем из Африки, Лермонтов с его шотландскими предками (предполагаемыми) не только принадлежат к русской культурной группе, но и являются ее классическими образцами.

Эмигранты из бывшего СССР первого поколения, независимо от их национальности, остаются русскими, если русский язык и русская культура сформировали их сознание.

Ностальгические переживания эмигрантов, вызванные утратой своей культурной группы и корней исхода, являются, как ни странно, очень полезными, так как позволяют человеку определить свою соотнесенность и точку отсчета в бесконечном мировом социальном пространстве. В противном случае у человека могут возникнуть ощущение неуверенности, духовная опустошенность, тревожность, пониженная самооценка, неврастенические расстройства.

Любопытным является тот факт, что "русские" эмигранты значительно драматичнее переживали чувство ностальгии, чем немцы, французы, англичане, американцы.

Вероятно, кроме феномена "загадочной русской души", такая глубина переживаний связана с историко-политическими особенностями русской эмиграции. Так, на протяжении всей хроники русской эмиграции (исключение составляет лишь последняя - "послеперестроечная" волна - с 1991 года) эмигранты покидали свою страну навсегда. С ними прощались навсегда. Для родственников и друзей их прощания были похожи на похороны. После пересечения границы за ними опускался железный занавес, и они уже на всю жизнь оставались по ту сторону барьера. Родина, все, что с ней было связано, становилось для них недостижимым. И чем невозможнее был контакт с прошлым, тем сильнее было внутреннее напряжение человека. Оно действовало в виде постоянного психотравми-

рующего фактора, часто приводящего к различным видам психологических срывов - от слез до тяжелых неврозов.

В 1920 году в рассказе "Ностальгия" Тэффи писала: "Приезжают наши беженцы, изможденные, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг ГАСНУТ. Тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа, душа, обращенная на Восток. Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской - и умерли смертью здесь. Вот мы - смертью смерть поправшие! Думаем только о том, что теперь ТАМ. Интересуемся только тем, что приходит ОТТУДА".

Ничего подобного не происходило с эмигрантами западных стран. Поэтому у них и не было той глубины и драматизма переживаний, которые свойственны русской эмиграции и которые отражены в творчестве писателей, поэтов, песенников, музыкантов, кинематографистов русского зарубежья.

Ностальгия как устойчивое психическое состояние была свойственна российской эмиграции "первой волны" в значительно большей степени, чем эмигрантам последующих волн. Это объясняется следующими обстоятельствами:

1. Наличием устойчивых духовных ценностей, воспитанных в традиции монархизма, патриотизма и христианства ("...Так за Царя, за Родину, за Веру пусть грянет громкое Ура..."). Подобных духовных ценностей в силу идеологических, исторических и политических причин почти не наблюдается у эмигрантов последних волн.

2. Наличием чувства патриотизма как особой национальной черты в структуре духовных ценностей интеллигенции царской России.

3. Восприятием самого процесса эмиграции как ряда действий, предпринимаемых в условиях стихийного бедствия, в связи с чем у многих эмигрантов отсутствовали чувства острой персональной обиды и озлобления на родину.

4. Отсутствием в сознании многих эмигрантов "первой волны" идентификации образа большевиков с образом оставленной ими царской России. Поэтому в сознании этих эмигрантов не было переноса негативных психологических установок на образ родины.

5. Наличием чувства сопричастности к лучшим классическим образцам русской культуры, то есть чувства культурной идентификации

с Россией.

6. Отсутствием современных технических средств связи (телефон, телефакс, электронная почта), оперативных средств массовой информации (телевидение, радио), быстрых средств транспортного сообщения (самолеты, поезда, автомобили и т.д.), что создавало картину географической, информационной и эмоциональной удаленности от России и заброшенности, что, в свою очередь, создавало ряд дополнительных внутренних эмоциональных напряжений.

7. Отсутствием реальной возможности вернуться на родину, даже в качестве туриста, из-за тоталитарного режима и политических репрессий в СССР.

* * *

Степень ностальгических переживаний человека часто зависит от его социального самочувствия. Известный социальный психолог из Санкт-Петербургского университета А. А. Русалинова считает, что социальное самочувствие - это общая характеристика оценочно-эмоциональной сферы человека. Оно возникает на основе того, как человек воспринимает и оценивает свое место и роль в сложившейся ситуации, как он оценивает перспективу своего социального и профессионального развития. Для того, чтобы проанализировать степень ностальгических переживаний эмигрантов в зависимости от их социального самочувствия, мы изучили четыре группы наших соотечественников, имеющих разные системы ценностей, жизненные установки и психологическую структуру личности. Условно эти группы мы назвали: "практичные", "космополиты", "рефлексивные" и "творческие".

Первая группа эмигрантов - условно называемая "практичные" - отмечает высокую удовлетворенность материально-бытовыми условиями. Для этих людей в иерархи-

ческой структуре ценностей очень значимыми являются: ощущение физической безопасности, освоение детьми иностранных языков, возможность "посмотреть мир", обеспечение семьи необходимыми товарами потребления. На социальное самочувствие в этой группе эмигрантов, как правило, не влияют их низкий социальный статус и отсутствие профессиональной перспективы. Уверенность в завтрашнем дне часто связывается у них с возможностями их физической работоспособности и с той социальной и материальной защищенностью, которую им может в будущем предоставить немецкое общество. Эмигранты этой группы имеют чаще всего невысокий уровень личных притязаний. Ностальгические переживания, как правило, не носят у них болезненного характера. Напротив, все их сравнения прошлого и настоящего - бытовые, социальные, материальные и даже психологические - заканчиваются в пользу нового общества.

Вторая группа - "космополиты" - часто имеют достаточно высокий уровень профессиональных и социальных притязаний. При этом им безразлично, в какой стране эти притязания могут реализоваться. Как правило, они конфликтны, не умеют "ухаживать" за своими дружескими и родственными связями и часто оказываются в пси-

Ежедневная газета

ЧТО ДЕЛАТЬ?!

Орган-национального объединения

Выходит в Берлине с 23 октября 1971 года, по вторникам. - Редакция: Berlin W 57, Kirchbisch Strasse 161 (bei Sürig). - Прием по вторникам от 5-7 вест. - Контра там же. - Подписки и объявления принимаются во всех книжных магазинах.

Подписка цена:	на 3 мѣс.	на 6 мѣс.	на 12 мѣс.
Въ Германи:	6 мар.	10 мар.	20 мар.
Въ странах европ. пакт.	15 мар.	25 мар.	50 мар.
Франция, Бельгия:	3 1/2 фр.	6 фр.	12 фр.
Швейцария:	1 1/2 фр.	3 фр.	6 фр.
Амер., Кятай, Д. Вост.	1/2 доллар.	1 доллар.	2 доллар.
Голландия, Дания, Норвегия, Англия, Швеция, Италия, Испания, Турция	по курсу нидерландского флорина в кѣстной валюте		

Годовые подписчики немедленно получают бесплатную премию

„Письм Письней“
царя Соломона

Величайшее поэтическое произв. всех времен.

Объявление: За строку напечатана 3 марки. Для наружных тредк и для рекламы 50% скидки.

Редактор и издатель
ГРИГОРИЙ НОВИЦКИЙ

дожники, певцы, танцоры, артисты, кинематографисты, педагоги, конструкторы и т. д., то есть люди любых профессий, для которых деятельность неразрывно связана с личностью. Если в условиях эмиграции они лишаются работы как любимого дела, то пребывание в другой стране теряет для них всякий смысл и ведет к полному личностному разрушению. Особенно это относится к тем, кто “работает со словом”, для кого необходимы “корни” и обратная связь с публикой. Ностальгические переживания по утраченному могут иметь в этом случае самые разрушительные последствия.

Среди эмигрантов, “чистые” типы, то есть относящиеся исключительно к той или иной группе, встречаются редко. Человек может сочетать в себе черты первой, второй, третьей и четвертой группы. Однако почти в каждом есть определенная выраженность того или иного типа, что позволяет отнести его к одной из указанных групп.

На основании изучения четырех типов эмигрантов можно сделать вывод, что глубина ностальгических переживаний зависит:

1. От степени социального благополучия человека в новом обществе;
2. От степени его сенситивности (чувствительности) и психоэмоциональной организации личности;
3. От вида профессии и возможности профессиональной самореализации.

***

Рассмотрим подробнее особенности ностальгических переживаний “творческих” на протяжении четырех волн российской эмиграции. Итак, “творческим” людям, находящимся в условиях эмиграции, почти невозможно идти на профессиональные компромиссы, если их работа - главное дело жизни, и если она невозможна или затруднительна в условиях чужой языковой и социокультурной среды. Отрыв от своей почвы делает их существование мучительным и бесперспективным.

Полистаем страницы истории. Грустные суждения мы находим у многих поэтов и писателей первой волны русской эмиграции.

Марина Цветаева: “В России я поэт без книг, здесь - поэт без читателей”; “Из мира, где мои стихи кому-то были нужны, как

БРИЛЛИАНТЫ

ЖЕЛТЫЕ, ИЗУМУРНЫЕ, ПЛАТИНУ И ЗОЛОТО.

покупайте по сам. выс. ценам
J. TANKEL
Berlin, Friedrichstr. 95
(д. Маре Скандинавия)
РИГА - МОСКВА

хлеб, я попала в мир, где стихи никому не нужны”.

Александр Куприн: “Как вы хотите, чтобы писатель мог творить, когда все нити, связывающие его с родной почвой порваны... Здесь, во Франции, писатель-эмигрант может писать только по-французски”.

Алексей Толстой в письме Корнею Чуковскому: “...эмиграция, разумеется, уверяла себя и других, что эмиграция - высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение священного огня. Но это так говорились, а в эмиграции была собачья тоска: как ни задирались, все же жили из милости в людях”.

Средства массовой информации - журналы, газеты, радио, справочная и учебная литература практически не замечали талантливейших русских литераторов первой волны эмиграции. Так, в Британской Энциклопедии, казалось бы, авторитетном и солидном издании, в специальной статье “Русская литература” не упомянуты ни Марина Цветаева, ни Евгений Замятин, хотя есть и Федин, и Ажаев, и Полевой. Марина Цветаева прожила на Западе 17 лет. Но, как писал один эмигрант, ставший американским журналистом

ПЕРВЫЙ ВЪ БЕРЛИНЪ

ЗУБОВРАЧЕБНЫЙ ИНСТИТУТЪ

Основат. и руковод. — зубные врач
Гр. Яновл. Брауде и В. Шумский
быв. руковод. и демонстр. клиники
„Домъ зубн. врачей въ Берлинѣ“

BERLIN W. 30
MARTIN-LUTHER-STRASSE 2
уг. Мюштрассе

Телефонъ: Лютовъ 96-09

Институтъ оборудованъ по послѣднимъ требованиямъ науки и техники

При институтѣ имѣются:
Специальная хирургическая клиника — Рентгеновскій кабинетъ. — Специальная лабораторія для изготовления искусственныхъ зубовъ новейшими усовершенствованными методами, регулирование зубовъ и всѣхъ аномалій въ полости рта.

Принимъ отъ 9—1 и отъ 3—6.

Сообщение: Трамвай 90, 91, 60, 61, 8, 51, 57.
Подземная дорога:
Wittenbergplatz, Nollendorfpfatz, Viktoria-Luise-Pl.

том, "эти 17 лет не оставили и микроскопической царапины на полированном лике Запада 20 века. С таким же успехом она могла бы провести их не в Париже, а в Елабуге".

Точно так же на Западе "не замечали" виднейшего писателя Ивана Бунина даже и после того, как он получил в 1933 году Нобелевскую премию. Во всяком случае, Британская Энциклопедия его не упоминает. Иван Бунин, написавший в эмиграции классические свои произведения - "Митину любовь", "Темные аллеи", неоднократно говорил о бесперспективности эмигрантской литературы, подчеркивал, что беллетристов - новых и молодых - здесь быть не может. Стихи еще кое-как. Или статьи. Но, как передавала Зинаида Гиппиус его суждение, "беллетристов нет и не будет". Почти не был замечен на Западе и другой выдающийся русский писатель-эмигрант Владимир Набоков до того времени, когда в 1955 году вышел его роман "Лолита", потрясший устои "благопристойности".

Многие творческие люди осознавали трагическую раздвоенность, необычайную сложность творчества вдали от родной почвы. "Мы - польнь в чужих полях", - так образно определил поэт Саша Черный положение людей искусства в эмиграции. Даже Федор Шаляпин, чьи выступления от Парижа до Харбина проходили с неизменным успехом, признавался: "Как бы тонок француз не был, он до конца меня никогда не поймет. Да и там, в России, понимала и ценила меня по-настоящему галерка. Там была моя настоящая публика. Для нее я пел. А здесь галерки нет". Другой великий музыкант Сергей Прокофьев писал: "В моих ушах должна звучать русская речь, я должен говорить с людьми моей плоти и крови, чтобы они вернули мне то, чего мне здесь не достает: свои песни, мои песни". Грустно читать и строки Сергея Рахманинова: "Как же сочинять, если нет мелодии. Если я давно уже не слышал, как шелестит рожь, как шумят березы". По свидетельству друзей, разлуку с родиной он переносил "очень мучительно".

Также тяжело переживали оторванность от родины русские художники. Так, Н. Фешин, как вспоминал об этом вернувшийся из эмиграции скульптор Коненков, говорил: "Бессмысленна жизнь человека на чужбине. Люди искусства не должны покидать своей

страны. В чужой стране существовать, а живешь - воспоминаниями".

Горечью полны письма прекрасной русской художницы Зинаиды Серебряковой: "Как здесь ужасно художникам... Ужасно жалею, что прозябаю и бездействую здесь, где нет пищи моему желанию... писать и рисовать... ничего из моей жизни здесь не вышло, и я часто думаю, что сделала непоправимую вещь, оторвавшись от почвы..."

Один из выдающихся графиков, художник глубоко национально-русский по своим темам, манере, приверженности традициям Иван Билибин писал из Парижа в Россию: "Работать здесь трудно, ибо в художниках здесь не нуждаются, и вообще не поняли бы разницы между работой

ХОРОСКОПЪ

раскрывает всю
ЖИЗНЕННУЮ СУДЬБУ
и отвечает на все важные
вопросы о предстоящих
событиях на основании астро-
номического исчисления вза-
имного расположения светиел

За справками обращаться:
ASTROLOGISCHES BÜRO
»NEPTUN«
BERLIN O. 112
FRIEDRICH KARLSTRASSE Nr. 17

ДЛЯ ОТВЕТА ПРИЛОЖИТЬ ПОЧТОВЫЕ МАРКИ

Сомова и какого-нибудь полковника, рисующего с фотографий или с картинок женские головки, чтобы не подохнуть с голоду". Даже Александр Бенуа, духовно во многом связанный с западным искусством 20 века, писал из Парижа в 1924 году одной своей корреспондентке в Россию: "Ну вот мы и в Париже. Вы, вероятно, радуетесь за нас... Но, дорогая, мне, во всяком случае, вы не должны завидовать. Мое самочувствие морально неважное... Дать бы мне возможность жить дома, в своей настоящей атмосфере, и я, разумеется, сейчас же отказался бы от всех здешних соблазнов и помчался бы назад в матушку-Россию".

Среди наиболее значительных представителей "второй волны" эмиграции, оказавшихся на Западе в результате Второй мировой войны, можно назвать лишь не-

сколько поистине ярких имен: Р. Иванов-Разумник, С. Аскольдов, Л. Фостер, В. Марков, О. Антей, Б. Филиппов, Д. Кланевский, В. Юрасов, Б. Ширяев, И. Елагин. В отличие от предшественников, они, как правило, не были связаны со старой Россией, а выросли в условиях советской России и принесли на Запад чувства, настроения, мысли, находившиеся многие годы под спудом. Именно поэтому ностальгические переживания имели у них очень противоречивый характер, так как образ родины они часто связывали с образом жесткой цензуры и диктата.

Кроме этого, у многих из них имелась возможность профессиональной и общественной самореализации в новом обществе. Вот что пишет Глеб Струве, профессор кафедры русской литературы в университете штата Калифорния, знаток эмиграционных процессов, особенно в сфере культуры: "Эта волна эмиграции, в силу сложившегося в послевоенные годы международного положения... быстро приобрела влияние, к ее голосу стали прислушиваться, ее услугами стали пользоваться и правительственные учреждения (особенно в США), и общественные организации в размерах, в которых это и не снилось старой эмиграции".

Представители "второй волны" располагали уже другим объемом информации о новой России по сравнению с "первой волной". Они пережили и голод, и насильственную коллективизацию, и годы террора, и начало войны. Их социальное самочувствие и профессиональные возможности оказались на Западе значительно лучше, чем у "первой волны". Неудивительно поэтому, что ностальгические переживания этих эмигрантов носят совершенно иной характер, по сравнению с таковыми первой эмиграции. И, тем не менее, творческим людям по-прежнему не хватало чувственных образов своей почвы. В этом контексте интересны стихи Ивана Елагина:

Мне незнакома горечь ностальгии,
Мне нравится чужая сторона.
Из всей - давно оставленной России
Мне не хватает русского окна.
Оно мне вспоминается донныне,
Когда в душе становится темно,
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

Многие творческие люди "третьей" волны (В. Аксенов, И. Бродский, Ф. Горенштейн, С. Довлатов, А. Зиновьев, Н. Коржавин, В. Мак-

симов, В. Некрасов, Б. Парамонов, А. Синявский, и другие) имея политические и идеологические разногласия со страной исхода, будучи диссидентами и "инакомыслящими", являлись продолжателями культуры русского зарубежья. Болели ли они ностальгией? Ответом на этот вопрос является их творчество, в котором основой остается русский язык и то мироощущение, которое сформировалось у них на родине.

Так, Иосиф Бродский писал: "Идея индивидуализма, человека самого по себе, на отшибе и в чистом виде, была нашей собственной. В этом смысле мы оказались "американцами" куда в большей степени, чем большинство населения США..."

Вся эта волна творческой интеллигенции продолжала заниматься литературным трудом, лишь физически переместившись в другую страну.

Полемизируя на тему эмиграции в повести "Заповедник", Сергей Довлатов писал: "Для писателя это смерть. Слова - моя профессия. На чужом языке мы теряем 80% своей личности. Мы утрачиваем способность шутить, иронизировать. Одно это меня в ужас приводит. ...Мой язык, мой народ, моя безумная страна. Представь себе, я люблю даже милиционеров. Здесь мои читатели. А там... кому нужны мои рассказы в городе Чикаго? ... Русские писатели-эмигранты - это скопище несчастных пораженцев. Даже Набоков - ущербный талант. Что говорить о каком-нибудь Зурове?" Напомним, что Довлатов 12 лет прожил в США, где окончательно выразил себя как русский прозаик. На Западе он выпустил 12 книг на русском языке, которые нашли своих читателей.

Такова ситуация творческой интеллигенции в эмиграции прошлых лет. Что же касается нынешней, четвертой волны, то она требует особого рассмотрения и отдельной статьи.

По страницам прессы русского зарубежья 20-х годов

Письма читателей
в редакцию журнала
"Смена вех",
принявшего
просоветскую
ориентацию

СМЕНА ВЕХ, 1921 год

Я бывший юнкер Южной белой армии, а теперь просто русский студент за границей. Не могу не благодарить в самых теплых словах за ту поддержку, которую нашли мои мысли и чувства на страницах Вашего журнала, за тот поворот во взглядах на события, происходящие на Родине, из которой нас постыдно выгнали, за ту смену вех, которую Вы так смело и так прямо провозгласили. Она неизбежна, она будет!

С Вашей точкой зрения на советскую Россию я не согласен... Конечно, в "Смене Вех" больше любви к России и патриотической смелости, чем где-либо сейчас в эмиграции... Но мне кажется, что России теперешней все мы не знаем. Мы ее только чуем и вопрос такой - кто из нас чуется ее правильно?

Настоящим письмом, прежде всего, приветствую вас как рабочий, и шлю вам благие пожелания на успехи вашего трудного дела, а главное, чтобы стойко бороться за право русского народа против контрреволюционной интеллигентской эмиграции. Долго и много думал я и никак не мог найти причину, почему столь много славных русских интеллигентских сил стало на сторону русской контрреволюции... Почему? Только потому, что революцию пролетариат совершил не по их указке. Сколько обидно и больно было за ренегатство русской интеллигенции, столько и отрадно видеть часть интеллигенции, осознавшей свои ошибки, сделанные против русской революции, что эта часть интеллигенции честно и открыто заявила об этом и даже создала открыто журнал "Смена вех"...

Остаюсь с глубоким почтением к Вам.
Рабочий.

Я один из горячо сочувствующих тому течению, по которому Вы стремитесь направить мысль упавшего духом русского интеллигента.

Кто такое я? - Я не коммунист, потому что в коммунизме ничего не понимаю. Никогда в жизни не держал в своих руках ни одной социалистической книги. Я более не монархист, потому что изучил его и понял его. Увы! Я преступник перед своей Родиной; я грешен перед родным мне народом, потому что долгое время под обманом шел не за ним, а за его врагами. Чувство глубокой тоски, чувство бесконечного горя, чувство решительной ненависти к врагам русского народа, еще так недавно обманувшим меня - вот что царит в душе моей и заставляет искать возможности искупить свои тяжкие грехи.

РУССКИЕ КАФЕ И РЕСТОРАНЫ

"Aus den Rahmen"

кафе художественной
и литературной интеллигенции
Luitpoldstr. 1, 10781 Berlin (Nähe U-Bahn Nollendorfplatz)

"Amberd", армянская кухня, Uhlandstr. 67

"Баку", Motzstr. 8, 10777 Berlin

"Берёзка", Winsstr. 1, 10407 Berlin

"Воланд", Wichertstr. 63, 10439 Berlin

"Гегель", Savignyplatz, 10623 Berlin

"Ивушка", Neue Kantstr. 7, 12057 Berlin

"Калинка", Danckelmannstr. 20, 14059 Berlin

"Каравелла", Hufelandstr. 9, 10407 Berlin

"Матрёшка", Oranienburger Str. 39, 10178 Berlin

"Noestro", Domini cusstr. 39, 10829 Berlin

"Одесса", Mohrenstr. 66, 10117 Berlin

"Панкграф", Hohenzollerndamm 185, 10713 Berlin

"Пастернак", Knaakstr. 22, 13089 Berlin

"Розалия", Alt – Moabit 75, 10555 Berlin

"Самовар", Luisenplatz 3, 10585 Berlin

"Тройка", Leipziger Str. 120, 10117 Berlin

"Шагал", Schönhauserallee 2, 10119 Berlin

СТРАХОВАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Виктор Дайберт, Тел. 413 48 91, (07348) 2 33 43

РУССКИЕ ВИДЕОТЕКИ

Kantstr. 16, 10623 Berlin

Leibnitzstr. 43, 10625 Berlin

Martin – Luther Str. 82, 10785 Berlin

Heinrich – Roller – Str. 5, 10415 Berlin

АВТОСЕРВИС

Auto-Service

Prenzlauer Promenade 6, 13086 Berlin, Tel. 4784971

Auto-Dienst

Lindower Str. 26, 13347 Berlin – Wedding, Tel. 4627745

LADA, Autohaus Lankwitz

Kamener Damm 75, 12249 Berlin, Tel. 7741041

FORD, Autohaus Airport Tempelhof

E. Reim, Tempelhofer Damm 24 – 30, Tel. 788 008 32

Из русского путеводителя
за 1925 год

Гостиницы для более скромных требований

Мекленбургерхоф,
Инвалиденштр. 124, 30 комнат.
Рестор., ванны; посещаем многи-
ми купцами.
Фребель-Госпиц,
Вильгельмштр. 10 у Ангальтер Бан-
гоф; 50 комнат. с 80 кроватями,
электричество, школа для изуче-
ния хозяйства. Рекомендуются пу-
тешествующим дамам.

Пиво

Относительно пива условия очень
улучшились и берлинские пиво-
варни Шульцгейс, Патценгофер,
Пфеферберг, Унион, Кенигштат,
Энгельгарт и т. д. доставляют
"полное" довоенное пиво. Большой
популярностью пользуются пивные
- "Ашингерс Бирквелен", их посе-
щают на короткое время дабы за-
кусить и выпить.

Кафе

На всех главных улицах города
есть кафе на Венский манер. В них
после обеда, а также вечером после
закрытия театров, вечеров, ба-
лов и т. д. очень оживленно, здесь
собирается даже лучшее общество.

Средства передвижения

Все лошадиные и моторные дрожки
Берлина снабжены указателем
стоимости езды. Указанная сумма
должна быть умножена на имеющее
силу в данное время "число вздо-
рожания". При разногласиях с ку-
черами требовать от них Фармар-
ке, в которой указаны номер дрож-
ки и заплаченная за проезд цена и
вносить жалобу в Хуптфегеркассе
на Кайзердам 1.

Русские магазины

Русская чайная торговля,
Векштрассе 22
Адольф Медлер, Самовары,
Галензее, Карлсруэрштрассе 15
Русская торговля
деликатесами "Ага",
Нюрнбергерштрассе 5
Руманцев, Деликатесы,
Циммерштрассе 62

РУССКОГОВОРЯЩИЕ ВРАЧИ

ТЕРАПЕВТЫ

Dr. Genschorek
Treskowallee 99
10318 Berlin, Tel.5090313

Dr. Jenicke
Erich-Kurz-Str.9
10319 Berlin, Tel.5121151

Dr. N. Jahn
Basdorfer Str. 8
12679 Berlin, Tel.5429515

Dr. A. Impris
Siegburger Str. 5,
14197 Berlin, Tel. 3319917

Dr. D. Kitschin
Gneisenaustr. 92
10961 Berlin, Tel.6917720

R. Merge
Pariser Str. 7,
10719 Berlin, Tel.881998

Dr. Mohnike
Gudrunstr. 4
10365 Berlin, Tel.5596861

Dr. S. Pensold
Ruschestr. 59
10365 Berlin, Tel.5529243

Dr. W. Rosch
Ruschestr. 59, 10365 Berlin,
Tel. 5529243

Dr. Rubarch
Schlossstr. 24
13507 Berlin, Tel 4336071

G. Wasilev
Schönhauser Allee 129
10437 Berlin, Tel. 4481584

ОКУЛИСТЫ

Dr. Militzer
Warschauer Str. 23
10243 Berlin
Tel. 589 47 35

Dr Tischner
Linienstr. 83 a
10119 Berlin

ДЕРМАТОЛОГИ

Dr. Hannelore
Waldowallee 101,
10318 Berlin, Tel. 509 94 88

ВЕТЕРИНАРЫ

Swetlana und Jorg Hempel
Elisabethkirchstr. 11,
10115 Berlin, Tel. 281 77 36

СТОМАТОЛОГИ

Fr. Hoeltke
Petersburger Str. 43,
10249 Berlin, Tel. 427 71 17

Dr. A. Joselowitsch
Kurfürstenstr. 154,
10785 Berlin, Tel. 261 33 08

O. Joselowitsch
Wilhelmstr. 6, 10963 Berlin
Tel. 351 40 47

E. Esterov, Dr- Lazki-Esterov
Sonnenallee 16, 12047 Berlin
Tel. 624 35 81

Dr. Schapiro
Kantstr. 58
Tel. 324 96 35

I. Schmidt
Vinetastr. 61, 13189 Berlin
Tel. 478 40 60

ЛОРИНГОЛОГИ

Dr. Berschadski
Ohlauer Str. 27, 10999 Berlin,
Tel. 611 69 22

Prof. Dr. Betow
Ringbahnstr. 14, 10711 Berlin
Tel. 892 20 20/ 891 30 34

Dr. G. Feldner
Uhlandstr 103, 10715 Berlin
Tel. 872 974

Dr. I. Meiler
Bayerischer Platz 8, 10779 Berlin,
Tel. 781 10 48/781 10 53

ГИНЕКОЛОГИ

Fr. Dr Berger
Alte Hellersdorfer Str. 134,
12629 Berlin, Tel. 991 10 01

Herr Dr. Eisinger
Kreutzigerstr. 16, 10247
Tel. 589 12 68

Herr Dr. Hamann
Pestalozzistr. 40, Tel. 483 53 41

Fr. Dr. Cleemann
Heimstr. 19, 10965 Berlin
Tel. 694 91 25

Fr. Dr. Groß
Inselstr. 13 a, 10179 Berlin
Tel. 279 21 05

Fr. Hillich
Hannsdorfer Str. 3, 12621 Berlin
Tel. 563 34 38

Fr. A. Zamborskaja
Rheinstr 29, 12161 Berlin
Tel. 852 56 34

Herr Dr Popov
Hallandstr. 2, 13189 Berlin
Tel. 472 76 85

Fr. Dr. Reich
Heinrich Heine Str. 24, 10179 Berlin
Tel. 279 39 17

ПРОЧИЕ ВРАЧИ

Dr. V. Bikadorov (психиатр)
Dr. N. Freinkman (психолог)
Giesebrechtstr. 13, 10629 Berlin
Tel. 883 90 36, 883 90 39

P. Glosmann (рентгенолог)
Dieffenbachstr. 40, 10967 Berlin
Tel. 691 84 50

Dr. A. Kogan (ортопед)
Potsdamerstr. 102, 10785 Berlin
Tel. 261 63 69, 262 23 88

Dr. A. Bahho (уролог)
Tempelhofer Ufer 36, 10963 Berlin
Tel. 262 14 24

Dr. W. Lichowos, Dipl. Med. G. Hotz
(хирурги) Wilhelm-Gericke-Str. 18,
13437 Berlin, Tel. 414 19 21

Dr. I. Suetin (Schmerzarzt)
Mauerstr 67, 10117 Berlin, Tel. 22679230

История одной мемориальной доски

ПРЕДЫСТОРИЯ

В доме профессора московского университета Ивана Владимировича Цветаева детей воспитывали как вундеркиндов. Немецкий язык стал их вторым родным языком (третий - французский), а Германия - любимой страной детства.

Рассказы матери о путешествиях по Рейну, о старых замках, о легендарной Лорелей запомнились дочерям, Марине и Асе Цветаевой, навсегда. "И родным становился зеленый пенный Рейн" - вспоминала впоследствии Ася. Влияние матери Марина Цветаева считала определяющим. У нее она научилась любить немецких романтиков, Гете, Шиллера. Уже в зрелости она называла "Сказание о Нибелунгах" книгой, "с которой сожгут" и со свойственной ей категоричностью заявляла, что Гейне - "тот еврей, за которого всех русских отдам". Впоследствии свою поэму "Крыслов" она посвятит ему.

Мария Александровна Цветаева часто рассказывала детям о Людовике Баварском, который любил луну, отрекся от престола и поселился в лесу,

*Германия
Марины Цветаевой*

Миша Полянская
Татьяна Чернова

где жил "под музыку Вагнера". "Жить под музыку Вагнера, да еще под луной - вот идеал высокой жизни", - повторяла она.

Есть вскользь оброненные слова М. Цветаевой, обо многом говорящие: "Из этой Музыки, обернувшейся Лирикой, мы уже никогда не выплыли - на свет дня!.. Ее дети отродясь были обречены..."

В детстве состоялись две поездки в Германию: одна в 1902 году, когда Марине Цветаевой исполнилось 10 лет, и матери требовалось лечение за границей (там они провели целых 3 года); вторая - "после мамы", в 1910 году.

Сестры в голубых платьях и соломенных шляпках впервые увидели в 1902-ом Альпы и леса Шварцвальда - заколдованные места братьев Grimm. Отец совершил тогда с дочерьми путешествие пешком по Саксонской Швейцарии. Затем, уже после смерти матери, они побывали в Вене, Мюнхене, Дрездене. Во Фрайбурге сестры учились в католических пансионах.

Geschichte einer Gedenktafel

*Das Deutschland
Marina Zwetajewas
(Kurzfassung)*

**Mina Polianski,
Tatjana Tschernowa**

Vorgeschichte

Im Haus von Iwan Wladimirowitsch Zwetajew, Professor an der Moskauer Universität, erzog man die Schwestern Anastassja und Marina wie Wunderkinder. Deutsch wurde zu ihrer zweiten Muttersprache (zur dritten - Französisch) und Deutschland das Lieblingsland ihrer Kindheit.

In den Jahren des Ersten Weltkriegs, als die russische Hauptstadt statt eines deutschen (Petersburg) einen neuen, russischen Namen, Petrograd, erhielt, zu einer Zeit, als Igor Sewerjanin seine berühmten Zeilen deklarierte: „Dann wird Ihr liebevoller, einziger, werde ich Sie nach Berlin führen!“, in dieser Zeit blieb Marina Zwetajewa dem romantischen Land ihrer Kindheit treu, sie beteiligte sich nicht an dem allgemeinem chauvinistischen Chor. Sie widmete Deutschland vielmehr Zeilen wie diese:

Du bist der Welt zur Hetzjagd übergeben,
und zahllos sind Deine Feinde.
Nun, wie kann ich Dich da in Stich lassen?
Nun, wie kann ich Dich da verraten?

Und wo nehm ich die Klugheit her?
„Aug - um Aug, Blut um Blut“?
Deutschland, mein Wahnsinn!
Deutschland, meine Liebe!

Am 15. März 1922 reiste Marina Zwetajewa mit ihrer neunjährigen Tochter Alja nach Berlin. Sie ließ die Hungersnot hinter sich, durch die ihre vierjährige Tochter Irina gestorben war, das Elend, den Schrecken und das Chaos der um sich greifenden Zerstörung. Der Kutscher fuhr die Zwetajewas zur Pension am Pragerplatz, in der damals auch Ehrenburg wohnte. Einige Zeit später traf auch ihr Ehemann Sergej Efron aus Prag ein, Offizier der Weißen Freiwilligen Armee, den sie seit vier Jahren nicht gesehen hatte. Als er ankam, zogen sie in ein Hotel in der Trautenaustraße 9.

Bald stürzte sich Zwetajewa in das stürmische und elitäre Leben der Emigranten. Innerhalb kürzester Zeit - in nur zwei Monaten - schrieb sie 25 Gedichte

В годы Первой мировой войны, когда российской столице, вместо немецкого (Петербург), дано было новое, русское название Петроград, в то время, как Игорь Северянин декламировал свои знаменитые строки: "Тогда ваш нежный, ваш единственный, Я поведу вас на Берлин!", Марина Цветаева осталась верной стране своего романтического детства, не приняла участия в общем шовинистическом хоре. Вопреки ему посвятила она Германии такие строки:

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам.
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье?
"За око - око, кровь за кровь"
Германия, мое безумье!
Германия, моя любовь.

15 мая 1922 года М. Цветаева со своей девятилетней дочерью Алей приехала в Берлин. Позади остались голод, от которого умерла ее четырехлетняя дочь Ирина, нищета, ужас и хаос всеобщего разрушения. Извозчик довез Цветаевых до пансиона на Pragerplatz, где жил тогда Эренбург. А через некоторое время из Праги приехал ее муж С. Эфрон, офицер Добровольческой белой армии, с которым она не виделась 4 года. Тогда же они и переехали в гостиницу, в дом № 9 по Trautenaustraße.

Эфрон пробыл с семьей только две недели, в течение которых обнаружился совершенно неожиданный для Цветаевой разногласия с мужем. Эфрон, оказывается, планировал возвращение в Россию: "Обратно, Мариночка, можно, только пешком - по шпалам - всю жизнь..."

Стало быть, именно из этого дома № 9 началось возвращение Цветаевой в Россию, которое длилось 17 лет (она вернулась в Москву в 1939 году), отсюда - цветаевский "Рассвет на рельсах":

Покамест день не встал
С его страстями отравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю...

...Без низости и лжи:
Даль - да две рельсы синие...
Эй, вот она! Держи!
По линиям, по линиям...

Стало быть, в этом доме и начало конца, краха семьи Цветаевой - погибнут все, кроме дочери - Ариадны, которая всю жизнь провела в ссылках, дальних и ближних. Но все это еще предстоит, а пока на Trautenaustraße Марина почти счастлива.

После отъезда Эфрона Цветаева окунулась в бурную жизнь эмигрантской элиты. За короткий срок - всего лишь два месяца - она написала 25 стихотворений и, кроме того, эссе о творчестве Пастернака "Световой ливень". Тогда же она стала членом берлинского Дома искусств, первое заседание которого состоялось на Kurfürstenstraße 75. Это был своего рода центр русской литературно-художественной жизни Берлина, в который вошли крупнейшие литераторы, такие, как А. Белый, А. Толстой, В. Шкловский, А. Ремизов, В. Ходасевич. (Читайте о Доме искусств в журнале "Зеркало Загадок" № 3 за 1996 год.) Любимым местом встреч для Цветаевой, как и для многих других литераторов стало кафе Prager Diele, находившееся неподалеку от ее дома на Pragerplatz.

Впоследствии она вспоминала: "Берлин, Prager Diele на Pragerplatz. Столик Эренбурга, обрастающий знакомыми и незнакомыми. Оживление издателей, окрыление писателей, обмен гонорами и рукописями". Здесь М. Цветаева познакомилась с Андреем Белым. Белый же, никогда прежде не читавший ее стихов, познакомившись с цветаевским сборником "Разлука", недавно вышедшим, откликнулся на него замечательными словами: "У меня от нее (книги) физическое сердцебиение". Тогда же, в Цоссене, Белым было написано и стихотворение "Марина Цветаева".

Судьба Цветаевой сложилась так, что она покинула Германию до того, как в ней начался глубокий экономический кризис, глущий за собой упадок русского литературного Берлина. Она не стала свидетелем агонии, о которой В. Шкловский писал: "Наступал срок платежа", и потому о Берлине у нее остались лишь радужные воспоминания. Осенью 1922 года Цветаева уехала в Прагу, там в 1923 году она писала: "Ах, как хорошо мне было в Берлине, как я там чувствовала себя человеком".

Впрочем, среди 25 стихотворений написанных Цветаевой в доме № 9 есть одно, в котором она пишет о Берлине не только с любовью, но и с горечью. Стихотворение "Берлину" можно было бы назвать пророческим.

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень.
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта - как рукоплексанье.
Поздравствовалося - и слилось
В оставленности златозарной,
Над сказочными из сирот
Вы смилостивились, казармы.

Да, берлинский дождь
убаюкивал боль, боль тысячи

und außerdem noch einen Essay über Pasternak, „Lichtsturz“. Sie wurde damals auch Mitglied im Berliner „Haus der Künste“, dessen erste Sitzung in der Kurfürstenstraße 75 stattfand. Dieses Haus war in seiner Art das Zentrum des russischen literarischen und kulturellen Lebens in Berlin, an dem so große Schriftsteller wie Andrej Bely, Alexej Tolstoj, Viktor Schklowski, Alexej Remisow oder Wladislaw Chodasewitsch teilhatten. (Über das russische „Haus der Künste“, siehe Spiegel der Geheimnisse Nr. 3/1996.) Der beliebteste Treffpunkt nicht nur Zwetajewas, sondern auch vieler anderer Literaten war das Café „Prager Diele“, das sich nicht weit von ihrer Wohnung am Pragerplatz befand.

Das Schicksal fügte es, daß Zwetajewa Deutschland noch vor der schweren Wirtschaftskrise verließ, die auch den Niedergang des russischen „literarischen“ Berlins nach sich zog. Sie wurde nicht mehr Zeugin der Agonie, über die Viktor Schklowski schrieb: „Die Zeit der Abrechnung ist gekommen“, und so behielt sie von Berlin nur angenehme Erinnerungen. Im Herbst 1922 fuhr sie nach Prag, dort schrieb sie 1923: „Ach, wie gut ging es mir in Berlin, wie habe ich mich dort als Mensch gefühlt“.

Wobei, unter den 25 von Zwetajewa im Haus Nr. 9 geschriebenen Gedichten gibt es eins, in dem sie über Berlin nicht nur mit Liebe, sondern voller Bitterkeit schreibt. Man könnte das Gedicht „An Berlin“ auch prophetisch nennen.

Der Regen lindert den Schmerz.
Ich schlafe bei rollenden Läden.
Den zuckenden Asphalt entlang
Hufe - wie Beifallsfontänen.

Gut gelebt - und hingeschmolzen.
In morgenroter Verlassenheit
Erbarmet ihr euch, Kasernen
Der märchenhaftesten Waisen.
(Deutsch von Richard Pietraf)

Ja, der Berliner Regen lindert den Schmerz, den Schmerz des tausendfach durchlebten Verlusts. Doch nur für kurze Zeit stellte Berlin, die Kasernenstadt, ein Heim für die „märchenhaftesten Waisen“ aus Rußland zur Verfügung. In Zwetajewas Gedicht gibt es keine Ruhe, keine Stabilität, man läßt vor ihr schon die tauben Berliner Fensterläden runterrollen, und sie bleibt allein im Angesicht der künftigen Katastrophen und Nöte des 20. Jahrhunderts.

Gedenktafel

Am 6. November 1996 wurde am Haus Nr. 9 in der Trautenaustraße die erste Gedenktafel für einen russischen Dichter in der Hauptstadt des vereinten

Deutschlands enthüllt.

Die zweisprachige Aufschrift, auf russisch und deutsch, lautet: „In diesem Haus wohnte 1922 Marina Zwetajewa“. Anzumerken ist, daß die Zwetajewa gewidmete Gedenktafel aus der billigsten Legierung, nämlich aus Messing, und nicht, wie es üblich ist, aus Bronze hergestellt worden ist. Das Bezirksamt von Wilmersdorf weigerte sich, die Anbringung der Tafel zu unterstützen. Auch das heutige russische Berlin zeigte keine Interesse an der Gedenktafel. So mußte sie ausschließlich durch Spenden (800 Mark) der Studierenden der Humboldt-Universität und der Freien Universität finanziert werden.

Daher muß man den Studierenden, die mit mangelhaften Mitteln auskommen müssen, hierfür Anerkennung aussprechen, ebenso aber der Mitarbeiterin der Freien Universität Wilke Waber (die Gedenktafel geht auf ihre Initiative zurück). Doch gleichzeitig ist es traurig, daß das Bezirksamt die Bitte ausgeschlagen hat, die gerade mal 600 Mark hinzuzuzahlen, die für eine Bronzetafel fehlten.

Im übrigen hat die Weigerung zur finanziellen Unterstützung den Bezirksbürgermeister von Wilmersdorf, Herrn Wrazmann, nicht davon abgehalten, seine moralische Unterstützung dadurch in Szene zu setzen, daß er, Wrazmann, in höchsteigener Person bei der Enthüllung anwesend war.

Und nicht nur das, Herr Wrazmann hat auch eine Rede gehalten, in der er kurz die Biografie Zwetajewas vortrug, einschließlich ihres Selbstmords in Jelabuga am 31. August 1941 - vor 45 Jahren.

Wir danken den Berlinern und Berlinerinnen für die Ehrerbietung und das Gedenken. Auf die russische kulturelle Renaissance am Anfang des 20. Jahrhunderts ist in der Person Marina Zwetajewas erstmalig in Berlin durch eine Gedenktafel hingewiesen worden. Das ist besonders bedeutend auch deshalb, weil bis heute noch nicht bekannt ist, wo sich das Grab von Zwetajewa befindet.

Круг

ежемесячная газета

Postfach 100301, 50443 Köln,
Tel. (0221) 9126630
Fax. (0221) 120028

пережитых лишений. Но ненадолго Берлин, город-казарма предоставил приют "сказочным сиротам" из России. В стихотворении Цветаевой нет ни покоя, ни устойчивости, уже опускаются перед нею глухие берлинские ставни, а она остается одна перед лицом грядущих исторических катаклизмов и бед 20-го века.

Следует подчеркнуть, что со своим личностным отношением к Германии Цветаева в истории русской литературы занимает особое место. Она - вероятно, единственный русский поэт, называвший эту страну "Vaterland". Подобно тому, как для Набокова тоска по родине оказалась, по его собственному выражению, тоской по детству, так же и для Цветаевой слово "Германия" соединилось с воспоминаниями о счастливом детстве и рано ушедших из жизни матери и отца.

И этот Vaterland, так же, как и Россия, шагнул к катастрофе. Цветаева предугадала будущую трагедию Германии и спустя два года, после того, как покинула ее, создала поэму "Крысолов" на основе знаменитой немецкой легенды, повествующей о чрезвычайном происшествии: "уводе" городских детей таинственным Крысоловом в 1284 году. В этом предании, мифе (или гриммовской версии немецкой легенды) она увидела архетип фашизма. "Ибо чара - старше опыта. Ибо сказка - старше были". ("Пушкин и Пугачев").

В народном произведении город Гамельн расплавляется детьми за неблагодарность и жадность (Крысолов спас Гамельн от нашествия крыс, но жители нарушили договор с Крысоловом и ничего ему не заплатили). В поэме Цветаевой Гамельн - не только "Веймар без Гете", это целое тоталитарное государство со своей системой подавления личности. Идеология такого государства формулируется ею так: "В семействе гамельнском - местоименья "я" нет: не один, все вместе". В таком государстве необходима тотальная унификация мышления: "В Гамельне собственных мыслей нет, только одни чужие". В таком государстве возможна лишь "музыка в малых дозах". Цветаевский страшный Крысолов в зеленом плаще - не Божий суд, он сам дьявол, но жители Гамельна заслужили его приход за любовь к земным благам, и презрение к благам вечным:

В городе Гамельне дешево пить:
Только один покров в нем.
В городе Гамельне дешево жить
И помирать спокойно.

Герберт Уэллс в конце своей жизни сказал: "Взрослые люди не нуждаются в вождях". Цветаева, несмотря на

непрактичность и неприспособленность в повседневной жизни, оказалась взрослее многих. Не случайно она напишет в 1934 году:

А Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без мечты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину...

Тридцатые годы - это время, когда начали сбываться предсказания "Крысолова" Цветаевой, и она вновь обращается к Германии со стихами:

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь - сказками туманила.
Днесь - танками пошла.
Пред чешскою крестьянкою -
Не отпускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?
Пред горестью безмерною
Сей маленькой страны -
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??
О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие.
Безумие
Творишь!

"Можно ли вернуться в Дом, который скрыт?". Марина Цветаева знала, что возвращаться в Россию, где "мор на поэтов", где сносят "домики со знаком породы", нельзя. Тем не менее, в июне 1939 года она с сыном вслед за мужем, о котором когда-то написала: "В его лице я рыцарству верна", отправилась в Москву. Без особых церемоний власть арестовала сначала Ариадну, через полтора месяца - Сергея Эфрона. Убежать от фашизма не удалось. Московские кинотеатры демонстрировали "Песню о Нибелунгах".

В начале войны Цветаева оказалась в городе Елабуге, в маленькой комнате, отгороженной занавесочкой от хозяев. Есть много догадок по поводу ее самоубийства, но, вероятнее всего, причины его так и останутся тайной. В феврале 1941 года она написала:

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
наддверный...

Спустя 73 года, после того, как Цветаева покинула Берлин, на фасаде дома, где она жила в 1922 году, была установлена мемориальная доска.

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА

6 ноября 1996 года на доме №9 по Trautenaustraße была открыта первая мемориальная доска русскому поэту в объединенной столице Германии.

Надпись, сделанная на двух языках, русском и немецком, гласит: "В этом доме жила Марина Цветаева в 1922 году".

Надо сказать, что доска, посвященная Цветаевой, выполнена из самого дешевого сплава, из латуни, а не из бронзы, как это принято. Муниципалитет района Вильмерсдорф отказался финансировать ее установку. Не было поддержки и со стороны русской эмиграции Берлина. Таким образом, доска Цветаевой была установлена исключительно на пожертвования студентов университета им. Гумбольдта и Свободного университета Берлина, которые составили 800 марок.

Стоит отдать должное студентам, живущим на скудные средства, а также сотруднице Свободного университета Вильке Вабер (установка доски была ее инициативой), но, в то же время, печально, что районные власти отклонили их просьбу о доплате всего лишь 600 марок для установки бронзовой доски.

Впрочем, отказ в финансовой поддержке не помешал бургомистру Вильмерсдорфа господину Врацману оказать поддержку моральную, которая состояла в личном присутствии на мероприятии его, Врацмана, персоны.

Более того, господин Врацман произнес речь, в которой кратко изложил биографию Цветаевой, вплоть до ее самоубийства в Елабуге, которое произошло 31-го августа 1941 года - 45 лет тому назад.

Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что находимся в столице германского государства, а не в Москве, с обилием гранитных, бронзовых, мраморных досок русским (и нерусским) литераторам, и не в Петербурге, где на Моховой, Вознесенском или Литейном - торжественный парад досок:

А визави меня живут Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной.

Ахматова. "Северные элегии"

Благодарим берлинцев за уважение и память. Русский культурный ренессанс начала двадцатого века в лице Марины Цветаевой отмечен впервые в Берлине доской. Это особенно важно и потому, что до сих пор не известно, где находится могила Цветаевой.

В 4-м номере "Зеркала Загадок" была опубликована статья Валерия Поршнева "Тайна Пергамского алтаря". Напомним читателям, что речь идет об одном из самых популярных ныне берлинских музеев. Однако, как сообщает Поршнев, иначе обстояло дело в двадцатых годах нашего века, "когда алтарь был заново собран в немецкой столице... В 1924 году в Берлине проходили демонстрации протеста. Демонстранты, сторонники "Союза спасителей-миссионеров", требовали прекратить "богохульное строительство" музея Пергамского алтаря". Дело в том, что обнаруженный Карлом Хуманом алтарь, оказался не больше не меньше, а частью храма, названного в Апокалипсисе св. Иоанна "престолом сатаны".

Лариса Бройтман, автор только что вышедшей в Санкт-Петербурге книги "Большая Морская", прислала нам сообщение, дополняющее материал статьи свидетельством современника открытия сенсационной археологической находки. Иван Сергеевич Тургенев, возвращавшийся из Парижа в Петербург ранней весной 1880 года, одним из первых видел Пергамский алтарь.

Возвращаясь к напечатанному

Тургенев о Пергамском алтаре

Лариса
Бройтман

По свидетельству Тургенева, важную роль в приобретении алтаря сыграл германский консул в Смирне Карл Хуман. О существовании Пергамского храма было известно ученым давно, и на этом основании был куплен участок земли около турецкого городка Бергама, как называли в 19-м веке древний Пергам. Заранее было получено разрешение султана на право обладания результатом археологических раскопок, и на четырех кораблях куски мраморного алтаря были доставлены в Триест, а оттуда по железной дороге перевезены в Берлин. В Берлине, в нескольких музейных залах части алтаря были разложены, как сообщает И. С. Тургенев, "под наблюдением комиссии профессоров и с помощью целой артели искусных итальянских формовщиков". Вокруг были устроены подмости, с которых публике разрешалось раз в неделю осматривать мраморные горельефы.

Самого Тургенева в увиденной им картине битвы богов с титанами поразила необычайная экспрессия скульптуры эпохи эллинизма по сравнению со строгостью, уравновешенностью и сдержанностью классических античных изваяний. По его словам, "все эти - то лучезарные, то грозные, живые, мертвые, торжествующие, гибнущие Фигуры, эти извивы чешуйчатых змеиных колец, эти распростертые крылья, эти орлы, эти кони, оружия, щиты, эти летучие одежды, эти пальмы и эти тела, красивейшие человеческие тела во всех положениях, смелых до невероятности, стройных до музыки, - все эти

разнообразнейшие выражения лиц, беззаветные движения членов, это торжество злости, и отчаяние, и веселость божественная, и божественная жестокость - все это небо и вся эта земля - да это мир, целый мир, перед откровением которого невольный холод восторга и страстного благоговения пробегает по всем жилам. ...Победа несомненная, окончательная - на стороне богов, на стороне света, красоты и разума; но темные, дикие земные силы сопротивляются - и бой не кончен". И. С. Тургенев выражал надежду, что когда алтарь будет собран, "...все художники, все истинные любители красоты должны

будут ходить к нему на поклонение".

Под этим впечатлением приехал И. С. Тургенев в Петербург и рассказал о Пергамском алтаре за завтраком в редакции журнала "Вестник Европы". Как вспоминал об этом известный юрист А.Ф. Кони, Тургенев "...изобразил их нам с таким увлечением, что встал со своего места и в лицах представлял каждую Фигуру". Тургеневу сразу же предложили написать об увиденном, он пообещал, но редактор журнала Н. Н. Стасюлевич выразил сомнение в том, что обещание будет выполнено, если не запереть писателя в комнате. Тогда, по рассказу Стасюлевича, "Тургенев

торжественно встал, напомнил, как в старину в сенате снимали сапоги с неблагонадежных писарей, чтобы они не убежали со службы, извинился, что подагра не позволяет ему прибегнуть к такому способу удостоверения в его благонадежности, и тут же снял с себя галстук в виде залога, заметив, что порядочному человеку без галстука нельзя уйти так же, как и без сапог, и ушел в кабинет... а через час времени он уже вынес написанный им этюд "Пергамские раскопки", напечатанный впоследствии в "Вестнике Европы".

Датирована статья самим Тургеневым - 18 марта 1880 года.

От автора

Это небольшой отрывок в пять страниц из 800-страничного романа-драмы "На крестцах" (History - драматическая хроника, роман в 16-ти действиях, 135 сценах). Отрывок из много лет писавшегося произведения...

Сцена 55 относится к длившейся 25 лет Ливонской войне, которая принесла России успех, а затем - тяжелое поражение. И только самоотверженная оборона Пскова (1582 год) спасла Россию от окончательного поражения и польской оккупации. Причем, польская оккупация означала бы расчленение России на отдельные княжества, возвращение Смоленска Литве, Новгорода и Пскова - Швеции. Воевода Иван Петрович Шуйский, возглавлявший оборону Пскова, впоследствии, при Годунове, был казнен как опасный претендент на власть.

Эта маленькая сцена - эпизод гибели Малюты Скуратова в бою под замком Пайда, относящийся к периоду русских побед в Ливонии. Период этот вскоре окончился. Россия потеряла не только Ливонию, но и часть русских земель, и русское население, приехавшее туда во времена колонизации, начали в массовом порядке изгонять.

Действие романа "На крестцах" начинается с опричного новгородского погрома, а оканчивается уже после смерти царя Ивана борьбой фаворитов за власть, фактическим воцарением Годунова при слабом царе Федоре Ивановиче и началом вольностей народных, которыми тяготелось смутное время, и которые обещали изменение политической жизни России. Но воцарение Романовых остановило этот процесс и установило военно-феодальную диктатуру на 300 лет. Результаты этой диктатуры не изжиты Россией и по сей день.

*Фридрих Горенштейн,
апрель 1997 года.*

НА КРЕСТЦАХ

роман-драма, отрывок

Фридрих Горенштейн

СЦЕНА 55

Поле под замком Пайда.

Слышна орудийная канонада и ружейная стрельба.

Царь Иван (смотрит в брахиоскоп - оптическую трубу). Успехи и цели приблизились, вся Ливония в моей власти - от Нарова до Северной Двины. Непокорны лишь Рига, Ревель да Курляндское Герцогство. Заняты крепости Вольмар, Динобург, Коккенхаузен, Венден и множество мелких замков. Победное мое шествие произвело впечатление на ливонских дворян. Много замков ныне сдалось без сопротивления. А чего ж мелкий замок Пайда, по-немецки Виссенштейн, с пригородами не сдастся?

Малюта. Государь милостивый, тут в Пайде скопилось много перебежчиков, изменников, которые не ждут от тебя добра. Также и шведский немец на помощь своих надеется.

Мстиславский. Истинно так, государь милостивый. От воеводы Шереметева получено сейчас донесение. (Читает.) "Государю Великому, царю и великому князю..."

Иван (сердито перебивает). Читай скорее.

Мстиславский (читает). "Немцы через рубеж перелезли после того, как на рубеже много с народом ссорились. И немцы, приходя, почали села жечь и детей боярских улавливать и гостей. И себе многих задержали и не отпустили, и сына боярского на кол горлом посадили."

Царь Иван. Король шведский Юхан преступил крестоцелование и перемирие порушил.

Мстиславский (читает). "Король Юхан прислал войска к Орешку, а по городу из наряда били, а ночью Петр Петров - воевода на них вылезал и многих побил, и пошли немцы от Орешка."

Иван (обрадованно). При добрых воеводах и война хороша. Надо бы отпустить об отпущении наших добрых воевод к шведскому рубежу.

Мстиславский. Уж сделано, государь. Пишет Шереметев. (Читает.) "И пошли полки к Выбору, а немцы шли от Стекольна, от короля. И встретились с немцы и побили наголову и полон взяли бесчисленно и вышли на Карельский рубеж, дал Бог, со всеми людьми."

Иван (радостно). Воеводам да ратникам за победу награду золотом выдать. Да объявить, что царь-государь Богу хвалу воздал, что милосердный Бог отомстил кровь христианскую неповинную. (Крестится.) Надо и тут скорей, в Пайде, кончать с немцами да изменниками, перебежчиками. Мстиславский, отчего мало стреляете по замку ядрами огненными?

Мстиславский. Не можем то делать, государь, пушки неподходящие. А велики пушки еще на вежи не поставлены...

Иван (гневно). Как, неподходящие? Где пушечный воевода князь Репнин?

Репнин. Тут я, государь милостивый.

Иван. Сколько у тебя пушек?

Репнин. За время нынешнего походу имею 200 пушек, а чуть ли не половина - железоконные орудия. Они не прочны. Бьют прицельно на 200 - 300 метров, да ядра надобно к калибру подгонять, и не точны они до гладкости. Особо же огненные ядра, раскаленные али обмазанные горючим составом...

Иван (гневно). Что же у нас делается, Малюта? Надобно все арсеналы проглядеть, кузнечные и литейные избы, нет ли там измены, а истинно виновных казнить. Пушечный воевода князь Репнин будет тебе в помощь, как в деле понимающий.

Малюта. Исполним, государь.

Иван. У нас тут не Польша, мы с изменами круто должны поступить. То Баторий шатко сидит на польском троне и без серьезного войска. Мы измену выведем.

Малюта. Как прежде, государь, выводили, так и ныне. Тут, в Пайде, особо много скопилось перебежчиков. Я со сторожевым полком вперед пойду, для перехвата.

Иван. Иди, Малюта, да не

шади их, слуг сатаны, иудиных потомков. Деньги иудины им дадены наперед от рубля и более. Тот, собака, давний изменник Курбский, который был принят нами в думе не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы по Ливонской войне. Также поносил нас, нашу царицу и наших детей. Сколько ж ему заплачено?

Малюта. Предательство Курбского щедро оплачено королевским золотом. Курбский выдал всех ливонских сторонников Москвы, с которыми сам прежде вел, от твоего, государь, имени переговоры и назвал имена наших московских шпигов при королевском дворе. Воеводской казны из Юрьева вывезти не успел, бежал шибко. Однако появился за границей с мешком золота. В пограничном ливонском замке Гельмей, среди гельмейских немцев, которые обыскали его, был наш шпиг. То донес! В кошельке Курбского нашли огромную сумму в иностранной монете: 30 дукатов, 300 золотых, 500 серебряных талеров

и всего 44 московских рубля.

Иван (гневно). Так оплачивается христианская кровь в иноземной монете. До конца надобно расследовать эти злодейства да прочие подобные нарушения крестоцелования!

Малюта. Уж расследуем до конца, государь милостивый. И крестное целование будет на тебе, король Юхан, и на твоих державцах также. и на твоих прислужниках изменных, и кровь старых и молодых прольется от тебя, Юхана, короля, и твоих державцев и прислужников, а не от нашего справедливого государя. (Уходит.)

Иван. Мстиславский, сколько на Пайду войска послано? Мстиславский. Пять тысяч послано войска, государь. Не хватает.

Иван (сердито). А чего не хватает?

Мстиславский. Множество оставлено гарнизонами в крепостях, в Нарове, Госпале, Лиле, Вендене, Горлдгеме, Миттау и многих других укрепленных городах у Восточного моря, также для охраны и перевоза снаряжения через реки и озера.

Иван Грозный. Гравюра неизвестного мастера 16 века (ГПБ).

Иван. При умелых воеводах войска хватает.

Мстиславский. Государь, не закончив войну с Швецией, начали мы наступление в Польской Ливонии, теперь, не окончив в Польской Ливонии, начинаем в Эстляндии. Несмотря на усилия, удалось собрать двадцать тысяч дворян и стрельцов. С такими силами, государь, нельзя осаждать Ригу, а можно лишь брать небольшие крепости и мелкие замки, потеснив ливонские гарнизоны на северо-восток от Двины. И то, государь, нынешний успех непрочен, если против Москвы станут все претенденты на ливонское наследство.

Иван (гневно). Я тебя, Мстиславский, сделал главным воеводой, так гляди мне, чтобы не стряслось как с Давлат-Гиреевым набегом, когда Москву отдал. На сей раз как бы не заплатил головой с товарищи.

Мстиславский. Мы, воеводы, государь милостивый, ради тебя да отечества живота не пожалеем.

Иван. Поменьше бы измен,

то всю Ливонию скоро возьмем. Сотворится то, весь Герман ради случая наш будет. (Слышна усиливающаяся канонада.)

Гонец (вбегает). Государь милостивый, воевода Скуратов просил передать: ертаул уж на половине горы к замку.

Иван (смотрит в оптический трубу). Хорошо идет ертаул со сторожевым малютиным полком. А крепость стоит, словно пустая, словно нет даже людей, и даже ни один человеческий голос не раздастся из нее.

Богдан Бельский. Видно, воевода немецкий в страхе сбегал в лес от нашего великого войска. (Смех.) Пока воеводу того искать будут, не перекусит ли, государь милостивый? Вот полоток гусиный, половинка копченной гусятины.

Иван (берет копченную гусятину, ест и смотрит в трубу). Немцы в страхе заперлись в замке. Велеть надобно, чтоб белый флаг вывесили, тогда, может, милостиво прощу. (Жует гусятину.)

Сафоний (диктует подьячим). “Рано, после Божественной службы, поднялись войска со своим благочестивым царем из стана и, развернув хоругви христианские, стройно и благочинно пошли на вражескую крепость.

Бельский. Государь милостивый, вот вино - двойное али боярское. Какое изволите?

Иван. Давай двойное, покрепче. (Берет у Бельского чашу, пьет.) В Польше у Батория королевская власть в жалком положении, денежные дела в расстройстве, буйное шляхетство диктует королю условия. Я, царь Иван, знаю то. (Бельский наливает новую чашку - царь пьет.) Бельский, ты переймешь у Афанасия Нагого иные дела по посольскому приказу. Ты племянник Малюты, тебе я верю.

Бельский. Низко челом бью, государь, за милость твою. А милость твою оправдаю.

Иван. Напишешь Баторию: наших великих государей вольное царское самодержавство не как ваше убогое королевство. Что ты, если посаженный государь, а не вотчинный. Как тебе захотели паны, так тебе жалованье государево дали. Я, царь Иван Васильевич, полон пренебрежения к вьборной королевской власти, польской и шведской. (Бельский наливает, царь пьет.) Баторий шатко сидит на польском троне. Я продиктую ему условия мира. Ввиду того, прикажу отпустить на родину польских пленнх. И чтоб перед отъездом самые знатные были приглашены ко мне на царский пир и щедро одарены шубами и кубками. (Смотрит в трубу.) Немцы знамя вывесили на высокую башню. Сдаются уж.

Мстиславский (смотрит в трубу). Нет, государь, то не белое знамя, а шведское королевское. (Сильная канонада.)

Иван (гневно). Перебежчики, изменники видно наговорили немцам про свирепость московских людей, потому стреляют в нас. Зато я, царь, приказываю взять замок приступом и осуждаю на избиение всех жителей Пайды с пригородами. Поляков же одарю милостию, тем внесу раскол меж польским и шведским королями. Через пленнх передать Баторию, чтоб король посольство свое прислал, и дался б король на мою государеву волю во всем, да про то велеть им сказать королю, какова моя государева рука высокая. Ты, Бельский, племянник Малютин, тем займешься. Не век тебе лишь кравчим быть.

Бельский. С превеликой радостью, милостивый государь. (Слышен сильный взрыв.)

Иван. Что-то стряслось.

Мстиславский. Государь, замок взорвался.

Второй гонец (вбегает). Государь великий, все сидевшие в замке не видели возможности устоять против русских и сами взорвали себя на воздух.

Иван (гневно). То наказание Господне. Бог сие совершил всего нашего воинства страданиями и молитвою. Наградить наше воинство и, прежде всего, воеводу Григория Лукьяновича Скуратова за великий подвиг.

Второй гонец. Государь великий, воевода Григорий Скуратов при взятии замка Пайда убит наповал шведской пулей. (Воины вносят мертвого Малюту.)

Бельский. Дядюшко! (Падает перед мертвым на колени, плачет.)

Иван (с печалью). Прощай, Малюта. Ты был верный пес господина. Тобой окончилась дружина моя, которая славу мне, царю, добывала, а от иных были ненавидимы. Угождали во всем мне, царю, так что их грех на мне. Прости меня, господи. (Крестится. Все крестятся.) Ты, Малюта, запомнишься палачом кровавым, мне же был крестным братом. Тем служил царю и имел звание моего слуги. Царем же слуга зовется по Божьей милости и царство ему дается по Божьей воле. Из того следует, что и Богу ты служил по-своему. И Бог тебя за грехи простит. (Крестится. Все крестятся.) Мы ж возвеличим Господа и

прославим Мать Его за то, что избавил Господь меня, царя, и раба моего Малюту Скуратова и все наше воинство от латынского и лютеранского этого мучения. Аминь. **Архиепископ Леонид.** В сием темном месте, в запустении, мерзости, свету твоему истинному возвыситься против скверного Лютера и его приспешников. Аминь. (Все молятся.)

Крики воинов. Слава государю! Слава!

Иван. Ратники мои! Народ православный! И вас милостью своею посетил Бог! Не отринул вас от православной веры, и подобает вам прославлять Троицу Святую - Отца, Сына и Святаго духа. Моим повелением, а вашим делом взята в большинстве своем Ливония. Все, что я совершил Божьим повелением, а не своим желанием. Если Бог с нами, кто против нас?

Крики воинов. Слава! Слава! Слава государю!

Сафоний (диктует подьячему). И воскликнули все люди единогласно, будто одними устами говорили: “О по Божьей мудрости, владыке, многие лета, государю, нашему царю, Ивану Васильевичу”.

Иван. За верность одариваю я, царь, за измену - казнию. Царское устройство не отдается назад. Остаются они с Малютою. Отныне ты, Богдан Яковлевич Бельский, племянник Малютин, вместе с зятем Малютиным Годуновым будете царю первыми любимцами, и спать будете в моей опочивальне.

Бельский. Верой и правдой служить тебе буду, как служил родимый мой дядюшка. (Низко кланяется и целует царю руку.)

Иван. А сейчас очистить едину улицу, мертвых понести от главных ворот, чтоб мне въехать в город Пайду. Рядом со мной будет ехать Богдан Яковлевич Бельский.

Крики. Многие лета царю благочестивому и победителю варварскому!

Крики воинов. Слава! Слава!

Бельский. Ратники! Надо бы вычистить город от множества трупия мертвых, чтоб государь въехал. (Уходит, распоряжаясь.)

Иван. Выбрал я, царь и князь, воевод. Кого мне оставить после себя в Ливонии? Большому боярину и воеводе Мстиславскому царевым моим местом в Ливонии управлять велю. Так и Шереметеву и Шуйскому.

Мстиславский. Исполним, государь милостивый.

Иван. Я с Богданом Бельским пойду к Москве. Оттуда в Слободу. Сам пойду Двиной на судах. А конно не пойду берегом. На берегу Двины смердеж трупный.

Архиепископ Леонид. Умножи все, милосердный Бог лет живота его государева, что избавил нас от таковых змий ядовитых. От них же, злых, сколько лет православные страдали.

Иван. За страдания наши православные наказать их, змей, сурово избиением. Ратным людям по моему царскому приказанию изнасиловать всех женщин и девиц. Так отомстим за христианскую кровь. Я же ныне пойду в походную полотняную церковь памяти особо почитаемых в Москве святых: Михаила Архангела, Сергия Радонежского и Святой Екатерины молиться прилежно победе своего воинства об избавления от варварского нахождения. Ливонские магистры, князья и все ливонские люди много лет через наше жалование нам изменяли и христианство расхищали и многие города и села, Богом дарованные нам, нашей Руси - державы поплняли, и в тех городах церквам святым было разорение, и не имеющее числа крови христианской пролилось, и в плен расхищены и рассеяны по лицу всей земли, греха ради наших. Наипаче моих согрешений. Ныне же пришло им возмездие Божие, а мне Божье прощение. (Крестится и уходит.)

(Занавес.)

ОТ РЕДАКЦИИ
Зеркало Загадок

В статье "Русская литература и свобода", опубликованной в № 3-4 "33", Ефим Эткинд писал: "Одна за другой погибают серии, которые были гордостью российской культуры... не имеющей равных "Библиотеке поэта" за несколько лет удалось выпустить в свет один лишь том..."

Осенью прошлого года главным редактором "Библиотеки поэта", основанной М. Горьким, стал замечательный петербургский поэт Александр Кушнер, и мы надеемся, что ему удастся возродить эту уникальную серию.

Несмотря на то, что в советское время имя Александра Кушнера неизменно замалчивалось критикой, он хорошо известен российскому читателю. Стихи Александра Кушнера, которые мы предлагаем вниманию читателей, публикуются впервые. Более того, публикуемые нами стихотворения поэт написал во время знакомства с нашим журналом. Потому редакция принимает их как посвящение "Зеркалу Загадок" и сердечно благодарит автора.

Александр Кушнер
рожден в 1936 году в Ленинграде.
Автор десяти поэтических книг
(первое издание "1962"; "Когда господ" 1966,
"Приметы" 1969, "Воск" 1974,
"Травянистый сад" 1984,
"На сульфатной выезде" 1994 и др.)
Живет в Петербурге.

"И с первых слов влюбляюсь..."

Александр Кушнер

новые стихи

И с первых слов влюбляюсь, и помедля,
И сад был рай, и двор, и подворотня,
А что такое платье для коктейля,
Не знали мы, (не знаем и сегодня),
Зато делился мир на тех, кто любит
И кто не любит, скажем, Пастернака,
А с Пастернаком купы были вкупе
И карий стриж, и старая коряга.

И проходила по столу граница,
Можно сказать, по складке и солонке,
И торопился кто-то расплатиться
Скорей, уйти, черт с вами, вы, подонки!
Теперь не так, не лучше и не хуже,
А по-другому. Так, как всюду в мире.
Учтивей споры, и доеден ужин,
Скучнее жизнь, но взгляды стали шире.

* * *

Мне нравятся чужие мерседесы,
Я, проходя, люблюсь их сверканьем.
А то, что в них сидят головорезы,
Так ведь всегда проблемы с мирозданьем
Есть, и не те, так эти неудобства.
Пожалуй, я предпочитаю эти.
Пусть взрослые в него играют, дети!
Разбогатеть - приятное мечтанье.
Уж я бы знал, на что потратить деньги.
Мыс Спина Лонга, моря полыханье,
В траве - крито-микенские ступеньки,
Их никуда любил бы не ведущих
И ящериц пугливо-плосколицых.
Но я могу представить это лучше,
Чем въяви, и не страшно разориться.

* * *

И тишина сочинена Шопеном,
 Как самое трагическое из
 Его произведений в мире бренном:
 Не вальс, не вздох, не полька, не каприз,
 Не горькая улыбка, не мазурка;
 Не правда ли, осмысленнее всех -
 Ее момент, способный даже турка
 Обворожить: жестокость - это грех.

Что женщина тогда ему сказала
 В мужском костюме, с именем мужским,
 Что он расслышал грозные начала,
 Для коих вечность - только псевдоним,
 Смешной и приблизительный, которым
 Мы накрываем, - так удобней нам, -
 Ночной сквозняк, гуляющий по шторам,
 И плеск листвы, с обидой пополам?

* * *

Верный признак удавшейся жизни -
 Пробуждение с радостью, к снам
 Отвращение: сны каменистей
 Горной осыпи: тянешься там -
 Дотянуться не можешь до прочной
 Почвы, мысли, желанья, куста -
 Все какой-то сыпучий, проточный,
 Скользящий оползень, пыль да беда.

Хорошо поскорее проснуться,
 Окунуться в дневную среду -
 Верный признак, что нет революций
 И несчастий, - вернуться к труду
 Дорогому, без слез и надрыва,
 Тверже камешка в речке Апсны...
 Это, можно сказать, справедливо:
 В горе снятся счастливые сны.

Санкт-Петербург, 1996

"Классическое вино"

филологические эзерсисы

М. Полянская, И. Полянский
 Издательство "АРСИС"

неклассические толкования
 произведений русской классики

"Классическое вино" вы можете приобрести
 в магазинах русской книги и в редакции "ЭЗ".
 Тел. 441 03 48, 441 03 59

"Но что я потерял в глухой Москве?"

Александр Лайко

новые стихи

Все впопыхах - в метро да из метро,
 Универсам, троллейбус, ночь и снова
 Метро, метро - и вдруг шагнуть в ретро,
 Упасть в пролетку - вывози, подкова!

С едва знакомой дамой пью ситро.
 - Я влюблена в Бердслея! Это ново!
 Над шляпою колышется перо...
 Как выйду с ней на "Площади Свердлова"?

Но что я потерял в глухой Москве?
 - Эй, кучер, поспешай, там, на Неве,
 Мое, сожженное дотла гнездо...
 Вы этого, мадам, еще не испытали.
 "Поедем в Царское Село!" и до
 "Я вас любил, любовь..." и дале, дале...

Берлин, 1995

Такой сухой невзрачный старичок,
 Еще очки прилаживал он странно,
 Ловил руками снег и видел - манна
 Дар избранным, но одаритель - Бог.

До умопомрачения скачок!
 Но критика его полотен бранна,
 Хотя столб света в Лондоне тумана
 Даст барбизонцам цветовой толчок.

А позже - Арль и красный виноград,
 Со сна Прованса посредине лета -
 Тому два века, почитай, назад
 Все это и провидел старикан...
 И он всегда, пока скрипит планета,
 На каждый праздник света будет дан.

Берлин, 1997

Об авторстве "Тихого Дона"

ЧАСТЬ 1

Любовь Аксенова

Евгений Вертель

СПОРЫ ДАВНИХ ЛЕТ

Роман "Тихий Дон" сразу же после публикации был признан шедевром мирового уровня, а его автор зачислен в классики русской литературы. Впоследствии он свыше тридцати раз переиздавался в России, был переведен на многие языки и издан во всех крупнейших странах мира. В Германии в переводе на немецкий язык "Тихий Дон" был впервые напечатан в 1929 году.

(Первая публикация романа "Тихий Дон" растянулась более, чем на 10 лет. Она началась в 1928 году, а закончилась лишь в 1940-ом. Первые три книги романа были напечатаны в журнале "Октябрь", а четвертая - в "Новом мире". Все вместе они впервые вышли в Гослитиздате в 1941 году. Автором "Тихого Дона" был назван 23-летний писатель Михаил Александрович Шолохов, опубликовавший к тому времени около 30 рассказов и две повести: "Батраки" и "Путь-дороженька".)

В 1965 году М. Шолохову была присуждена Нобелевская премия по литературе. В СССР и за рубежом проходили конференции и симпозиумы, посвященные Шолохову, о нем написано множество литературоведческих работ.

(Три международных симпозиума были организованы в Лейпциге: в 1965 году - под названием "Scholochov und wir", в 1975 году - "Werk und Wirkung M. Scholochows in weltliterarischen Prozess" и в 1985 году - "Erbeverhältnis und Traditionsbildung in sozialistischen Literaturen". В 1980 году в Москве работала научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения писателя, материалы этой конференции под названием "Великий художник современности" опубликованы в 1983 году.)

Эти исследования составляли официальную, или надводную, часть айсберга, связанного с именем Шолохова. Но существовала и вторая часть - подводная.

Сразу же после публикации первых двух книг романа в журнале "Жизнь искусства" в 1924-м году было отмечено, что роман Шолохова "отчасти вырос из новелл и очерков... Ф. Крюкова". Тогда же поделился своими сомнениями и известный в 20-е годы писатель Ф. Березовский, считавший, что 23-летний продработорник из станицы Вешенской, не имевший достаточного опыта и образования, не мог написать "Тихий Дон".

С весны 1929 года ползли слухи о том, что автором "Тихого Дона" является убитый в годы Гражданской войны белый офицер, из полевой сумки которого Шолохов якобы извлек рукопись и выдал ее за свою. Ответом на это обвинение было письмо А. Серафимовича, Л. Авербаха, А. Фадеева, В. Киришона и В. Ставского, опубликованное в Правде за 29 марта 1929 года. В этом письме слухи о

плагиате были объявлены клеветой, а каждому, кто был намерен заниматься публичным обсуждением проблемы, угрожали "привлечением к судебной ответственности".

В 1930 году вспомнили, что в 1917 году литератор С. Голоушев, печатавшийся под псевдонимом Глаголь, написал статью "С Тихого Дона". Л. Андреев отозвался ее публиковать из-за малой художественности (он написал Голоушеву: "...забраковал... твой "Тихий Дон". Несмотря на это, статья вышла в "Народном вестнике" за 24 и 28 сентября 1917 года). Впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы Шолоховский роман начали приписывать Голоушеву. Эти слухи переплетались с разговорами о том, что автором "Тихого Дона" является донской писатель Ф. Крюков, архив которого после его смерти попал в руки Шолохова.

По поводу архива Крюкова существует несколько версий. Так, А. Солженицын, И. Томашевская и Р. Медведев считают, что в 1920 году архив Крюкова попал к Петру Лукичу Громославскому, который в 1925 году, став тестем Шолохова, якобы ознакомил его с рукописями Крюкова. Рой Медведев упоминает об этой возможности, указывая, что, по словам писателя Дмитрия Петрова-Бирюка, в ростовские газеты в 1937-1938 годах, поступило несколько писем от донских казаков, писавших, что Громославский завладел рукописями Крюкова и передал их Шолохову. Говорит Медведев и о второй возможности: о получении

Шолоховым рукописей Крюкова от Демьяна Бедного (через А. Серафимовича), которому сестра Крюкова, по словам поэта Дмитрия Морского, принесла чемодан с какими-то бумагами, имеющими отношение к казакам.

М. Мезенцев сообщает, что у Крюкова было два архива: один хранился в станице Глазуновской, второй - в Петербурге, в доме его земляка Н. Асеева. Второй архив, относящийся к 90-м годам 19 века, жена Асеева в начале 70-х годов нашего века частично передала в Ленинскую библиотеку в Москве, судьба первого архива неизвестна. Можно предположить, что в нем были и бумаги, собранные Крюковым в 1917-1920 годах. (Черновики 30 рассказов и очерков, опубликованных с 1917 по 1920 год, неопубликованные произведения Крюкова и другие матери-

риалы). Предположение о передаче этого архива Шолохову основано на том, что Громославский присутствовал при кончине Крюкова, умершего от тифа (или пневмонии) 20 февраля 1920 года во время отступления Донской армии и похоронил его вблизи станицы Новокорсунской.

Судьба архива Шолохова стала темой различных легенд. Например, по сообщению самого писателя и его родственников известно, что когда немцы подошли к Дону, архив был сдан на хранение в НКВД и погиб в результате бомбежки. Медведев, напротив, говорит о том, что в КГБ, в ЦК КПСС и в секретной части архива Союза советских писателей имелось "дело Шолохова". В то же время, историк и литературовед С. Семанов, имевший, по его собственным словам, многочисленные беседы с Шолоховым в станице Вешенской в 1977-1981 годах, эту версию по каким-то мотивам отрицает.

Что же касается Крюкова, из воспоминаний современников известно, что в 1915-1920 годах писатель в самом деле работал над романом о казачьей жизни. Так, сестра Крюкова писала, что Федя страшно занят, пишет книгу, и она отвечает вместо него на письма. В письмах корреспондентов Крюкова описаны различные факты и события, представленные и в "Тихом Доне". Среди них - история о том, как Аксиныя была изнасилована своим отцом и затем выдана замуж, описание того, как Петр избивал жену сапогами, и т.п. А казак Шкуратов, друживший с сестрой Крюкова Марией, вспоминал, что в номере Усть-Медведицкой газеты "Сполох" он видел даже

Михаил Шолохов

интервью Крюкова, в котором писатель сообщал об окончании работы над первой книгой романа "Тихий Дон". Впрочем, найти эти номера "Сподоха" никому до сих пор не удалось. Ссылаясь на Проскурина, профессор Ермолаев говорит о ненадежности Шкуратова как свидетеля. Ермолаев указывает также на воспоминания П. Маргушина, работавшего вместе с Крюковым в "Донских ведомостях", о том, что Крюков имел планы написать роман о вторжении большевиков на Дон. (В связи с этим отметим, что редактором "Донских ведомостей" Крюков стал с апреля 1919 года.)

Этому свидетельству противоречит, однако, мнение В. Моложавенко, который считает, что Крюков начал писать свой роман до мировой войны (по утверждению А. Зайца - с 1912 года, по версии Б. Двинянинова - с 1917-1918 годов). Таким образом, к моменту работы в "Донских ведомостях" у Крюкова должны были бы быть не планы романа, но уже значительная часть текста, чего не учитывает и Медведев, выдвигая свою версию.

Итак, достоверно не известно ни то, что Крюков написал роман из казачьей жизни, ни то, что его архив достался Шолохову, ни даже то, что Шолохов читал его роман или вообще был знаком с его произведениями при написании "Тихого Дона". В декабре 1964 года Шолохов, отвечая на письмо журналиста В. Проскурина, в котором тот спрашивал, читал ли он Крюкова, написал: "Не читал". А позднее писатель заявил: "Скучнейший литератор. Я о нем ничего и не знал, когда писал "Тихий Дон". Правда это или нет, судить сегодня трудно. Но даже если Шолохов и читал Крюкова в 20-е годы, 40 лет спустя он мог об этом забыть. И даже если Шолохов в самом деле обрабатывал материалы Крюкова, это еще не означает, что "Тихий Дон" написан не им, а Крюковым. Другими словами, свидетельства очевидцев, слухи и легенды об авторах "Тихого Дона", к сожалению, нельзя признать надежным материалом для определения его авторства.

Упомянутое выше письмо в "Правде" оказалось достаточно сильным средством для того, чтобы на официальном уровне вопрос об авторстве "Тихого Дона" более не обсуждался. С тех пор никакие слухи не попадали в печать, и шолоховедение жило спокойно.

"ХОЛОДНАЯ ВОЙНА" ЗА "ТИХИЙ ДОН"

Скандал разразился лишь в 1974 году, то есть 45 лет спустя, когда в сентябре 1974 года в Париже в издательстве Ymca Press была анонимно опубликована книга "Стремя "Тихого Дона" (Загадки романа)" Ирины Николаевны Томашевской. Ее имя было скрыто под литерой Д*. Предисловие к исследованию написал Солженицын. Уже через месяц это предисловие вышло в "Times Literary Supplement", в сентябре-октябре 1974 года были опубликованы в эмигрантской прессе письма и эссе Г. Струве и М. Слоним. В 1975 году в переводе на французский язык была напечатана книга советского историка Р. Медведева "Qui a écrit "Le Don paisible" (по-русски она озаглавлена: "Загадки творческой биографии Михаила Шолохова"), переизданная в 1977 году в Кембридже. В 1974 году в дискуссии вступил профессор Принстонского университета Ермолаев: в "Slavic and East European Journal" была опубликована его рецензия на "Стремя "Тихого Дона" и предисловие Солженицына, затем появился и его отклик на книгу Медведева "Кто написал "Тихий Дон"?"

Основную идею "Стремени "Тихого Дона" можно сформулировать одной фразой: наиболее блистательная часть "Тихого Дона" (его первая книга и, более точно, части первая, вторая и третья) создана не Шолоховым, а, вероятно, малоизвестным донским писателем Крюковым; Шолохову здесь принадлежит только около пяти процентов текста; в третьей и четвертой книгах Шолохов написал около трети текста. Вся восьмая часть сделана им одним. Тезис Солженицына формулируется так: "... не могу абсолютно уверенно исключить, что - был, жил, никогда публично не проявленный, оставшийся всем не известен, в Гражданскую войну расцветший и вослед за ней погибший,

еще один донской литературный гений: 1920-1922 годы были годами сплошного уничтожения воевавших по ту сторону".

И Солженицын, и Томашевская считают молодого Шолохова бездарным писателем, укравшим у талантливого автора его произведение и переработавшим, а затем дописавшим его. Для доказательства своей точки зрения Томашевская приводит большой фактологический материал, препарированный в соответствии с ее восприятием "Тихого Дона".

Более острожно после полемики с Ермолаевым определяет роль Шолохова Медведев. Он пишет, что большая часть первой книги и некоторая часть второй и третьей книг "Тихого Дона" созданы не Шолоховым. Медведев признает, однако, правоту Ермолаева, который подробно и на многих примерах доказывает недостаточное знакомство Томашевской с историей Верхне-Донского восстания и Гражданской войны на Дону, а также с географией Донского края и неточное знание текста "Тихого Дона". Надо сказать, Ермолаеву удалось опровергнуть практически все аргументы, выдвигавшиеся Солженицыным, Томашевской и Медведевым против Шолохова как автора "Тихого Дона". В своих выступлениях в печати он указал ряд параметров, относящихся к художественным особенностям, языку и стилю Шолохова, а также к его философским и творческим взглядам, анализ которых исключает возможность признания Крюкова автором "Тихого Дона" и почти не оставляет сомнения в том, что "Тихий Дон" мог быть написан Шолоховым без каких-либо соавторов, от начала и до конца.

В итоге коротко приведенной нами дискуссии доводы "за" и "против" Шолохова как автора "Тихого Дона" оказались примерно равными. Психологически, конечно же, перевешивали авторитет Солженицына и неприязнь к Шолохову из-за его реакционных заявлений в последние годы жизни. Однако невозможно было не признать, что в научном отношении аргументация Ермолаева выглядела более обоснованной, чем выступления его оппонентов. Спор постепенно изживал себя, и необходим был или новый подход, или новый фактический материал (например, неожиданно найденные архивные документы), чтобы костер разгорелся снова.

Новый подход не заставил себя долго ждать. В 1976 году появилась статья Г. Хьетсо "Storms on the Quiet Don". В этой работе Г. Хьетсо сообщил о привлечении компьютеров к решению вопроса о том, кто является автором "Тихого Дона", и о результатах компьютерного исследования: "Вероятность написания "Тихого Дона" Шолоховым равна приблизительно 90%".

Статья произвела эффект шоковой терапии. Все с нетерпением ждали выхода книги, описывающей результаты компьютерного анализа. Книга появилась в Осло в 1984 году, и немедленно, причем с двух противоположных сторон, на нее были написаны рецензии - Солженицына в "Вестнике русского христианского движения" и Ермолаева в "Russian Language Journal". И вот, что знаменательно, обе рецензии принимают за неопровержимую истину сообщение скандинавских ученых о возможности компьютерного решения проблемы - факт весьма характерный для нашего времени. Впрочем, Солженицын с присущим ему блеском и остроумием негодует все же против того, что в дело вмешались компьютеры, а Ермолаев с удовлетворением констатирует, что и компьютеры могут оказаться полезными.

В 1989 году работа скандинавских ученых была издана в переводе на русский язык и сразу же получила широкий резонанс. К этому времени журнал Института Мировой литературы АН СССР и Союза советских писателей Вопросы литературы организовал в № 8 за 1989 год дискуссионную трибуну под названием "Тихий Дон": загадки мнимые и реальные". В этом номере были опубликованы фрагменты из книги Р. Медведева, названной в русском варианте "Загадки творческой биографии М. Шолохова", статья Г. Ермолаева "О книге Р. Медведева "Кто написал "Тихий Дон"?", ответ Медведева

Ермолаеву “Загадок становится все больше” и статья С. Семанова “Остановимся и поразмыслим”. В 1990-1992 годах прошло целых девять передач по Санкт-Петербургскому телевидению, посвященных авторству “Тихого Дона”, в октябре 1990 года телепередача на ту же тему состоялась в Москве. Вопрос об авторстве “Тихого Дона” стал поводом для более общей дискуссии: есть ли суд выше компьютеров?

В 1991 году журнал “Вопросы литературы” снова открыл дискуссионную трибуну под названием: “Шолоховский вопрос: продолжение разговора” и посвятив значительную часть 2-го номера публикации четырех работ: статей М. Мезенцева “Судьба романа”, Ф. Бирюкова “Федор Крюков и Михаил Шолохов”, письма Г. Ермолаева “Ответ Р. Медведеву”, и нашего письма скандинавским ученым, содержащего критику результатов компьютерного анализа “Тихого Дона”. Кроме того, в 1990-1991 годах в “Вопросах литературы” публиковалось еще множество статей и воспоминаний о Шолохове. В журнале “Молодая гвардия” - появилась работа В. Васильева, а в журнале “Москва” - статья Л. Колодного. В этот период в России вышло такое множество работ об авторстве “Тихого Дона”, что одно только их перечисление могло бы сравняться по объему с размерами настоящей статьи.

Подводя итоги истории вопроса, отметим, что на сегодняшний день есть несколько проблем (или загадок, по терминологии Медведева), связанных с творчеством Шолохова и созданием “Тихого Дона”. Для решения этих загадок выдвинуты две взаимоисключающие друг друга гипотезы. Гипотеза первая: автором “Тихого Дона” (единственным и неоспоримым) является Шолохов. Гипотеза вторая: у “Тихого Дона” было два автора, и Шолохов выступает только как соавтор или редактор талантливого создателя эпопеи.

Сторонниками первой гипотезы являются все представители традиционного советского шолоховедения, а также профессор Ермолаев (Принстон, США), советские писатели А. Серафимович, А. Фадеев, В. Тендряков и многие другие. Вторая гипотеза развивается в работах И. Томашевской, А. Солженицына, Р. Медведева, З. бар Селлы и других.

Проблема соотношения автора и соавтора рассматривается оппонентами по-разному. Представлена вся палитра: от утверждения З. бар Селлы и М. Каганской о том, что Шолохов был компилятором и составителем текста “Тихого Дона” из дневников и набросков его подлинного автора, до мнения о том, что Шолохов, творчески обрабатывая и используя различные материалы в качестве исторической канвы, написал “Тихий Дон” самостоятельно от начала и до конца. Различные версии высказываются и в отношении предполагаемого соавтора Шолохова. Чаще всего подлинным автором “Тихого Дона” называют донского писателя Крюкова. Иногда всплывают и другие имена: “белого офицера”, литератора С. Голоушева, печатавшегося под псевдонимом Глаголь, донского “литературного гения” П. Громославского, тестя Шолохова, и т.д.

“ТИХИЙ ДОН” МЕЖДУ БЕЛЫМИ И КРАСНЫМИ

Анализируя аргументы и контраргументы сторонников и противников Шолохова, необходимо, как нам кажется, прежде всего выяснить, почему возникла сама проблема и почему она остается актуальной (неразрешенной) уже почти шестьдесят пять лет. Наиболее важными нам представляются два объективных фактора.

Рассмотрим первый из них - сложность политической обстановки в России после революции 1917 года, раскол российского общества на два лагеря - сначала на белых и красных, затем - на противников советского режима и его сторонников. Представители обоих лагерей в 20-е годы применяли в борьбе со своими врагами любые доступные им средства: физическое и моральное уничтожение, изгнание из страны, угрозы, исполь-

зование без согласия автора его произведения, клевету на автора при жизни и после его смерти и т.п.

Этот фактор дает себя знать в отношении “Тихого Дона” с момента его появления и до наших дней. Достаточно вспомнить, как Н. Островский советовал Шолохову: “Пусть вырастут и завладеют нашими сердцами казаки-большевики”. РАППовцы готовы были уничтожить писателя за то, что он “заменяет классовое общество человеческим”, и за то, что у него “биологизм берет верх над классовым”, а наши современники - демократы 90-х годов - за то, что он улизел комизм “в развале и разгроме родины, крови и слезах миллионов, надвигающихся новых страданиях и жертвах” (А. Г. Макаров, С. Э. Макарова. Цветок-татарник. К истории “Тихого Дона”).

Как видим, недовольны и те и другие, и белые и красные, и сторонники режима и его противники. Для экстремистов из обоих лагерей в “Тихом Доне” лилось недостаточно крови их противников. Фактически история с авторством “Тихого Дона” - это борьба за него представителей обоих лагерей: и тем и другим хотелось считать “Тихий Дон” “своим”. Поэтому одни доказывали, что и “Тихий Дон”, и сам Шолохов “их”, другие - что только часть “Тихого Дона” “их”, а все остальное, вместе с Шолоховым, - “вражеское”.

Если добавить, что в этой обстановке всеобщей борьбы, вражды всех со всеми, жил и работал сам Шолохов, то есть, что он жил в эпоху, когда и меньшие “идеологические преступления”, чем “замена классового общечеловеческим”, карались ссылками и расстрелами, не трудно понять, при каких обстоятельствах создавалось, печаталось и обсуждалось это произведение, и сколько различных исправлений могло быть внесено автором, редактором, рецензентом и еще неизвестно кем в его замысел, текст и окончательную редакцию, знакомую читателям. Не говорим уж о том, что взгляды писателя могли меняться, и весьма существенно, ибо, когда Шолохов начал работать над “Тихим Доном”, ему было чуть более двадцати, а когда опубликовал его в виде единой книги, ему исполнилось тридцать шесть.

Указанный объективный фактор, как мы считаем, предопределяет возможность того, чтобы “Тихий Дон”, кем бы он ни был написан в 20-е годы нашего столетия, оказался средоточием взаимоисключающих материалов, пластов, наслоений, тенденций, взглядов (не только героев, но и автора), сцен, редакций и оценок. Нам кажется совершенно закономерным, что “Тихий Дон” вызывает споры, поскольку нет сомнений, что он написан талантливым художником, отразившим свое время - время раскола и противостояния не только внутри российского общества, но и в душе каждого россиянина.

То, что “Тихий Дон” является многоплановым и внутренне противоречивым произведением, отмечается практически всеми исследователями. Однако трактуется этот факт по-разному. Одни исследователи стараются описать соотношение пластов “Тихого Дона” как закономерное для произведений такого типа явление, другие используют неомогенность “Тихого Дона” как аргумент против авторства Шолохова (логика их рассуждений такова: автор художественного произведения должен мыслить одинаково на протяжении всего романа, в одном и том же авторе не могут совмещаться два разных человека, имеющих разные взгляды на жизнь и на творчество; если удастся заметить “нестыковку” авторских взглядов и приемов, значит, роман создавался несколькими авторами).

Возможно, так оно и бывает, когда речь идет об иных исторических периодах. Но для времени Шолохова объективный фактор (раскол России на два лагеря и, как следствие - раздвоение человеческой личности) представляется самым важным при рассмотрении истории создания “Тихого Дона”.

Продолжение следует.

УЛЫБКА ГЕЙНЕ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

“РУССКИЙ” И “СОВЕТСКИЙ”

Владимир Шубин

Научный директор
Музея Анны Ахматовой
в Фонтанном Доме,
гл. редактор журнала “АРС”,
С.-Петербург.

К 200-летию поэта

Лютеру во время перевода Библии привиделся дьявол. Лютер запустил в него чернильницей, в крепости Вартбург и сейчас еще можно увидеть на стене коричневое чернильное пятно... В данном случае дьявол - воплощение дьявольской трудности, которая возникла перед Лютером-переводчиком и которую испытывает, должно быть, каждый из нас. Как преодолеть языковой барьер? Как истолковать подлинник по своему разумению, оставаясь, однако, исполнителем авторской воли? Как сделать перевод явлением своей литературы, своего языка, сохраняя при этом, как того требовал Вильгельм Гумбольдт, едва заметный оттенок чужого?

Лев Гинзбург

“Разбилось лишь сердце мое...”

“На кострах гитлеровской Германии 1933 года, - пишет автор фундаментального исследования по истории русской гейнеаны Я. И. Гордон, - вместе с книгами Маркса и Энгельса горели страницы бессмертной “Книги песен” Гейне - сборника проникновенных стихотворений о любви, воодушевивших композиторов мира на создание нескольких тысяч романсов. Исчезали в пламени и главы “Зимней сказки”, блистательной сатиры на старую, косную Германию, которая руками своих националистических потомков мстила теперь поэту.

А мы, студенты Киевского университета, читали взалех Гейне и гордились тем, что в России он навеки принят молодежью, писателями - цветом нашей литературы ... В Германии уже не было памятника Гейне, баллада о золотоволосой русалке Лорелее была объявлена стихотворением “неизвестного поэта”. А в Советской России - в огне гражданской войны - был установлен памятник Гейне”.

Спасая свою революцию, большевики использовали не только военные и карательные меры. 12 апреля Совет Народных Комиссаров принял декрет “О памятниках Республики”, предусматривающий ликвидацию памятников, “воздвигнутых в честь царей и их слуг” и создание новых монументов, “долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции”. 30 июля при рассмотрении списка лиц, которым предполагалось создать памятники, было принято решение внести в него и “наиболее великих иностранцев, например Гейне”.

Утренний выпуск “Красной газеты” от 16 ноября 1918 года общал:

“В воскресенье, 17 ноября, состоится торжественное открытие двух памятников: в 12 ч. дня на Сенатской площади будет открыт памятник Н. Г. Чернышевскому работы скульптора Т. Залькална, а в 1 ч. дня, против главного подъезда первого петроградского университета - памятник великому немецкому поэту Генриху Гейне работы скульптора В. А. Синайского.

С речами выступят: тов. Г. Зиновьев и народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский... Красный флот и Красная армия благоволят прислать почетные караулы при знаменах и оркестрах музыки”.

В назначенный час к зданию университета прибыли караулы Первого железнодорожного революционного полка и корабля “Гангут”, и памятник поэту, провозглашенному ныне одним из “великих борцов за социальное переустройство общества” был открыт под звуки военного оркестра. (Памятники 1918 года были недолговечны. Их сооружали из гипса, цемента или дерева. Недолго простоял у здания университета и памятник Генриху Гейне.)

План “монументальной пропаганды” Ленина олицетворял стремление победившей идеологии пересмотреть прошлое. Ревизии подлежала и вся предшествовавшая история “русского Гейне”.

Первая страница русской гейнеаны была заполнена в Мюнхене в 1820-х годах молодым дипломатом Федором Тютчевым. Он перевел для своих соотечественников стихотворение Гейне “Ein Fichtenbaum steht einsam” - “На Севере мрачном, на дикой скале Кедр одинокий, подымаясь, белеет...”. Под заглавием “С чужой стороны” оно появилось в московском альманахе “Северная лира на 1827 год”.

Несколько лет спустя вольный перевод того же стихотворения сделал Лермонтов: “На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна...”. Позднее к тому же произведению Гейне обращались Майков, Фет, Михайлов, который переводил Гейне даже на каторге, и другие поэты-переводчики. Откликнулись на него и русские композиторы. Только на лермонтовское переложение было написано несколько десятков романсов и песен.

Столь же необычно складывалась в русской культуре судьба и многих других его произведений. Во второй половине 19-го века появилось множество стихотворных и прозаических переводов. Гейне цитировали, ему подражали в стихах и прозе. По неполным данным, до 1917 года русскими композиторами было создано около четырехсот музыкальных произведений на его стихи.

Через неделю после открытия памятника Александр Блок принял на себя обязанности редактора собрания сочинений Гейне, задуманного в только что организованном А. М. Горьким издательстве “Всемирная литература”. Блока образ Гейне преследовал неотступно: “Жар. Много Гейне”; “Ночью пробую переводить Гейне”, “Весь день - Гейне...”. В 1920-е годы и в следующем десятилетии к наследию Гейне обращались также Вильгельм Левик, Лев Пеньковский, Александр Дейч, Вильгельм Зоргенфрей, Михаил Лозинский и другие переводчики. Яркие

Юрий Тютчев, 1941 год.

страницы в историю "советского Гейне" вписал и Юрий Тынянов.

Уже в студенческие годы (1910-е) Тынянов сделал первые шаги в области изучения творчества и биографии Гейне. Юлиан Оксман, узнавший Тынянова второкурсником университета, запомнил, что тот изучал "биографию Гейне, первоисточники легенды о Дон Жуане, лирику Державина, Баратынского и Тютчева".

К Гейне и Тютчеву, к истории их знакомства и сближения, к их творческим контактам Тынянов обратился в работе, начатой незадолго до окончания университета.

"...В Мюнхене, на улице Отто в доме № 248 живет Тютчев. (Об адресах Тютчева в Мюнхене см.: "ЗЗ". 1996. № 3. - Ред.) Его знают все, он популярен; его дарят дружбой знаменитости, но он охотно знакомится и с простыми мюнхенскими обывателями...

Уже очень молодым человеком - он на высоте европейского образования. В 1829 году Ив. Киреевский с восторгом пишет домой о нем: "У нас таких людей европейских можно счесть по пальцам". В 1830 году он спорит как равный с Шеллингом о философии тождества, об откровении, и часто в его доме можно встретить стареющего философа с его геркулесовой фигурой...

У Тютчева бывает и ректор университета, знаменитый классик Тирш, молчаливый человек, с остановившейся улыбкой и черными глазами... чаще же всех местная знаменитость - поэт Эдуард фон Шенк... и Аполлоний Мальтиц, дипломат русской службы, поэт, умный собеседник, знакомый литературной Германии.

Вокруг же духовная жизнь вечерующей ушербной романтики...

В конце ноября 1827 года прибывает в Мюнхен Гейне...

Он приехал подавленный заботами о хлебе, о недавней карьере; в Мюнхене ему досаждала скучная редакторская работа. Его письма полны жалоб: ужасный климат, он его убивает; всюду духовная мелкота, самая глубочайшая; его мучают нестерпимо головные боли; наконец, он заболевает настолько серьезно, что думает о распоряжении на случай смерти...

После тяжелой зимы 1828 года Гейне довелось познакомиться с домом Тютчевых.

Наряду с биографией Тынянов рассматривает в своей работе поэтику Гейне, анализирует тютчевские переводы. В течение трех лет (1917-1920 года) возвращался он к этой статье - одному из первых в русском литературоведении исследований русской гейнеаны.

Мы не знаем, присутствовал ли Тынянов в ноябре 1916 года на открытии памятника немецкому поэту у стен Петроградского университета. Но, разумеется, он, заканчивавший в эту пору университет, видел его.

Тынянову памятник не понравился. Созданный скульптором Синайским образ разочаровал. Склоненная голова и "унылые", по его замечанию, черты напоминали о певце

"мировой скорби", вздыхателе, сетующем на несовершенство мироздания.

Такая трактовка отвечала распространившимся еще в 19-м веке представлениям о творчестве поэта. Несмотря на многочисленные переводы, Гейне был в основном известен как лирик. Сатирическая сторона его творчества нередко огрублялась, политическая острота сглаживалась - в силу цензурных ограничений или собственной благонамеренности и "деликатности" переводчиков. Не всем приходилась по вкусу и ирония, подчас неожиданно врывающаяся у Гейне в стих и ломающая уже сложившийся высокий образ. Да и технически перевод Гейне представляет большие трудности. Русскому читателю представлялся поэт, "примиренный", как язвительно замечал Тынянов, с "хорошими нравами русской литературы", "плаксивый и пассивный страдалец", как писал один из критиков в 1850-х годах.

Объективные трудности и искусственные препятствия (цензура) делали неуловимыми некоторые существенные черты поэзии Гейне. Недаром Аполлон Майков сравнил его с быстроногим оленем, за которым с почти напрасным усердием гоняются охотники-переводчики в садах русской поэзии:

Давно его мелькает тень,
В садах поэзии родимой,
Как в роще трелетный олень,
Врагом невидимым гонимый.
И скачем мы за ним толпой,
Коней ретивых утомляя,
Звения уздечкою стальной
И криком воздух оглашая...

Тынянов представлял себе Гейне иначе, не так, как видел его скульптор. Для него поэт - скорее непоседа, путешественник, в его манерах что-то "от перелетной птицы", у него "колючий", вздернутый нос, он ненавидит добродушие.

Сам Тынянов не раз отмечал, что несогласие с установившимися "оценками" становилось одним из существенных мотивов его деятельности. С него начинались университетские исследования творчества Катенина и Кюхельбекера. Под знаком полемики создавались сценарии фильмов "Шинель" и "СВД", романы о Грибоедове и Пушкине. Так получилось и в данном случае. За маской "плаксивого страдальца" Тынянов хотел открыть сатирика и политического поэта. К тому же, анализ стихотворной речи Гейне привел его к убеждению, что переводчик должен ориентироваться в первую очередь на интонационную сторону стиха, которой у немецкого поэта подчинено начало метрическое. Этим принципом он и руководствовался, приступая к переводам произведений Гейне.

Искусство русского художественного перевода имело уже немалый опыт и стаж, но требовало серьезного теоретического осмысления. Взлет стихотворной культуры начала 20-го века, оживление теоретических разработок в области литературы и языка позволяли заново пересмотреть многие проблемы перевода.

Первой книгой издательства "Всемирная литература" стал труд К. Чуковского и Н. Гумилева "Принципы художественного перевода", вышедший весной 1919 года. На повестке дня оказалась и борьба с откровенной халтурой, расплодившейся в переводной литературе. В начале 1920 года Петроградский Совет принял даже особое постановление, в котором говорилось: "За плохой перевод ответственные за это лица в издательствах и переводчики привлекаются к суду, как за любую другую порчу работы".

В такой непростой обстановке (могли и к суду привлечь за "неправильный" перевод) Юрий Тынянов и взялся за труд переводчика. В. А. Каверин вспоминал, что эта работа стала для него "постоянным" делом между делом". Обладая феноменальной памятью, он переводил... в трамвае, когда ехал в Гослитиздат, где служил тогда корректором, во

время редких прогулок, в часы дружеских бесед, когда после минуты молчания он бросался записывать найденную строчку”.

Первый из переводов был опубликован в декабре 1924 года в журнале “Ленинград”. Это стихотворение “Бей в барабан, и не бойся беды...”, публикация которого опередила на несколько месяцев появление рассказа “Попугай Брукса” и стала первым выступлением в печати Тынянова-художника.

Тынянов обратился к одному из программных и наиболее популярных произведений Гейне. Русский читатель знал его по нескольким переводам, наиболее известный из которых был напечатан впервые еще в 1863 году Петром Вейнбергом (заметим, одним из ревностных пропагандистов Гейне в России). Почти одновременно с тыняновским появились и другие переводы знаменитого стихотворения.

Бей в барабан, и не бойся беды,
И маркитантку целуй вольней!
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

Людей барабаном от сна буди,
Зарю барабань, не жалея рук,
Маршем вперед, барабана, иди,
Вот тебе смысл всех наук.

Вот тебе Гегеля полный курс,
Вот тебе смысл науки прямой:
Я понял его потому, что умен,
Потому что я барабанщик лихой.

(Приводим позднюю, отличную от журнальной, редакцию перевода. Сохранилась запись этого стихотворения в исполнении Тынянова, сделанная, по видимому, в Кабинете изучения художественной речи Института истории искусств коллегой Тынянова С. И. Берштейном.. Восковой валик с записью голоса Тынянова был разыскан по инициативе И. Андроникова и включен им в альбом из двух пластинок “Говорят писатели”.)

Среди больших достижений Тынянова-переводчика и шедевр Гейне “Не верую я в небо...”. Несколько поколений читателей знали его по переводу Дмитрия Минаева. Популярный в 1860-1870-х годах поэт-сатирик, родоначальник жанра стихотворного газетного фельетона, он был плодовитым, но, увы, далеко не лучшим переводчиком Байрона, Гейне, Данте. Приведем для сравнения тексты Минаева и Тынянова, предварив их дословным переводом А. В. Федорова:

“Я не верую в небо, о котором толкует попишка, - я верую лишь в твои глаза, это мой небесный свет.

Я не верую в Господа Бога, о котором толкует попишка, - я верую лишь в твое сердце, иного бога у меня нет.

Я не верую в лукавого, в ад и муки ада, я верую только в твои глаза и в злое твое сердце”.

Минаев:
Я давно не верю в небо
До него мне дела нет!
Лишь в твои глаза я верю -
Это мой небесный свет.

Я давно не верю в Зевса
Посреди земных тревог,
Лишь в твое я сердце верю -
Это мой единый бог.

Я давно не верю в беса
И в жестокость адских мук -
Я в твой взор и в злое сердце
Только верю, милый друг.

Тынянов:
Не верую я в Небо,
Ни в Новый, ни в Ветхий Завет,
Я только в глаза твои верю,
В них мой небесный свет.

Не верю я в Господа Бога,
Ни в Ветхий, ни в Новый Завет,
Я в сердце твое лишь верю,
Иного бога нет.

Не верю я в духа злого,
В геенну и муки ее.
Я только в глаза твои верю,
В злое сердце твое.

Едва ли нужен в данном случае комментарий - превосходство второго перевода очевидно.

В середине 1920-х годов переводы Тынянова печатались в журналах “Ленинград” и “Звезда”, а в 1927 году они были объединены в небольшую книжку - “Сатиры”. Подбирая для нее стихи, Тынянов стремился показать немецкого поэта сатириком, политиком и философом. Он словно стирал с портрета Гейне навязанное ему выражение мученика и возвращал на его уста улыбку - горькую и ироническую, скрывающую печаль.

Сборник был встречен с большим интересом. Рецензент журнала “Октябрь” писал: “Гейне действительно чувствуется обновленным после освобождения его от классических ритмов Вейнберга и Минаева. Он звучит гораздо сильнее, делается много ближе к оригиналу и в смысловом и в синтаксическом отношении, чем старые переводы”.

Вскоре после выхода книги Тынянову довелось посетить Германию. Правда, поводом к поездке послужили обстоятельства не веселые - признаки тяжелого заболевания, рассеянного склероза, появившиеся у Юрия Николаевича в конце 1920-х годов. В 1928 году он побывал в Берлине, где консультировался у специалистов.

Когда-то в Берлине жил Гейне; по желанию родственников, мечтавших видеть его на адвокатской кафедре, он учился в университете. Когда же стало ясно, что молодой человек не прельстился карьерой адвоката, как не увлекался он перед тем и ремеслом банкира, богатый дядя сокрушенно заметил: “Если бы парень чему-нибудь научился, ему не пришлось бы писать книги...”

Вспоминая в Германии любимого поэта, Тынянов мог порадоваться, что Гейне не суждено видеть свою родину новейших времен и потомков знакомых ему пивных обывателей, опьяненных ныне идеологией фашизма. Впрочем, не об этих ли молодчиках и их идеологах писал он почти за сто лет перед тем, развенчивая прусскую военщину и прусский шовинизм? И не о них ли знаменитое стихотворение Гейне о немецком Осле (превосходно переведенное Тыняновым):

... Я не из римлян, не славянин,
Я из ослов немецких,
Я мыслящих предков храбрый сын,
И кряжистых и молодецких.

.....
О что за блаженство быть ослом!
Таких длинноухих сыном!
Со всех бы крыш кричать о том:
Рожден я в роде ослином!

Большой осел, что был мне отцом,
Он был из немецкого края;
Ослино-немецким молоком
Вскормила нас мать родная.

Я емь осел из самых ослов,
И всею думой и телом
Держусь я старых ослиных основ
И всей ослитины в целом.

И мы свой ослиный совет даем:
Осла на престол поставить;
Мы осломонархию оснуем,
Где только ослы будут править.

Мы все здесь ослы! И-А! И-А!
От лошадей свобода!
Долой коня! Виват! ура!
Король ослиного рода!...

На фоне германских событий конца 1920-х годов политическая сатира Гейне звучала особенно злободневно. Его взгляд на то, что происходило в Германии, проникает в прозу и самого Тынянова.

“Казалось, что лица были у многих не свои, а второпях надетые при входе или найденные здесь. Обязательности человеческого существа не было. Скорее, все было случайно...”

Путевые заметки стали своего рода прологом к новым переводам произведений Гейне. Вероятно, после возвращения Тынянов приступил к переводу поэмы “Германия. Зимняя сказка”, в которой немецкий поэт с болью и гневом рассказал о раздробленности своей родины, о прусской гегемонии, о феодальных порядках и средневековых предрассудках...

Первые главы перевода увидели свет в конце декабря 1931 года в ленинградском журнале “Звезда”. В 1933-м, в год установления в Германии фашистской диктатуры, поэма в переводе Тынянова вышла отдельным изданием. Таким образом, полный текст этой поэмы, никогда еще до тех пор не печатавшийся на родине Гейне, впервые увидел свет в переводе - на русском языке.

Новейшее германское варварство болью отозвалось в сердце Тынянова. “Не древнего происхождения сжигание книг на костре, - писал он в те годы, - это проделал еще в 1817 году старонемецкий дурень Ян в Вартбурге; даже книжки остались, в сущности, те же: он жег книги друга Гейне, Иммермана, теперь жгут самого Гейне. Ветеринарные домыслы, полицейская философия и фантастическая генеалогия должны оправдать разбой неслышанного размера. Долг писателей разрушить до основания это убогое сооружение”.

Преданный анафеме на родине за бунтарский дух, за еврейское происхождение, Гейне стал истину современником русского читателя. Только в первой половине 1930-х годов вышло пять различных переводов поэмы “Германия”, один за другим печатались сборники его стихотворений. И в каждом издании рядом с новыми переводами Левика, Дейча, Шенгели, Пеньковского, Рубановича неизменно помещались лучшие из переводов Тынянова.

Многолетняя скрупулезная работа Тынянова над переводами произведений Генриха Гейне стала примером для молодого ученого Андрея Федорова, близко узнавшего Юрия Николаевича в пору своей учебы в Институте истории искусств. Студентом он занимался теорией перевода, историей “русского Гейне”, под руководством Тынянова выполнил дипломную работу - первое крупное исследование по восприятию творчества Гейне в России в середине 19-го века.

Размышляя позднее о работе Тынянова-переводчи-

ка, А.В.Федоров отметил стиливое родство оригиналов Гейне не только с переводами, но и с художественной прозой Тынянова: “И как автор-прозаик, и как переводчик Тынянов умел пользоваться всем разнообразием смысловых возможностей слова, и в своей многозначности слово у Тынянова выступало всегда отточенным. Несмотря на кажущуюся порой угловатость и шероховатость. Словесная “гладкость”, “обтекаемость” - свойства, абсолютно чуждые его манере письма и манере перевода (как и стилю Гейне)”.

Так “русский” Гейне Лермонтова, Тютчева и Фета приобретал под пером нового переводчика новые черты. Советский Гейне Юрия Тынянова ненавидел добродушие и имел “колючий” вздернутый нос.

ОТ РЕДАКЦИИ Зеркала Загадок

Оценки развития русской гейнеаны после Тынянова различны. Так, например, недавно (в 1996 году) вышла замечательная книга Е. Эткинда “Там внутри. О русской поэзии 20-го века”. В ней, в очерке “Веселый пример Гейне”, автор отметил, что Тынянов в своих переводах использовал футуристическую традицию, которая в “революционные двадцатые годы еще держалась”. “Позднее, - пишет Эткинд, - в имперской России 30-х годов, она должна была угаснуть. Отсюда и решительное изменение стиля в переводах из Гейне, открытия Тынянова были преданы забвению”.

Впрочем, оттепель 50-х - 60-х годов не могла не оказать влияния и на образ “советского Гейне”. В это время создавались прекрасные переводы. В связи с этим хотелось бы отметить поэта-переводчика, литературоведа и писателя Льва Гинзбурга. Он писал: “Навязчивый образ у Гейне - “Enfant perdu”, боец, который, не выпуская оружия из рук, все же гибнет: “Nur mein Herz brach...”

Говорят: гибну, но не сдаюсь! У Гейне логический акцент переключен: не сдаюсь, но гибну! Отсюда особый трагизм его горькой иронии.

Нравственная победа почти всегда дается ему ценой физической гибели; например, в “Фортуне” он яростно настаивает на саму судьбу:

*Я тебя превозмогу!
Я тебя согну в дугу!
Ты вот-вот оружие сложишь...*

И вдруг тут же горестное признание:

Но и мне уж не поможешь...

Цель достигнута, но поэт истекает кровью; над ним восходит солнце победы, но голова его шкнет.

*Я изранен, изможден,
Дух угаснуть осужден...*

Час торжества означает час смерти. Таково состояние мира”.

И в заключение, в связи с затронутой В. Шубиным темой внешности Гейне, хотелось бы опять прибегнуть к помощи Л. Гинзбурга, который в книге “Разбилось лишь сердце мое...” ссылается на Фрица Раддаца и его книгу “Гейне, немецкая сказка” (1977), где он писал, что Гейне изображали то романтическим красавцем со светлыми вьющимися волосами, то полнеющим тоскливым иудеем, то изможденным старцем, то пышущим здоровьем юношей. “И только посмертная маска, - пишет Гинзбург, - передала его подлинный облик: лицо распятого Христа с застывшей на губах улыбкой Мефистофеля. Его звали Генрих Гейне, но в его метрике стоит имя “Гарри”, а на его могильном камне начертано имя “Апри”.

Генрих Гейне "ПОСТСОВЕТСКИЙ"

"Есть
такие вещи,
которые непременно
нужно перелагать,
а не переводить".

Г. Гейне

Донна Клара

перевод
Виктора
Шнейдера
(Геттинген)

В поздний час в вечернем парке
Бродит Клара, дочь алькада.
К ней доносятся из замка
Звон литавр и шум веселья.

„Мне несносны будут танцы
И потоки лстивой речи,
Кавалеры, что изящно
Меня сравнивают с солнцем.

Стало все невыносимо
С той поры, как увидала
Я в окне при лунном свете
Рыцаря со звучной лютней.

Как манили эти звуки!
Как он мужественен, статен!
Как глаза его горели,
Будто он - святой Георгий!" -

Так, потупя очи долу,
Размышляла Донна Клара.
Вдруг взглянула, а прекрасный
Незнакомец перед нею.

Руки сжав, шепчась друг с другом,
Они бродят под луною,
Их зефир ласкает нежно,
Розы кланяются низко.

Розы кланяются низко
И пылают, словно в сказке.
- Но скажи мне, дорогая,
Отчего ты покраснела?

- Комары кусают, милый,
А в такое время года
Комары мне ненавистны,
Как носатые евреи.

- Брось ты мух, да и евреев,-
Говорит ей рыцарь нежно.
А с деревьев облетают
Лепестков миндальных тыщи.

Лепестков миндальных тыщи
Разливают ароматы.
- Но скажи мне, дорогая,
Ты ко мне ли благосклонна?

- Я люблю тебя, мой милый,
Поклянусь хоть на распятьи,
Где Спасителя убили
Кровожадные евреи.

- Брось Христа, да и евреев,-
Говорит ей рыцарь нежно.
Вдалеке качает ветер
Сонно чаши белых лилий,

Сонно чаши белых лилий
Отражают свет созвездий.
- Но скажи мне, дорогая,
Твои клятвы не фальшивы ль?

- Фальши нет во мне, мой милый,
Как в груди моей ни капли
Крови нет от крови мавра
Или грязного еврея".

- Брось ты мавров и евреев,-
Говорит ей рыцарь нежно,
И к беседке дочь алькада
Увлекает за собою

И украдкой оплетает
Донну сетью любовной;
Поцелуи слов протяжней
И сердца переполняют.

Свадебные песни-трели
Соловей поет над ними.
Словно в танце с факелами,
Светлячки по травам скачут.

А в беседке стало тихо.
Только слышно, как украдкой
Что-то шепчет мирт беседки,
Да цветочное дыханье.

Но слышней из замка стали
Гром литавр и барабанов,
И проснувшаяся Клара
Руку с рыцаря снимает:

- Чу! Зовут меня, мой милый;
Мы расстанемся, но прежде
Имя милое свое мне
Наконец назвать ты должен.

И с безоблачной улыбкой
Рыцарь руки ей целует,
Он целует Донне губы,
Щеки, лоб и произносит:

- О, Сеньора, я ваш милый,
Сын премудрого и всеми
Почитаемого Рабби
Израель из Сарагоссы.

**Иосиф
Бродский**

**“Я не знаю,
что вам
рассказывали
о ней...”**

В марте 1994 года, находясь в Каталонии, Иосиф Бродский выступил с лекцией перед студентами Барселонского университета.

Ни для кого не секрет, что в большинстве западноевропейских ВУЗов студенты часто получают мягко говоря поверхностное и стереотипное представление о русской литературе. Сломать эти стереотипы, заставить западного читателя по-иному взглянуть на российскую словесность - задача нелегкая. Тем более, когда речь идет о студентах, которые, как известно, (и это их свойство экстерриториально) - ленивый народ.

Вероятно, это хорошо понимал Бродский, готовясь к своей лекции. Именно поэтому, на наш взгляд, это выступление поэта представляет собой особую ценность и является своеобразным памятником. В течение всего лишь часа Бродский изложил то, что было для него самым существенным в истории русской поэзии 18 - 19 веков, сказал лишь то, о чем невозможно умолчать, рассказывая о ней.

Выступление Бродского было записано на пленку и публикуется впервые.

Редакция "33"

Redaktion „ZZ“

**„Ich weiß nicht,
was sie euch über sie
erzählt haben...“**

Jossif Brodski

(Auszüge)

Ich weiß nicht, was sie über die russische Poesie oder überhaupt über die russische Literatur wissen. Man kann lange über sie erzählen... Und gleichzeitig auch nicht viel, denn die russische Literatur ist außerordentlich jung: sie ist bestenfalls höchstens 200 - 250 Jahre alt. Besonders jung ist die Autorenliteratur.

Ende des 18. Jahrhunderts, als die russische Literatur ihren eigentlichen Anfang nahm, die Autorenliteratur, geschah etwas Bemerkenswertes. Alle Informationen: die geistigen, physischen, die der Erfahrungen, der Beziehung zur Erde... die Informationen über das Verhalten in Gesellschaft, einfach alle Informationen begannen sich ausgerechnet in der russischen Poesie und Literatur zu formieren. Dies geschah im Geist des Klassizismus. Die Poesie suchte in dieser Form, in der Form des Klassizismus ihren Platz ... Doch ihr Inhalt war ein solcher, daß sie zumindest quantitativ im Klassizismus keinen Platz finden konnte. So denke ich, daß es nicht ganz gerechtfertigt ist, die russische Literatur Ende des 18.

Я не знаю, что вы знаете о русской поэзии и вообще о русской литературе, что вам рассказывали о ней. О ней можно долго рассказывать... И, в то же время, не много, потому что русская литература чрезвычайно молода: ей, в лучшем случае, от силы 200 - 250 лет. Особенно молода авторская литература. И это, прежде всего, относится к поэзии.

У нас довольно молодая поэзия - с одной стороны... Но, с другой стороны, Россия - это чрезвычайно населенная страна, и в конце 18-го - в начале 19-го века довольно много людей немедленно кинулось заниматься поэзией.

В короткое время русская литература стала европейской литературой. Вы знаете, чем был в литературе 18 век. Это был век классицизма. Считается, что русская литература началась в русле или в лоне классицизма. То есть, теоретически считается, что стандарты русской литературы в конце 18 века и даже в начале 19-го - это были стандарты классицизма.

И действительно, на первый взгляд, похоже на то, что так оно и было. Один из лучших поэтов этого периода Антиох Кантемир занимался переводами. 90% его поэтической карьеры, то есть времени потраченного им на сочинение стихов, ушло на перевод поэтики Буало. (Буало. “Поэтическое искусство” - ред.) Кроме того, он сам писал сатиры вполне в духе Буало. Тем не менее, если вы начнете читать эти сатиры или переводы, то получается совсем не Буало... Получается совсем не классицизм.

В конце 18 века, когда началась русская литература всерьез, литература авторов, произошло нечто замечательное. Вся информация: духовная, физическая, информация опыта, информация отношения к земле... информация поведения в обществе, вся духовная,

Jahrhunderts die Epoche des Klassizismus zu nennen. Ich denke, es wäre eher gerechtfertigt, diese Periode als Periode des Barock zu beschreiben. Sie wissen, was das ist, Barock. Das ist die Vermischung, Vereinigung des Gegensätzlichen. Eine dialektische Kunst, wenn sie so wollen.

So eine Vermischung, Vereinigung des Gegensätzlichen passierte in Rußland: zuerst begann in der literarischen Form das praktisch noch primitive Chaos Gestalt anzunehmen. Es versteht sich, daß die Formen europäische waren, französische. Doch der Inhalt war durch und durch örtlicher Herkunft. Und noch einen zusätzlichen Umstand muß man berücksichtigen. Die Periode des Klassizismus war in Europa das Zeitalter der Aufklärung. Der wichtigste Held war im Zeitalter der Aufklärung der zweifelnde Mensch: der Held Voltaires, der Held Montesquieus oder - wenn es beliebt - der Held Rousseaus. Die Existenz, wie soll man sagen ... grob gesagt ...des Allerhöchsten wurde in Zweifel gezogen. Und es wurden sogar völlig überzeugende Beweise für seine Abwesenheit erbracht.

In der russischen Poesie jedoch gestaltete sich alles etwas anders. Vor allem deshalb, weil die Menschen, die im 18. Jahrhundert zur Poesie fanden, hauptsächlich zum adligen oder zum geistlichen Stand gehörten. In der Regel waren sie Söhne von Geistlichen und hatten eine außerordentlich gründliche kirchliche Ausbildung erhalten. Ich denke, daß genau deshalb, weil wir im 18. Jahrhundert solche gesunden Eltern gehabt haben, die russische Poesie im Laufe der letzten 200 Jahre so bemerkenswerte Früchte tragen konnte. Die Wurzeln waren gesund.

Neunzig Prozent der russischen Poesie des 18. Jahrhunderts ist in syllabischen Versen geschrieben worden, während es im 19. Jahrhundert sozusagen eine gewisse stilistische Revolution gab. Das war die metrische Revolution, wenn sie so wollen. Der russische Vers ging vom syllabischen zum syllabotonischen Versbau über, zu einem außerordentlich harmonischen Stil.

Wenn sie denken, daß das 19. Jahrhundert das Jahrhundert Puschkins ist, haben sie sich ein wenig geirrt. Selbst das erste Viertel des Jahrhunderts war nicht nur ein Jahrhundert Puschkins. Puschkin ist umgeben von recht bemerkenswerten Leuten in die Literatur eingetreten. Ich werde ihnen vier oder fünf Namen nennen, die sie kennen sollten. Wenn sie sie nicht kennenlernen werden, begehen sie genau den Fehler, den jeder beliebige halbgebildete Mensch begeht: sie werden denken, daß es im 19. Jahrhundert nur einen großen russischen Dichter gab. Es gab sehr viel mehr.

Doch die Gesellschaft wählt immer nur einen Dichter für eine historische

физическая, метафизическая информация, которая существовала в русской культуре в той или иной степени, начала оформляться именно в русскую поэзию и в русскую литературу. Причем, именно в духе классицизма - теоретически. Поэзия попыталась вписаться в эту форму, форму классицизма... Но содержание ее было таково, по крайней мере, количественно, что оно не могло уместиться в классицизме.

Я надеюсь, что вы более или менее представляете себе, чем был, например, Буало. Все-таки вы европейцы. Сейчас я вам прочту две или три строчки из сатиры Кантемира, написанные вполне в духе Буало. Это сатира на дворянских детей (Сатира 2 "На зависть и гордость дворян злонравных" - ред.), то есть на тех молодых людей, которые в силу своего происхождения требуют себе привилегий в обществе. Сюжет... То есть не сюжет, тема, довольно банальная для классицизма. Кантемир отказывает этим молодым людям в праве на те или иные привилегии. Посмотрите, как он аргументирует:

Ты требуешь себе тех или иных привилегий,
Но ты не очень смелый человек.
Например, в своем имении в пруду
Ты отплываешь от берега на лодке,
Но почти немедленно ты стремишься вернуться назад к берегу. . .

И он (Кантемир) говорит:

Каково же в открытом море?
Там надобно медное сердце иметь,
Ибо от смерти тебя отделяет доска толщиной пальца в четыре,
Твоя же душа требует границы пошире.

(При сравнении с текстом Кантемира читатель с удивлением обнаружит, что Бродский в своем выступлении прочитал как-бы авторский перевод известной сатиры, весьма отличающийся от оригинала. Например, последние две строки Кантемира звучат в оригинале так:

От нея доска, толста пальца лишь в четыре, - Твоя душа требует грань с нею пошире. - Ред.)

Вот эта доска, как бы, толщиной пальца в четыре, это точное сравнение - это то замечательное качество, которого уже в классицизме не было.

Я не хочу ничего дурного говорить об европейском классицизме, но это уже была чрезвычайно разработанная структура со своими условностями, со своими тропами, со своими ходами, со своей эlegantностью. Русский классицизм - нечто совершенно противоположное. Он привносит в поэзию, в литературу весь сырой, необработанный, непосредственный материал. Поэтому, я думаю, что не совсем правомерно называть русскую литературу конца 18 века эпохой классицизма. Я думаю, что более правомерно этот период описывать как период барокко. Вы знаете, что такое барокко. Это смешение, соединение противоположностей. Это диалектическое искусство, если угодно.

Такое смешение, соединение противоположностей произошло в России: впервые в литературную форму начал оформляться практически первобытный хаос. Разумеется, формы были европейские, французские. Но содержание было сугубо местного производства. Еще одно дополнительное обстоятельство требуется принять во внимание. Период классицизма в Европе был веком просвещения. Главным героем века просвещения был человек сомневающийся: герой Вольтера, герой Монтескье, герой, если угодно, Руссо. Существование, как бы сказать ... грубо говоря ... Всевышнего подвергалось сомнению. И даже приводились вполне убедительные доводы в пользу Его отсутствия.

А в русской поэзии все происходило несколько иначе. Прежде всего, потому, что люди, которые пришли в поэзию в 18 веке принадлежали, главным образом, к дворянскому или духовному сословию. Они были детьми священников, как правило, и получили чрезвычайно детальное церковное образование. Грамотность была привилегией образованных классов. Да, ну, это понятно. Я думаю, именно потому, что у нас были такие здоровые родители в 18-м веке, русская поэзия на протяжении последующих двухсот лет принесла такие замечательные плоды. Корни были здоровые.

Что же происходит в конце 18-го века? Я не знаю, знаете ли вы имена этих поэтов: Хераскова, Сумарокова. Стоит их знать! Я думаю, что вам их легче читать, чем самим русским. Для современного русского читателя тексты 18-го века составляют некоторую трудность. Девяносто процентов русской поэзии 18-го века было написано силлабическим стихом, в то время, как в 19-м веке шла, так сказать, некоторая стилистическая революция. То есть метрическая революция, если хотите. Русский стих перешел из силлабического в силлаботонический, в чрезвычайно гармоничный стиль. И мы все сегодня заражены именно этой силлаботонической поэзией, чрезвычайно гармоничной. Действительно, она течет, как водичка. Поэтому, когда мы начинаем читать поэтов 18-го века сегодня, мы все время спотыкаемся. Мы не слышим знакомого нам размера. Это отталкивает современного русского читателя. Из-за этого стилистического, если угодно, гармонического барьера, который существует в нашем сознании, мы совершенно не в состоянии пробиться к содержанию. Мы просто отбрасываем книгу, в то время, как вы, будучи иностранцами, этим не заражены. Вы можете совершенно спокойно следить за содержанием, читать эту литературу, эти стихи как информацию.

А там невероятное количество информации - духовной, религиозной и так далее... Это очень похоже на античность. Читать русских поэтов 18-го века - это все равно, что читать "Георгики" Вергилия. Ну вот, мы кончаем с 18-м веком и переезжаем в девятнадцатый.

Для того, чтобы нам переехать в девятнадцатый век из восемнадцатого, мы садимся в телегу, запряженную Державиным. Державин есть некоторое пересечение веков и, до известной степени, стилей. У этой телеги четыре колеса. Одно колесо - колесо классицизма, второе колесо - колесо барочное, передние два колеса - это два колеса натурализма второй половины 19-го века.

Везет эту телегу Державин. Если его представить себе в качестве лошади... Что ему было бы не так уж и неприятно. Эта лошадь - ужасно метафизическая лошадь. То есть, это лошадь, которой не хватает, которой не достаточно церкви. Это лошадь, у которой совершенно невероятный метафизический аппетит. Чем она пользуется в качестве сена, мне непонятно. Я думаю, всем, что она видит, всем, что ей попа-

Periode aus. Oder für eine Epoche. Oder gar für ein ganzes Jahrhundert. Warum benimmt sich die Gesellschaft so? Weil es so für die Gesellschaft einfacher ist. Dann kann sie den großen Dichter entweder annehmen oder ablehnen. Doch wenn es vier oder fünf von ihnen gibt, kann man schon nicht mehr so einfach ablehnen. Dann wird die Literatur oder Poesie ihre persönliche Angelegenheit, eine Angelegenheit ihrer persönlichen Wahl. Und in diesem Fall sendet die Natur oder die Vorsehung den Dichter in die menschliche Mitte, damit der Mensch sozusagen schneller klüger werde. Die Natur oder die Vorsehung sendet nicht nur einen, sondern gleich mehrere Dichter. Die Natur oder die Vorsehung versucht, der Gesellschaft eine Chance zu geben. Doch die Feigheit einer Gesellschaft äußert sich in der Regel in ihrem Bildungssystem, äußert sich darin, daß sie nur einen Dichter auswählt. Vielleicht liegt das daran, daß es innerhalb eines Bildungssystems ziemlich schwierig ist, es mit mehreren Dichtern zu tun zu haben. Im Ergebnis verliert die Gesellschaft sehr viel und wird leicht eine Beute der Demagogie. Die Poesie bewaffnet die Gesellschaft mit Mitteln zur Verteidigung gegen die demagogische Rede...

Also, fünf oder sechs Namen... Fünf Namen. Erstes Viertel des 19. Jahrhunderts: Konstantin Batjuschkow, Prinz Wjasemski, Wassili Schukowski, Jewgeni Baratynski. Und der Fünfte wird Alexander Sergejewitsch Puschkin sein.

Wodurch sich die russische Poesie des ersten Viertels des 19. Jahrhunderts auszeichnet, die harmonische Schule, die sogenannte Schule Puschkins, - sie zeichnet sich dadurch aus, daß ihr eine zweifellos bemerkenswerte Beherrschung eigen ist. Das ist eine Poesie, die absolut frei ist von Hysterie, von sozialer Hysterie und Schreien. Eine ungewöhnlich beherrschte Poesie, unabhängig davon, was für ein Leben diese Dichter hatten. Das ist eine beherrschte, ironische Poesie. Eine Poesie, in der eine starke Note Zweifel miltönt. Zweifel des Dichters nicht nur über seine Schlußfolgerungen aufgrund der Wirklichkeit, sondern auch Zweifel an seinem Recht, seine Meinung zu sagen. Mehr noch... Ich will hier nicht Ossip Mandelstam zitieren. Er hat einmal gesagt... es gibt da so eine Äußerung von ihm: „die ellipsenförmige Blässe Puschkins“. Hinter dieser Phrase steht wirklich die Einsicht, daß diese Poesie im großen Maße blaß ist im Gesicht. Eine Poesie, die sich nicht die Lippen schminkt, in der das Wichtigste - die Tonart ist. Die Tonart der Neutralität.

Der russische Dichter des ersten Viertels des 19. Jahrhunderts hielt es als Adliger anscheinend für unfein, den

Tonfall seiner Stimme bis zum Schrei anzuheben. Ich denke, daß ihn an der Poesie am stärksten nicht so sehr die Wahrheit der Existenz wie die Musik des Verses interessierte.

Ich verstehe, daß sie das nicht allzu-sehr fasziniert. Schließlich ist das ausländische Poesie, und Poesie, das ist etwas Fremdes und dem Wesen nach nicht sehr Verbindliches. Sie haben offenbar von Dostojewski und Tolstoj gehört. Doch müssen sie verstehen, daß die russische Prosa des 19. Jahrhunderts, der russische psychologische Roman aus der russischen Poesie des 19. Jahrhunderts heraus entstanden ist. Ohne sie gäbe es keine russische Prosa des 19. Jahrhunderts. Dostojewski hat in seiner berühmten Rede „Dem Andenken Puschkins“ gesagt: „Puschkin - unsere große kulturelle Erscheinung...“ usw. Ich füge hinzu: und auch prophetische. Im Falle Dostojewskis - auch noch chronologische. Weil die Mehrheit der Helden seiner Romane gealterte lyrische Helden der Poesie Puschkins sind.

Nun gut ... das ist in etwa genug. Ich könnte noch weiter und weiter machen. Aber es ist Zeit!

дается на дороге. Потому что на самом деле у метафизики нет другого языка, чтобы себя выразить, кроме языка нашей физической реальности. Я хочу вам не столько даже ради вас самих, сколько ради самого себя, своего собственного удовольствия прочесть три или четыре строфы Державина. Две или три. Это - силлабо-тоническая поэзия. Для сравнения я сначала прочту вам две строчки Кантемира. Это силлабическая поэзия. Кантемир:

Каково же в открытом море?
Там медное надобно сердце иметь,
Ибо от смерти тебя отделяет
Доска толщиной в пальца четыре,
Твоя же душа требует границы пошире.

И Державин. Стихи на смерть князя Мещерского:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет - и к гробу приближает.

Что поразительно, здесь вы слышите еще наследие силлабики. Каждый слог ударный. Но движение в строке уже совершенно другое. А строка тяготеет к своему окончанию. Еще несколько строчек:

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский, ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился:
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? - Он там. - Где там? - Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
“О горе нам, рожденным в свет!”

Вот еще короткое, очень короткое стихотворение Державина, которое я вам прочту уже только для собственного удовольствия. Это его последнее стихотворение. (Обращается к переводчице.) Его перевести довольно просто.

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Вот вам пример начала 19-го века. А сейчас я хочу себя немножко поправить. Русская поэзия, действительно, могла начаться с классицизма. Но она быстро, очень быстро превратилась в барокко. Это процесс, обратный тому, что происходило в европейской культуре.

Если вы думаете, что 19 век - это век Пушкина, то немножко заблуждаетесь. Даже первая четверть века была не только веком Пушкина. Пушкин пришел в поэзию в окружении довольно замечательной компании. Я назову вам четыре имени или пять, которые вы должны знать. Если вы их не будете знать, вы совершите ту же самую ошибку, которую совершает любой полуобразованный человек: вы будете думать, что в 19-м веке был один великий русский поэт. Их было гораздо больше.

Но общество всегда назначает одного поэта на исторический период. Или на эпоху. Или даже на столетия. Почему общество ведет себя таким образом? Потому что так обществу проще. Тогда оно может принять великого поэта или отказаться от него. Но когда их пятеро или шестеро, отказаться уже нельзя. Тогда литература или поэзия становится вашим личным делом, делом вашего личного выбора. И, в таком случае, природа или провидение посылает поэта в

Зеркало Загадок

продаётся
в Германии, Франции,
Голландии, России, Польше, Чехии,
Израиле, США,
Канаде, Австралии

В БЕРЛИНЕ 33

можно приобрести:

В киосках интернациональной прессы (ВНГ) на станциях метрополитена;

в магазинах русской книги (Kantstr.82), в русских видеотеках (Kantstr.16, Leibnitzstr.43, Martin-Luther Str. 82), в Universitätsbuchhandlung am Alex (Spandauer Str.2, угол Unter den Linden), в магазине у Еврейской Общины (Joachimstaler Str.13), в книжных магазинах Kierpert (около Университета им. Гумбольта и Свободного Университета в Далеме на Garystr.46) и т. д.

А также в редакции 33

человеческую среду для того, чтобы человек, так сказать, быстрее поумнел. Природа или провидение посылает не одного, а сразу же несколько поэтов. Природа или провидение пытается дать обществу шанс. Но трусость общества, как правило, выражается в его системе образования, выражается в том, что оно назначает одного поэта. Может быть, это связано с тем, что в системе образования довольно трудно иметь дело с несколькими поэтами. В результате общество теряет очень многое, и быстро становится добычей демагогии. Поэзия вооружает общество средствами защиты против демагогической речи...

Что нас отличает от всего остального естественного мира - это наша способность к речи. Поэзия не является искусством. И не является литературой. В конечном счете, поэзия - это высшая форма человеческой артикуляции. И поэтому она является не литературой, а нашей антропологической или генетической, если хотите, целью. Вот почему нужно читать поэзию. Но... это - пропаганда и демагогия, видимо, с вашей точки зрения.

Итак, пять или шесть имен... Пять имен. Первая четверть 19-го века: Константин Батюшков, Принц Вяземский, Василий Жуковский, Евгений Баратынский.

А пятым будет Александр Сергеевич. Было такое кино в нашей молодости: "Их было пятеро". Но фильм был французский... Не важно...

Когда дело касается поэзии, всегда речь заходит о предпочтениях индивидуальных, личных. Мне лично из этих пяти наиболее дороги трое. Это Вяземский, Баратынский и Пушкин. Дело в том, что ни один из них не существует сам по себе. Они существуют все трое вместе. Они-то и есть великий русский поэт девятнадцатого века. Они разные, но есть у них нечто общее: совершенно невероятная интенсивность внимания по отношению к человеческой реальности. Они разные люди, безусловно, и прожили разные жизни. Вяземский был на десять лет старше Пушкина и жил дольше всех. Он умер в последней четверти девятнадцатого века. Пушкин был убит на дуэли в тридцать седьмом году. Баратынский пережил Пушкина, по моему, лет на семь или на восемь и умер в Италии. Они все были дворяне. И, когда мы говорим о русской поэзии первой четверти девятнадцатого века, мы на самом деле говорим о дворянской культуре. О периоде русской культуры.

Этот период продолжался чрезвычайно недолго. Его можно ограничить первыми 30-40 годами девятнадцатого века. За ним последовала культура разночинцев второй половины девятнадцатого века. Она не дала поэзии той высоты, которую дала дворянская культура, потому что во второй половине девятнадцатого века поэзия решила, что в ее задачи входит отражение социальной реальности общества. На самом деле поэзия была не отражением социальной реальности, а отражением социальной реальности того класса, который занимался поэзией.

Чем замечательна русская поэзия первой четверти девятнадцатого века, гармоническая школа, так называемая школа Пушкина - это тем, что ей присуща совершенно замечательная сдержанность. Это поэзия, абсолютно начисто лишенная исте-

рики, социальной истерики, крика. Это поэзия чрезвычайно сдержанная, независимо от того, какая жизнь выпадала этим поэтам. Это поэзия сдержанная, ироническая. Это поэзия, в которой звучит сильная нота сомнения. Сомнения не только поэта в его умозаключениях по поводу реальности, но и сомнения в его праве выражать свои взгляды. Более того... Не хочу вам цитировать Осипа Мандельштама. Он когда-то сказал... есть такое у него выражение: "эллинистическая бледность Пушкина". За этой фразой стоит действительно понимание того, что эта поэзия в сильной степени бледна лицом. Это поэзия, которая не красит губы, поэзия, в которой главное - тональность. Это тональность нейтральности. Я, видимо, должен это объяснить, потому что это звучит для вас немножко странно.

Русский поэт первой четверти девятнадцатого века считал, видимо, будучи дворянином, неблагородным, моветоном повышать свой голос до крика. Их более всего интересовала, я думаю, в поэзии не столько правда существования, сколько музыка стиха. Они считали, что правда существования выражается не содержанием, но музыкой. Вот вам пример. В принципе, короткое, простое стихотворение, элегическое стихотворение о любви. Поэт сожалеет о том, что женщина, которую он любил, находится где-то в другом месте и, видимо, с кем-то другим. Вы хорошо себе представляете этот сюжет, и что по этому поводу можно сказать. И вот как это звучит у Пушкина.

Я вас любил, любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем.
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Содержание здесь переводится в музыкальный ряд, и вы слышите не только, скажем, описание сантимерта и конкретного переживания. Это общая тональность контролируемого горя. Это общая тональность русской поэзии первой четверти девятнадцатого века.

Поддамся соблазну и скажу, что горе поэзии второй половины девятнадцатого века в том, что поэзия горе контролировать отказалась. Она считала, что она сейчас опишет горе во всех его деталях. Это началось, между прочим, уже при издыхании романтической, то есть гармонической школы, началось еще с Лермонтова и достигло своего полного неприятного и непривлекательного расцвета в поэзии Некрасова.

Я понимаю, что вам все это не так уж интересно. В конце концов это - иностранная поэзия, а поэзия - это нечто странное и по существу не очень обязательное. Не только иностранная поэзия, которая теряется в переводе, но даже, видимо, поэзия вашей культуры. Вы стали заниматься русской литературой, потому что вы слышали о замечательной русской прозе девятнадцатого века. Вы слышали, видимо, о Достоевском, о Толстом. Но вы должны понять, что русская проза девятнадцатого века, русский психологический роман вышел из русской поэзии девят-

надцатого века. Без нее русской прозы девятнадцатого века не было бы. Потому что русская поэзия в первой четверти девятнадцатого века, как вообще всякая поэзия, на очень незначительном пространстве сконцентрировала колоссальную психологическую массу. Такая концентрация осуществляется в поэзии всегда. В двух четверостишиях Пушкина, которые я вам процитировал, "Я вас любил, любовь еще, быть может..." - вся психологическая гамма, которая кончается, которая разрешается в этом контролируемом горе, вы слышите в этом печаль, желание что-то изменить и понимание того, что изменить нельзя. Это понимание, что изменить нельзя не только потому, что нет сил изменить, но и того, что пытаюсь что-либо изменить, можешь причинить вред адресату.

Каждая из этих восьми строчек набита до отказа психологическими нюансами. Вот поэту Достоевский в своей знаменитой речи "Памяти Пушкина" сказал: "Пушкин - наше великое культурное явление..." и т.д. Я добавлю: еще и пророческое. В случае Достоевского - еще и хронологическое. Потому что большинство героев его романов - это постаревшие лирические герои поэзии Пушкина.

Ну вот... Этого примерно достаточно. А я могу еще и еще.

Но - время!

Сыграть Пушкина

Письмо Ю. Лотмана Ю. Векслеру

Я ведь тоже разные водевильчики...

Литераторов часто вижу.

С Пушкиным на дружеской ноге.

Бывало, часто говорю ему:

"Ну что, брат Пушкин?"

Николай Гоголь, "Ревизор"

Наверное прав Юрий Любимов, сказавший однажды, что не понимает, как вообще один артист может сыграть Пушкина... Сказал и разделил в своем спектакле "Товарищ, верь!" роль поэта между пятью актерами.

Легендой стали репетиции Роллана Быкова - Пушкина в спектакле МХАТ "Медная бабушка" (пьеса Л. Зорина). Может быть, его Пушкин и стал бы исключением, (подтверждающим мысль Любимова), но он не понравился где-то наверху, и работа была закрыта...

Марлен Хуциев долго готовился к фильму о Пушкине, но, уже утвердив после долгих мучительных проб актера на главную роль, так и не решился начать съемки...

В 1983 году, работая режиссером в театре "У Никитских ворот", я был настолько увлечен пушкинским театром, что даже попытался сам сочинить, как я тогда это для себя называл, "документальную фантазию" о Пушкине под названием "Сцены из пушкинских времен"... Кто-то из друзей рассказал мне о выступлении Ю. Лотмана с новой версией дуэли и гибели Пушкина, и это послужило поводом для моего обращения к Юрию Михайловичу... Вот его ответ.

Юрий Векслер

Уважаемый Юрий Борисович!

получил Ваше письмо. Прежде всего хочу сообщить, что, как мне кажется, я с лекцией или докладом на интересующую Вас тему не выступал. Здесь какое-то недоразумение. Вероятно, я касался этого вопроса в выступлении на другую тему, но точно припомнить этого не могу.

Вообще тема "Последние дни Пушкина" очень трудна, и я с некоторым беспокойством думаю о ее воплощении на сцене. Ведь даже у Булгакова не получилось... Правда, после того, как на эту тему поставили в Ленинграде балет, где Пушкин пляшет с Натальей Николаевной и еще одной плотненькой дамой, которая оказывается его музой, кажется, все возможно. Ведь фигурируют же в пьесе Штейна "Версия", изображающей отношения Блока, Андрея Белого и Любови Дмитриевны, "Саша", "Андрюша" и "Люба", когда даже школьники знают, что Андрей Белый - это литературный псевдоним Бориса Николаевича Бугаева, которого Блок, конечно, называл Борей.

Не думайте, что я решил пошутить по поводу Вашего замысла или осудить его "в зерне" - мне просто хотелось бы, чтобы Вы почувствовали его серьезность и трудность.

Особенно трудны именно последние дни Пушкина для нашего понимания: по сути дела, мы очень мало о них знаем. Самое деликатное здесь - семейные дела Пушкина. Именно эта сфера, требующая особой тонкости и такта (разве то обстоятельство, что человек - великий поэт и, кроме того, умер и не может сам себя защитить, дает нам моральное право делать его жизнь в наиболее трагические минуты предметом домыслов и сплетен? А ручаюсь Вам, что значительная часть написанного по этому поводу имеет достоверность сплетни).

Мы, которые считаем смерть высочайшим несчастьем ("самое дорогое, что дано человеку, это жизнь..."), а честь, хотя уже не именуем "феодалным предрассудком", но в сути ее разбираемся не больше, чем

РУССКИЕ КНИГИ

KANTSTRASSE 82

10429 BERLIN

TELEFON 323 19 15

Большой выбор книг и русских видеофильмов по самым низким ценам в городе

в обычаях какого-либо африканского племени, беремся понять, что испытывал человек перед дуэлью или у барьера. Приведу Вам один пример. Среди берестяных грамот Новгорода 12-го века есть такая: сестра пишет брату (раз пишет на бересте, то, вероятнее всего, простая новгородка из посада), что ее на улице обозвали коровой, (вероятно, описка - "курвой", "корвой"), а защитить ее честь некому. Пусть брат придет и разберется и накажет обидчика, а, если ее обругали с основанием, то ПУСТЬ УБЬЕТ ЕЕ. Жить без чести нельзя - это уже не жизнь. А Ваши зрители убеждены, что "брань на воротах не виснет" - поговорочка последующих эпох - и что, если изматерили, а морду не набили, то и волноваться не из чего. Да и с битой мордой жить можно.

Другая трудность - сознание зрителей захламлено штампами: они знают, что "Пушкин - жертва самодержавия" или еще чего-либо, но обязательно "жертва". А как трудно дать Дантеса (антиштампы так же вредны, как и штампы)! Как показать его безупречным красавцем с благороднейшими манерами, обаятельным и даже великодушным, добрым малым - и только заурядным, совершенно не оригинальным, никогда не бывающим странным, всегда делающим только то и именно то, чего от него требуют приличия и ждут люди света. А сами эти люди света - не чудовища, не злодеи и не "жадной толпой стоящие у трона" (стоять-то стоят, но с каким искренним благородством, как красиво и даже с какой культурой жизни и общения!) Только тоже заурядны и боятся человеческого достоинства, как колли и гончие боятся и сторонятся дворняжек (у дворняжек есть достоинство и уважение к себе, а у колли - уважение к своей породе).

А уж как играть Пушкина? И кому? Очень трудно ... Но за смелого Бог. Если получится, я первый с Вами порадуясь.

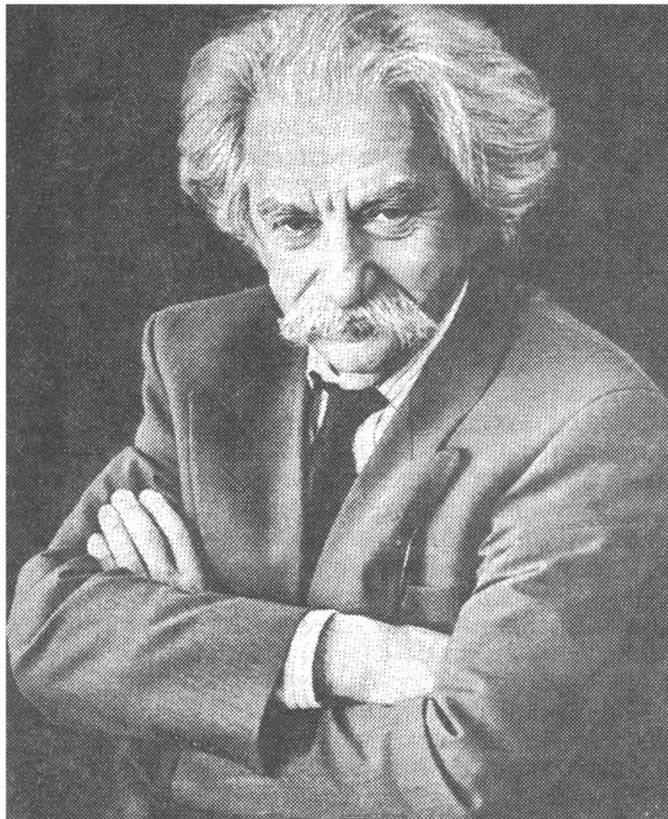
А уж как играть Пушкина? И кому? Очень трудно ... Но за смелого Бог. Если получится, я первый с Вами порадуясь.

Немалая часть Вася удачи

*Тому
25. XI 83*

Ю. Лотман

Ст. ад.

Юрий Лотман

Алеф - Бет

газета еврейской
общины земли
Бранденбург

P. S. Самое трудное для воспроизведения в характере Пушкина - то, что он был **ОЧЕНЬ УМЕН**. Изобразить "гения" еще можно, но как изобразить много человека?

Старые друзья - Жуковский, Вяземский и пр. - видели в Пушкине то, что привыкли видеть в нем смолоду: талант, живость, восприимчивость и считали неглубоким. Но те, кто познакомились с ним в 1830-е годы и были свободны от воспоминаний, воспринимали его, прежде всего, как необычайно умного человека, чья главная жизнь сосредоточена в мысли. А одна из главных особенностей ума - это то, что он имеет минимум внешних проявлений. Он проявляется негативно: в отсутствии банальности, в отсутствии эффектов и во многих отсутствиях того, из чего строится наше обычное поведение, наша неосяцаемая нами глупость. Поэтому все "пушкины" на сцене, экранные и в романах, которых я встречал до сих пор, были похожи на него, как провинциальные актеры на Гамлета нашего воображения.

Jüdische Gemeinde
Land Brandenburg,
Redaktion "Alef-Bet",
Heinrich-Mann-Allee 103,
Haus 16, 14473 Potsdam,
Tel. (0331) 8888114, 8888115

ВСЕМИРНОЕ

СЛОВО

международный журнал

Издается при участии Петербургского отделения
международного фонда "Культурная инициатива"
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул.,18;
телефон (812) 513-73-01, факс (812) 274-54-62

LETTRE INTERNATIONALE

присяжный переводчик
предлагает

ПЕРЕВОД

любых текстов и документов
с официальным заверением
- любой устный перевод -

Thomas Pluschke

Buschallee 12 a, 13088 Berlin

Tel.: (030) 925 19 22

Fax: (030) 962 02 337

прием по вторникам и пятницам
с 18 до 20 часов

RtvD - новое русское телевидение

**Берлинская телевизионная
программа
на русском языке**

Интервью, репортажи, новости культуры,
советы и консультации, передачи для детей.

Понедельник	09.30
Четверг	22.00
Пятница	20.30
Воскресенье	17.00

spreekanal

☎ (030) 76705155

*Мой конь притомился,
Стопнулись мои башмаки,
Куда же мне ехать?
Скажите мне, будьте добры!*

АТЕЛЬЕ

по ремонту обуви

Mommsenstr. 37,

S-Bahn Charlottenburg, Bus 109, Tel. 324 59 85

РУССКИЕ ТУРИСТСКИЕ БЮРО

Anna Karenina

Christstr. 19, 14059 Berlin, Tel. 326 033 12

B.I.R.

Nassauische Str. 57, 10717 Berlin, Tel. 873 45 25

Leo Sawin

Brandenburgische Str. 39, 10707 Berlin, Tel. 891 20 67

Mig-Agentur

Rheinstr. 35, 12161 Berlin, Tel. 851 68 63

Тройка

Friedrichstr. 176—179, 10117 Berlin, Tel. 229 17 21

Спутник

Friedrichstr. 176—179, 10117 Berlin, Tel. 20302 246

Dansa

Kantstr. 154 a, 10623 Berlin, Tel. 312 20 05

Vostok Reisen

Ackerstr. 157, 10115 Berlin, Tel. 308 710 22

ПЕРЕВОДЧИКИ

E. Schukova, Reichssportfeldstr. 14055 Berlin, Tel. 305 87 20

M. Juhr, Saarstr. 17, 12161 Berlin, Tel. 852 77 40

R. Sojref, Lotto-Laden, Einbecker Str. 111, Berlin-Mitte, Tel. 5252289

T. Pluschke, Buschallee 12 a, 13088 Berlin, Tel. 925 19 22

O. Popowkina, Tel. 687 31 87

Бюро "Славистика", Tel. 547 014 81

Бюро переводов, Tel. 455 41 35

L. Kurjatov, Bergstr. 70, Berlin—Mitte, Tel. 281 54 00

B. Kittler, Tel. 242 21 21

H. Lange, Tel. 426 24 15

T. Meyer, Basdorfer Str. 28, 12679 Berlin, Tel. 935 18 37

Бюро переводов, Tel. 324 98 47

РУССКОЯЗЫЧНАЯ АВТОШКОЛА

Fahrschule Borowski

Etkar—Andre—Str. 10, 12619 Berlin, Tel. 563 36 32

СЛУЖБЫ ИНФОРМАЦИИ

Справочное бюро на русском языке

Tel. 0190—771120

Справочная служба на русском языке

Tel. 0190—572250

"Человек и закон", консультационный кабинет

Tel. 01717—565 532

Beratungsstelle BABEL e. V.

Tamara Richter, Tel. 514 39 40

Из русского путеводителя
за 1925 год

Рестораны - Сады

Летом рестораны-сады в Берлине и его окрестностях переполнены, особенно в хорошую погоду, берлинцами, и иностранцу предоставляется удобный случай изучать нравы и особенности берлинцев в различных слоях общества. Публика высшего класса преобладает в западной части Берлина; в отдельных ресторанах с винными отделениями царит известная роскошь. Мелкие горожане и рабочие предпочитают, главным образом, Восток, Юг и Север города. Здесь, наряду с несколькими изысканными заведениями, находятся, главным образом, скромные рестораны-сады с публичными танцевальными залами, которые привлекают берлинскую молодежь (за каждый танец уплачивается отдельно танцмейстеру, кроме того случая, если танцующий приобрел "ленту танцев").

Многие берлинцы придерживаются старого обычая самим себе готовить кофе в ресторанах, на вывесках которых сказано: "семьи могут здесь варить кофе".

Посыльные и гонцы

Посыльные (также на велосипедах) узнаются по своим красным шапкам с выданными им полицией номерными бляхами. Они стоят на углах более оживленных улиц города.

Общество берлинских гонцов (с огран. ответ.). Центральное бюро Бейретерштрассе 38 присылает по телефонному требованию тотчас же гонцов для исполнения всякого рода поручений.

Полезные адреса

Русская делегация по делам военнопленных беженцев.

Уландштрассе 156. 2.

Союз русских журналистов и литераторов в Германии.

Маркграфенштрассе 73, "Руль".

Союз русских евреев в Германии. Клейшттрассе 11

Союз взаимопомощи офицеров б. российских армии и флота.

Уландштрассе 143. 3.

УСЛУГИ

"Золотые руки" бюро услуг,
Tel. 349 53 40, 494 37 61

Ателье по ремонту обуви
Stettiner Str. 62 (U – Bahn Pankstrasse)
Ателье по ремонту обуви
Mommsenstr. 37, 10629 Berlin, Tel. 324 59 85
Сапожная мастерская
Müllerstr. 12, 12107 Berlin, Tel. 712 43 61
Сапожная мастерская
Ofenerstr. 2, 13349 Berlin, Tel. 452 60 26
Сапожная мастерская
Mehringplatz 6, Tel. 251 49 65

Уход за больными и пожилыми людьми
Tel. 211 03 72, 852 63 40

Ремонт квартир, Tel. 265 27 96
Ремонт квартир, Tel. 628 30 68
Ремонт квартир, Tel. 883 98 53
Ремонт квартир, Tel. 742 71 02, 525 20 20

Транспортные услуги (переезд), Tel. 443 92 58
Транспортные услуги, Tel. 589 33 62, 589 45 37,
Транспортные услуги (переезд), Tel. 324 87 58

Настройка и ремонт пианино, Tel. 262 76 36

Реклама: "Зеркало Загадок",
культурно – политический журнал,
Tel. 441 03 48, 441 03 59

ПРОЧИЕ ПОЛЕЗНЫЕ АДРЕСА

"Дом русской культуры и науки"
Friedrichstr. 176 – 179, 10117 Berlin,
Tel. 203 02 320, 203 02 251

Клуб "Диалог" (Dialog e.V.)
(в Доме русской культуры)
Friedrichstr. 176 – 179, 10117 Berlin,
Tel. 204 48 59

"Русская школа искусств для взрослых"
("Галерея Голицын"), Tel. 203 02 342

Посольство России
Unter den Linden 63, 10117 Berlin, Tel. 229 11 10

Посольство Украины
Unter den Linden 63, 10117 Berlin, Tel. 229 16 18

Еврейская Община Берлина
Joachimstaler Str. 13, 10719 Berlin, Tel. 884 203 59

Адаас Исроел, Tucholskystr. 40, 10117 Berlin,
Tel. 281 31 35, 341 86 12

Еврейское культурное общество
(Jüdischer Kulturverein)
Monbijouplatz 4, 10178 Berlin,
Tel. 282 66 69

Уполномоченная Сената
по делам иностранцев
(бесплатная юридическая консультация)
Potsdamerstr. 65, 10785 Berlin, Tel. 260 42 351

Русский сервер в сети интернета
"Шарлотенград", <http://www.kulturbox.de>

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ

"Золотой теленок", Leipzig Str. 120, 10117 Berlin

"Русские книги", Kantstr. 82, Berlin 10627

"Радуга", Friedrichstr. 176 – 179, ("Русский дом")
Martin – Luther – Str. 82, 10779 Berlin

ПРОДУКТОВЫЕ МАГАЗИНЫ

"Русские продукты"

Krummestr. 54, 10627 Berlin, Tel. 313 56 80

"Русские продукты"

Lietzenburger Str. 22, 10789 Berlin

"Атлантик" рыбный магазин

Mittelweg 17, 12053 Berlin, Tel. 684 49 98

"Колбо", еврейский продуктовый магазин

Auguststr. 77/78, 10117 Berlin

Гастроном "Заря"

Pestalozzistr. 37, 10627 Berlin, Tel. 0171 – 230 06 50

ПАРИКМАХЕРСКИЕ

Coiffure Vladi

Martin – Luther – Str 82, 10825 Berlin, Tel. 788 18 66

Салон "Ко-ко"

Lietzenburgerstr. 54, 10719 Berlin, Tel. 883 89 50

Schönheitsstudio

Lietzenburger Str. 22, 10789 Berlin, Tel. 213 79 25

U. Graubmann, Tel. 508 980 54

РУССКИЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК

берлинский культурно – политический журнал
Torstr. 7 B 2, 10119 Berlin, Tel./Fax 4410348, Tel
4410359

СТУДИЯ

русско – немецкий литературный журнал
Александр Лайко, Tel. 283 67 37

ОСТРОВ

литературно – художественный альманах
Danziger Str. 4, 10435 Berlin, Tel. 442 58 30

ЕВРОПАЦЕНТР

независимая газета, Kaiserdamm 95, 14057 Berlin,
Tel. 301 90 08, 301 90 09, 302 10 64, 302 10 65

РУССКИЙ БЕРЛИН

еженедельник быта и бизнеса,
Potsdamer Str 100, 10785 Berlin, Tel. 265 24 05

НОВАЯ ГАЗЕТА

Friedrichstr. 176 – 179, 10117 Berlin, Tel. 204 40 33

АЛЕФ – БЕТ

газета еврейской общины Потсдама
Heinrich – Mann – Allee 103, Haus 16,
14473 Potsdam, Tel. (0331) 8888114, 8888115

ШАЛОМ

община мессианского иудаизма
приглашает на свои встречи

Мы верим, что Иешуа хаМашиах - традиционно Иисус Христос - является обещанным Мессией Израиля и Спасителем всего мира. Мы - счастливые люди, потому что живем в мире и общении с Богом, и счастливые евреи, потому что знаем истинного Мессию.

Если Вам не безразличен вопрос Ваших взаимоотношений с Богом, вопрос предельно важный для Вашего настоящего и будущего, если Вы интересуетесь предназначением и историей еврейского народа, то мы ждем Вас и будем рады Вас видеть по адресу:

**WERBELLIN STR. 32,
BERLIN-NEUKÖLLN
(U-Bahn Rathaus Neukölln)**

*Наши встречи проходят
по субботам в 14.00 и средам в 18.00.
У нас Вы сможете получить в подарок
Библию и дополнительную литературу.*

"... мы нашли Того, о Ком писали Моисей в Торе и пророки, Иисуса, сына Иосифа, из Назарета..." (Иоан 1:45).

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР!

новое
приложение
к журналу

развлекательный
журнал

*юмор,
сатира,
анекдоты,
небылицы,
и многое
другое.*

Зеркало
Загадок

Aus dem Rahmen

кафе художественной
и литературной интеллигенции

**Life Musik, Kleine Bühne, Ausstellungen,
Russische Spezialitäten**

Galerie Cafe

Aus dem Rahmen

Luitpoldstr.1, 10781 Berlin

СТУДИЯ

независимый русско-немецкий
литературный журнал

ЧИТАЙТЕ

в следующем выпуске:

Михаил Агурский "Пепел Клааса",
неизданные главы из книги воспоминаний

Лариса Дымова:
Воспоминания о Евгении Винокурове

За круглым столом рассказчиков:
Л. Улицкая, И Кузнецов, В Фадин,
Н. Савельева, И. Гегенредер, В. Куклин.

Поэзия, литературоведческие
и религиозно-философские статьи.

гл. редактор А. Лайко
Tel.: (030) 283 67 37

Краткий курс истории мультикульту

